

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 1 (54)
2024
ISSN 2542-1735
16+

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)*

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Подписан в печать 14.03.2024
Вышел в свет 28.03.2024
Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 26,5.
Тираж 100 экз.
Заказ 73.
Цена свободная.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 1 (54)
2024
ISSN 2542-1735
16+

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE» MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Signed to the press on 14.03.2024
It was released on 28.03.2024
P 60x84 1/8 format. Offset paper.
Souvenir headset.
Offset printing. Table of baking sheets 26,5.
The circulation is 100 copies.
Order 73.
The price is free.

The address of the editorial office and publishing house:

Research and editorial and publishing department.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Printed at the NIRIO printing house.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6 Kutuzova str., Krasnoyarsk, 660050.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва) (по согласованию);

Адилов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Краснодар) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Могилев, Республика Беларусь) (по согласованию);

Макарчук Иван Юрьевич, кандидат юридических наук, эксперт Российской академии образования (г. Красноярск);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент (г. Караганда, Республика Казахстан) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк) (по согласованию).

Editorial council:

Chairman – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

editorial council members:

Avakian Suren Adibekovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow) (by agreement);

Adilov Aibek Nasyrovich, Doctor of Law, Professor (Bishkek) (by agreement);

Anokhin Yuri Vasilyevich, Doctor of Law, Professor (Barnaul) (by agreement);

Bezrukov Andrey Viktorovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Bertovsky Lev Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Moscow) (by agreement);

Garmaev Yuri Petrovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Ulan-Ude) (by agreement);

Gryaznova Tatyana Evgenievna, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Dizer Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod) (by agreement);

Zheleznyak Nikolay Semenovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Krasnodar) (by agreement);

Kondrashev Andrey Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kozhevina Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Omsk region, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Lubencov Alexander Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor (Mogilev, Republic of Belarus) (by agreement);

Makarchuk Ivan Yuryevich, Candidate of Law, expert of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk);

Samsonov Valery Nikolaevich, Doctor of Law, Professor (Belgorod) (by agreement);

Seitzhanov Olzhas Temirzhanovich, Candidate of Law, Associate Professor (Karaganda, Republic of Kazakhstan) (by agreement);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Alexander Viktorovich Shesler, Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk) (by agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Борков В.Н.</i> Взятка в виде предоставления имущественных прав	9
<i>Белецкий И.А.</i> Квалификация «карманных» краж: когда вещи надеты на потерпевшего или находятся в непосредственной близости от него	16
<i>Зайцев И.А.</i> О некоторых аспектах доказывания виновности лица, совершившего административное правонарушение в сети Интернет, в условиях цифровизации	22
<i>Чумаков А.В.</i> О типичных недостатках расследования по уголовным делам о хищениях в бюджетной сфере	28
<i>Карпов К.Н.</i> Экстраординарные основания и правовые последствия освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции	33
<i>Кохан Р.Ю.</i> О классификации оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий.....	38
<i>Мальков С.М.</i> Оружие и боеприпасы как предмет, способ, средство и орудие совершения преступления.....	45
<i>Овчинко О.А., Сорокин И.С.</i> Понятие, признаки и общественная опасность незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	54
<i>Рысёв А.А., Саутиев А.М.</i> Азартные игры в среде осужденных как негативный фактор, влияющий на оперативную обстановку в исправительных учреждениях.....	61
<i>Репин А.В.</i> Возможности использования отдельных способов макросъемки как альтернатива микрофотосъемке в дактилоскопической экспертизе.....	68
<i>Курилова Е.Н., Кутергин Н.Б.</i> Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за мошенничество в сфере электронных средств платежа.....	75

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Бархатова Е.Н.</i> Приоритеты современной уголовной политики в противодействии наркоугрозе	81
<i>Токманцев Д.В.</i> Юридическая роль посредника в незаконном приобретении наркотиков	87
<i>Бойко О.А., Панов С.Л., Урусов А.А.</i> Принципы деятельности волонтерских организаций в сфере антинаркотической профилактики.....	94

Взгляд. Размышления. Точка зрения

<i>Гармаев Ю.П.</i> Приоритеты государственной политики в контексте разработки и модернизации криминалистических методик расследования преступлений	101
<i>Кириллова Н.П., Назаров А.Д.</i> Защита имущественных прав участников процесса и применение мер уголовно-процессуального принуждения	109
<i>Попова Е.И., Салишев С.Н.</i> Проблемы реализации института общественного помощника следователя Следственного комитета России	114
<i>Бутенко Т.П., Петров М.Г.</i> Особенности доведения доказательственной информации до сведения присяжных заседателей	118

Карлов.А.Л. О некоторых результатах научных изысканий по вопросам применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве.....	125
Корниенко Е.К., Ступина С.А. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан на жилище при определении оснований исключения жилого помещения как единственного жилья по делам о банкротстве.....	130
Шатилов С.П., Шатилова О.А. Деятельность государственных органов и общественности, направленная на борьбу с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью в 1944-1946 гг. (на материалах Алтайского края)	137
Грибунов О.П., Степанова Е.Е. Деятельность полиции в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв.	145
Еремеев С.Г. «Синий суицид», современное состояние и тенденции.....	151
Безруков А.В., Сидоров Н.В. Совершенствование системы представительных органов публичной власти России в условиях проводимых конституционных преобразований.....	156
Майорова Л.В., Лушаева М.Д. Влияние международных договоров на совершенствование уголовно-процессуального законодательства.....	165

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Баязитов Т.Т. Меры по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого, обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу.....	172
Разгон О.Ю. Позитивные административные производства: понятие, признаки и место в системе административного процесса	178
Семеновский А.И. Формальная сторона показаний обвиняемого (в аспекте процессуальных действий).....	183
Шайденко Е.А. Тяжкие последствия фальсификации доказательств как оценочный признак состава преступления, влияющий на степень его общественной опасности	191
Арчукова А.А. Понятие и виды функциональных признаков внешности человека	198
Шлегель П.О. Особенности формирования правосознания субъектов обеспечения правопорядка	204

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Borkov V.N.</i> Bribe in the form of property rights	9
<i>Beletsky I.A.</i> Qualification of pickpocketing: when things are on the victim or in close proximity to them	16
<i>Zaitsev I.A.</i> On some aspects of proving the guilt of a person who committed an administrative offense on the Internet in the context of digitalizatio	22
<i>Chumakov A.V.</i> On typical shortcomings of criminal investigations of embezzlement in the budget sphere	28
<i>Karpov K.N.</i> Extraordinary grounds and legal consequences of exemption of persons, involved in the special military operation, from criminal liability and punishment	33
<i>Kohan R.Yu.</i> On the classification of grounds for conducting operational-search activities.....	38
<i>Malkov S.M.</i> Weapons and ammunition as an object, method, means and instrument of committing a crime.....	45
<i>Ovchinko O.A., Sorokin I.S.</i> The concept, signs and public danger of illegal trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices	54
<i>Rysev A.A., Sautiev A.M.</i> Gambling among convicts as a negative factor affecting the operational situation in correctional institutions.....	61
<i>Repin A.V.</i> Possibilities of using certain methods of macrophotography as an alternative to microphotography in fingerprint examination.....	68
<i>Kurilova E.N., Kutergin N.B.</i> Problem issues of bringing to criminal liability for fraud in the field of electronic payment.....	75

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

---

<i>Barkhatova E.N.</i> Priorities of modern criminal policy in countering the drug threat	81
<i>Tokmantsev D.V.</i> The legal role of an intermediary in the illegal acquisition of drugs.....	87
<i>Boyko O.A., Panov S.L., Urusov A.A.</i> Activity principles of volunteer organizations	94

Views. Reflections

<i>Garmaev Yu.P.</i> Priorities of state policy in the context of the development and modernization of criminalistic methods of crime investigation	101
<i>Kirillova N.P., Nazarov A.D.</i> Protection of property rights of participants in the process and application of measures of criminal procedural coercion	109
<i>Popova E.I., Salishev S.N.</i> Problems of implementation of the institution of public assistant investigator of the Investigative Committee of Russia	114
<i>Butenko T.P., Petrov M.G.</i> Peculiarities of bringing evidentiary information to the attention of jurors	118

<i>Karlov A.L.</i> On some results of scientific research on the issues of application of the institute of pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings.....	125
<i>Kornienko E.K., Stupina S.A.</i> Issues of observing the constitutional rights of citizens to housing when determining the grounds for excluding residential premises as the only housing in bankruptcy cases.....	130
<i>Shatilov S.P., Shatilova O.A.</i> The activities of state bodies and the society aimed at combating child homelessness, neglect and criminality in 1944-1946. (based on materials from the Altai Territory)	137
<i>Gribunov O.P., Stepanova E.E.</i> Police activity in Irkutsk province in the late XIX – early XX centuries	145
<i>Eremeev S.G.</i> «Blue suicide», current state and trends.....	151
<i>Bezrukov A.V., Sidorov N.V.</i> Improvement of the system of representative bodies of public authority of Russia in the conditions of ongoing constitutional reforms.....	156
<i>Mayorova L.V., Lushchaeva M.D.</i> Impact of international treaties on the improvement of criminal procedure legislation.....	165

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

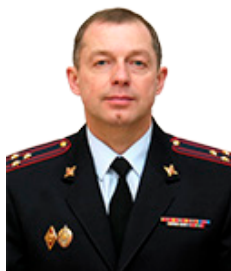

<i>Bayazitov T.T.</i> Legal actions to ensure safety of the property and home of a person who is a suspect, an accused, detained or taken into custody.....	172
<i>Razgon O.Yu.</i> Positive administrative proceedings: the concept, signs and place in the system of administrative procedure	178
<i>Semenovskiy A.I.</i> Formal aspect of statements of the accused (in terms of procedural actions).....	183
<i>Shaidenko E.A.</i> Severe consequences of falsification of evidence as an evaluative dimension of a corpus delicti affecting the degree of its public danger	191
<i>Archukova A.A.</i> Concept and types of functional signs of human appearance	198
<i>Shlegel P.O.</i> Features of developing the legal awareness of subjects of law enforcement	204

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.352.4

Виктор Николаевич БОРКОВ,

начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

borkovv@mail.ru

ВЗЯТКА В ВИДЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

BRIBE IN THE FORM OF PROPERTY RIGHTS

В статье исследуется феномен предмета взятки с учетом решений Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, а также судов общей юрисдикции. На примере дела о фиктивном трудоустройстве супруги должностного лица и возникших у нее в связи с этим имущественных правах, об использовании виновным в интересах взяткодателя своих служебных полномочий анализируются особенности получения взятки в виде предоставления имущественных прав. Показано, что при таком способе взяточничества в качестве предмета взятки выступают затраты взяткодателя на создание имущественного права для должностного лица, а не полученная им выгода от его реализации. Размер взятки в виде предоставления имущественного права, как правило, не совпадает доходом от реализации соответствующего права. Реализация предоставленного взяткодателю имущественного права может состоять в выполнении имущественных обязательств третьими лицами. В последнем случае получение взятки осуществляется путем дачи взяткодателю указания о ее передаче иному физическому или юридическому лицу.

The article examines the phenomenon of the subject of a bribe, taking into account the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, as well as courts of general jurisdiction. Using the example of a case on the fictitious employment of the official's spouse and the property rights that arose in this regard, as well as the use of official powers by the guilty party in the interests of the bribe giver, the article analyzes the specifics of receiving a bribe in the form of granting property rights. It is shown that with this method of bribery, the subject of the bribe is the bribe giver's expenses on creating property rights for the official, and not the benefit received by the official from its implementation. The amount of a bribe in the form of granting property rights, as a rule, does not coincide with the income from the implementation of the relevant right. The implementation of the property right granted to the bribe giver may consist in the fulfillment of property obligations by third parties. In the latter case, the bribe is received by instructing the bribe giver to transfer it to another individual or legal entity.

Ключевые слова: получение взятки, общее покровительство и попустительство, предмет взятки, предоставление имущественных прав, фиктивное трудоустройство, указание о передаче взятки иному лицу.

Keywords: receiving a bribe, general patronage and connivance, the subject of the bribe, granting property rights, fictitious employment, an instruction to transfer the bribe to another person.

Одним из непростых вопросов, возникающих в процессе уголовно-правового противодействия коррупции, является установление признаков предмета взятки. Так, Конституционным Судом РФ была рассмотрена попытка оспорить конституционность нормы, предусматривающей ответственность за получение взятки в крупном размере (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ), поскольку ее применение позволило включить в сумму взятки пособие по беременности и родам, выплаченное супруге должностного лица. Заявитель, являясь главным налоговым инспектором, получил взятку от предпринимателя путем фиктивного трудоустройства супруги и выплаты ей денежных средств «...не только в виде заработной платы, но и в виде пособия по беременности и родам и единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности». Конституционный Суд РФ разъяснил, что «обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством подлежат, в частности, граждане Российской Федерации, которые работают по трудовым договорам и являются застрахованными лицами... Супруга заявителя, как это установлено судами, работу по трудовому договору не осуществляла, а значит, не могла относиться к лицам, подлежащим обязательному социальному страхованию»¹. При рассмотрении уголовного дела суд второй инстанции отклонил довод защиты о необходимости исключить из суммы взятки выплаты за счет Фонда социального страхования РФ, разъяснив, что «источник происхождения денежных средств, зачисленных на банковскую карту супруги осужденного, на квалификацию его действий не влияет»².

В описанной правоприменительной ситуации возникает ряд вопросов. Первый – о допустимости признания предметом взятки имущества, которым взяткодатель не обладал и распорядиться не мог, второй – о квалифи-

кации получения страховых выплат лицом, которое фактически работу по трудовому договору не осуществляло, и третий – о том, что является в исследуемом примере взяткой – выплаченные супруге главного налогового инспектора пособия или осуществляемые предпринимателем страховые взносы.

Уголовный закон и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» не содержат прямого указания на то, что предметом взятки является имущество, находившееся в собственности взяткодателя, а также на причинение последнему в результате взяточничества ущерба. Предметом преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ, могут выступать похищенные и не вполне правомерным путем добытые средства. Но бесспорным является то, что взятку должностному лицу дает именно взяткодатель. Так, заместитель начальника колонии получил от предпринимателя «не менее 5 071 500 рублей» в качестве взятки за общее покровительство по службе (ч. 6 ст. 290 УК РФ). «С целью реализации своего преступного умысла... [взятополучатель] предложил [предпринимателю] незаконно вывозить и реализовывать часть продукции, произведенной и принадлежавшей ООО <...>, с территории ФКУ ИК <...> без какого-либо учета и сопроводительных документов, а вырученные денежные средства от реализации указанной продукции, передавать... в качестве взятки...»³.

В другом случае ведущий экономист отдела планирования муниципального учреждения, курирующая расходование бюджетных средств образовательными организациями, была признана виновной в получении взятки за общее попустительство по службе (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ) от главного бухгалтера одной из таких образовательных организаций, которая совершала хищения бюджетных средств путем завышения расходов. «Взятка в

1 Определение Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 N 747-О // СПС «КонсультантПлюс».

2 Там же.

3 Приговор Приволжского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) от 26.05.2020 по делу N 1-13/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.08.2023).

виде части похищенных в указанный период денег в общем размере 240 000 рублей [была передана] путем перечисления их [бухгалтером] с лицевого счета МКОУ СОШ <...> на лицевой счет <...>, открытый на имя [взятокополучателя]»¹. Согласно приговору взятка была получена экономистом «за незаконные действия, выразившиеся в том, что при ежемесячном анализе фонда оплаты труда, анализе расходования средств, приеме и проверке заявок на финансирование средств краевого бюджета от МКОУ СОШ <...> она скрывала и не сообщала никому, в том числе главному экономисту, о фактах нарушений и хищения денежных средств [бухгалтером]»².

В приведенном примере экономист не была осведомлена заранее о каждом конкретном факте хищения, а дала общее согласие в будущем «не применять входящие в ее полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взятокодателем нарушения», что характерно для общего попустительства по службе³. С другой стороны, например, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, может быть признано соучастием в хищении, если «в силу систематического их совершения давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие»⁴. Между тем существуют две причины для квалификации действий экономиста как получение взятки, а не соучастие в хищении. Во-первых, если соучастие в совершении преступления содержит признаки исполнения другого посягательства, запрещенного уголовным законом, то вменять следует именно последнее. Во-вторых, сомнительна возможность содействия совершению преступления путем бездействия. Кроме того, «получение должностным лицом материального вознаграждения за введение с использованием своего должностного положения в заблужде-

ние потерпевшего или его представителя [в числе прочего и путем умолчания о значимых фактах] до передачи ими предмета хищения преступникам является взяточностью... [в таком случае] обеспечение должностным лицом реализации способа хищения «оплачивае-ет» его соисполнитель» [подр.: 1, с. 83].

Судебные решения в отношении начальника колонии и экономиста свидетельствуют о возможности получения взятки в виде похищенных взятокодателем или полученных иным незаконным способом денежных средств. Существенной чертой таких посягательств является передача взятки должностным лицам именно взятокодателями, в наших примерах – предпринимателем и бухгалтером, заинтересованными в покровительстве и попустительстве. В ситуации с ложным трудоустройством супруги должностного лица пособие по беременности, признанное судом взяткой, предоставил Фонд социального страхования.

Обязательному социальному страхованию подлежат лица, работающие по трудовым договорам и являющиеся застрахованными. Означает ли это, что если договор был фиктивным и супруга должностного лица фактически трудовые обязанности не выполняла, то даже с учетом производимых страховых взносов получение выплат за счет бюджета является незаконным? А также является ли любое незаконное получение социальных выплат хищением? О хищении здесь говорить сложно. Получение супругой взятокополучателя страхового возмещения в связи с материнством не являлось безвозмездным, т.к. организация, в которой она была фиктивно трудоустроена, осуществляла страховые взносы. По этой же причине сомнительно утверждение о причинении ущерба внебюджетному фонду. По смыслу Федерального закона от 29 декабря 2006 г. N 255-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Об обязательном социаль-

1 Приговор Предгорного районного суда (Ставропольский край) от 05.10.2020 по делу N 1-150/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.08.2023).

2 Там же.

3 О судебной практике по делам о взяточности и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019), п. 5 // СПС «КонсультантПлюс».

4 О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019), п. 17 // СПС «КонсультантПлюс».

ном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» право на получение страхового обеспечения имеют лица, которые вступили в отношения по социальному страхованию и уплачивают страховые взносы. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 2 данного закона вступить в отношения социального страхования могут адвокаты, если они уплачивают за себя страховые взносы. При этом не имеет значения, занимают ли они фактически адвокатской деятельностью или нет. Выполнение, невыполнение или ненадлежащее выполнение сотрудником трудовых обязанностей находится за рамками обязательного социального страхования и характеризует их отношения с работодателем.

В комментируемом примере предпринимателю пришлось не только выплачивать заработную плату супруге должностного лица, которая фактически трудовых обязанностей не выполняла, но и платить за нее страховые взносы. Последние передавались в государственный внебюджетный фонд, а не взяткополучателю. Но следует учитывать, что взятка может быть передана не только непосредственно взяткодателю, но по его указанию другому физическому или юридическому лицу (ч. 1 ст. 290 УК РФ). Трудоустройство по требованию главного налогового инспектора его супруги предполагало и уплату взносов в государственные внебюджетные фонды.

Наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, оказанием услуг имущественного характера уголовный закон признает предметом взятки предоставление имущественных прав (ч. 1 ст. 290 УК РФ). В исследуемом примере предприниматель, внося взносы в государственный внебюджетный фонд, предоставил супруге главного налогового инспектора право получить пособие по беременности и родам. «В доктрине уголовного права обосновывается, – пишут Е.В. Фоменко, Е.Б. Козлова, – что фактически подкуп может состоять в предоставлении и получении не только имущественных, но и неимущественных благ и преимуществ, при-

чем большинство из них прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно могут приносить имущественную выгоду их получателю. Например, незаконное оформление и выдача документов, подтверждающих наличие определенной квалификации (специальности), получение общего и (или) профессионального образования, повышение квалификации или другой юридический факт дают другому лицу незаконную возможность устроиться на ту или иную работу, получить или сохранить какую-либо должность, в том числе повысить получаемую им заработную плату. Представляется, что действия по предоставлению и получению такого предмета подкупа по общественной опасности не уступают своим имущественным аналогам» [6, с. 78]. В приведенных Е.В. Фоменко и Е.Б. Козловой примерах само по себе незаконное получение лицом документов его материальное положение не улучшает, необоснованные выплаты являются результатом их преступного использования. Признание таких подложных документов предметом взятки спорно, что связано со сложностью «получения их денежной оценки», как того требует в своих разъяснениях Верховный Суд РФ¹.

В деле главного налогового инспектора документы о социальном страховании супруги и ее беременности подложными не были. В комментируемом примере взяткополучатель фактически дал указание взяткодателю о передаче предмета взятки юридическому лицу – государственному внебюджетному фонду, вследствие чего впоследствии у его супруги возникло право на получение социальных пособий. Таким образом, взяткой в исследуемой ситуации, наряду с выплаченной заработной платой, следует признать не выплаченные супруге должностного лица пособия, а внесенные предпринимателем страховые взносы.

Исследуя подобную ситуацию, П.С. Яни допускает признание имущественным правом получение заработной платы фактически не работающей матерью чиновника. Ученый поясняет: «Это имущество по указанию взят-

1 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019), п. 9.

кополучателя передается другому лицу, что образует состав получения взятки должностным лицом, отдавшим данное указание. Тем не менее, – делает вывод Павел Сергеевич, – думается, стоит по-прежнему рассматривать предоставление имущественного права как его юридическое закрепление за виновным либо по его указанию за другим лицом. В последнем примере таким закреплением является заключение с матерью подкупленного чиновника трудового договора» [7, с. 45]. Данное замечание проясняет ситуацию, но с некоторыми оговорками. Предприниматель не только заключил трудовой договор с супругой главного налогового инспектора, но и фактически выплачивал ей не заработанную «заработную плату», т.е. в этой части передал взятку в виде денег. В свою очередь, неся расходы по социальному страхованию, взяткодатель оплатил имущественное право – право потребовать выплаты пособий по беременности и родам, гарантированное обязанностью страховщика право на социальное обеспечение. Верховный Суд РФ применительно к имущественным правам разделяет собственно передаваемую взятку и порожаемое ею право взяткополучателя на получение имущественных преференций. «У должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность ... требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств»¹. Таким образом, взяткой являются затраты на предоставление имущественного права, а не выгоды взяткополучателя от его реализации.

«Понятие имущественного права охватывает собой обширную совокупность правомочий субъектов, которые вытекают из имущественно-стоимостных отношений, регулируемых гражданским правом» [5, с. 152]. Важно отметить, что страхование является институтом гражданского (глава 48 ГК РФ),

оно может быть как добровольным, так и обязательным (ст. 936 ГК РФ). Застрахованное лицо, которому при наступлении страхового случая должно быть выплачено страховое возмещение, именуется выгодоприобретателем (ст. 937 ГК РФ).

В ситуации, сходной с рассматриваемой Конституционным Судом РФ, должностное лицо было осуждено за получение взятки в виде денег и «незаконного пользования имущественными правами». Взяткодатель трудоустроил и выплачивал заработную плату супруге должностного лица, которая фактически трудовые обязанности не выполняла, также, согласно судебному решению, взятка состояла в «предоставлении имущественного права на налоговый вычет»². В данном случае признание предметом взятки предоставления имущественного права будет верным, если часть суммы налога на доход супруги виновного была возвращена государством. Если по ее заявлению были уменьшены налоги, взыскиваемые с начисляемой ей заработной платы, то взяткой следует считать деньги, а не имущественное право.

Применительно к получению взятки в виде имущественных прав важно определить, что образует ее сумму – результат реализации имущественных прав взяткополучателем, или понесенные взяткодателем затраты на их предоставление. Как указал Верховный Суд РФ, «предоставленные имущественные права» должны получить «денежную оценку»³. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» уточняется, что при установлении размера похищенного имущества следует исходить из «его фактической стоимости на момент совершения преступления»⁴. По мнению Г.Н. Мироновой, если «фактический размер обязательств на момент передачи взятки не может быть точно опре-

1 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019), п. 9.

2 Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 по делу N 7У-5312/2023[77-2859/2023] // СПС «Гарант».

3 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019), п. 9.

4 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022), п. 30.

делен ни взяткодателем, ни взяткополучателем ... определение размера взятки могло бы происходить исходя из предполагаемого размера» [4, с. 24].

Суммируя современную цивилистическую доктрину по данному вопросу, Г. Есаков и Д. Сарваров выводят «такие особенности имущественных прав как объектов гражданских прав, как то: материальная (денежная) ценность, самостоятельная оборачиваемость и по общему правилу обязательственный характер» [3, с. 61]. Следует исходить из того, что взятку дает взяткодатель и не во всех случаях он предоставляет такое право, которым мог бы воспользоваться сам. Применительно к взятке в виде имущественного права на налоговый вычет вопрос о ее сумме решается просто: затраты работодателя-взяткодателя равны полученной супругой взяткополучателя сумме налогового вычета. В случае с социальными пособиями размер взятки соответствует сумме уплаченных предпринимателем страховых взносов. По одному из дел заместителем директора лесничества взятка была получена в виде предоставления ему коммерческой организацией, арендовавшей лесные насаждения, «имущественного права на вырубку леса на части принадлежащих ООО <...> делянках». Взяткополучатель «с целью извлечения для себя выгоды продал переданное ему ... право рубки лесных насаждений [другому лицу] за 1 022 500 рублей»¹. Эта сумма, а не предполагаемый доход от сбыта заготовленной древесины, была верно признана размером взятки

В получении взятки в виде предоставления имущественного права обвинялся глава администрации района, которому за приемку некачественно выполненных работ руководителем организации подрядчика предоставил в пользование на два года автомобиль «Лэнд Ровер Дискавери 4». Было установлено, что стоимость предоставления автомобиля со-

ставила 1 388 378 руб. Суд переqualificировал действия главы администрации с получения взятки на злоупотребление должностными полномочиями (ч. 2 ст. 285 УК РФ), разъяснив, что «корыстная заинтересованность В. выразилась в стремлении его, как должностного лица, исходя из возможностей, предоставленных ему занимаемой должностью, получать выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц – использовать принадлежащий ООО <...> автомобиль, не оплачивая предоставленную услугу»². Позиция суда в части переqualificации действий виновного с получения взятки на злоупотребление должностными полномочиями спорна. Глава администрации получил взятку, но не путем предоставления имущественного права, а в виде услуги имущественного характера, которой, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, является «передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования»³. «Право пользования транспортным средством, безвозмездно предоставляемое взяткополучателю (если такое незаконное вознаграждение удастся исчислить) без какого-либо юридического закрепления ... не к имущественным правам, а к иному предмету взятки – услугам (выгодам) имущественного характера» относит П.С. Яни [7, с. 45].

По мнению А.В. Грошева и В.П. Камышанского, при получении взятки в виде имущественного права, последнее «используется для подкупа должностного лица, то есть совершения действий с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (речь идет о ничтожной сделке). Соответственно, все, что получено вследствие данной сделки, взыскивается в доход государства (ст. 169 ГК РФ)» [2, с. 49-50]. Позиция ученых свидетельствует об актуаль-

1 Приговор Ильинского районного суда (Пермский край) от 23.07.2015 N 1-29/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.08.2023).

2 Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода (Белгородская область) от 11.02.2019 N 1-364/2018 1-9/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.08.2023).

3 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019), п. 9.

ности междисциплинарного исследования проблем борьбы со взяточничеством, правового статуса имущества, непосредственно или опосредованно «окрашенного» коррупционным поведением.

Таким образом, при совершении взяточничества путем предоставления должностному лицу имущественных прав в качестве предмета взятки выступают затраты взяткодателя на создание имущественного права для должностного лица, а не полученные им дивиденды от его реализации. Размер взят-

ки в виде предоставления имущественного права, как правило, не совпадает доходом от реализации соответствующего права. Реализация предоставленного взяткодателю имущественного права может состоять в выполнении имущественных обязательств третьими лицами. В последнем случае получение взятки осуществляется путем дачи взяткодателю указания о ее передаче иному физическому или юридическому лицу.

Библиографический список

1. Борков, В.Н. Квалификация хищения, сопряженного со взяточничеством / В.Н. Борков // *Lex russica*. – 2023. – Т. 76. – N 1. – С. 76-84.
2. Грошев, А.В. Предмет взятки и его гражданско-правовая сущность: проблема межотраслевых связей норм уголовного и гражданского законодательства / А.В. Грошев, В.П. Камышанский // *Власть Закона*. – 2022. – N 1. – С. 32-51.
3. Есаков, Г. Имущественные права как предмет взятки / Г. Есаков, Д. Сарваров // *Уголовное право*. – 2018. – N 4. – С. 58-62.
4. Миронова, Г.Н. Влияние размеров взятки и коммерческого подкупа на квалификацию коррупционных преступлений / Г.Н. Миронова // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2020. – N 3. – С. 22-26.
5. Фарберова, Л.И. Незаконное предоставление имущественного права как предмет взяточничества / Л.И. Фарберова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2014. – N 1. – С. 147-153.
6. Фоменко, Е.В. Отдельные права на результаты интеллектуальной деятельности и права на получение в собственность объектов недвижимости как предмет подкупа / Е.В. Фоменко, Е.Б. Козлова // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2023. – N 6. – С. 77-88.
7. Яни, П.С. Новые разъяснения Пленума о квалификации взяточничества / П.С. Яни // *Законность*. – 2021. – N 5. – С. 41-45.

УДК 343

Илья Александрович БЕЛЕЦКИЙ,

доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

abinik@inbox.ru

**КВАЛИФИКАЦИЯ «КАРМАННЫХ» КРАЖ:
КОГДА ВЕЩИ НАДЕТЫ НА ПОТЕРПЕВШЕГО
ИЛИ НАХОДЯТСЯ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ ОТ НЕГО**

**QUALIFICATION OF PICKPOCKETING:
WHEN THINGS ARE ON THE VICTIM OR IN CLOSE PROXIMITY TO THEM**

В статье исследуется судебная практика, касающаяся квалификации карманных краж. Автор приходит к выводу о том, что суды неодинаково применяют пункт «г» части 2 статьи 158 УК РФ. Некоторые суды для целей квалификации действий виновного как карманной кражи не учитывают, мог ли потерпевший контролировать свое имущество, находящееся в вещах, расположенных в непосредственной близости от него. Предлагаются критерии, которые, по мнению автора, будут способствовать правильному применению норм уголовного закона.

The judicial practice concerning the qualification of pickpocketing is examined in the article. The author comes to the conclusion that courts apply Section «г», Part 2, Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation differently. Some courts, for the purposes of qualifying the actions of the perpetrator as pickpocketing, do not take into account whether the victim could control their property which was among things located in close proximity to the victim. The criteria are proposed which according to the author, will contribute to the correct application of the criminal law standards.

Ключевые слова: карманная кража, кража, тайное хищение, хищение из сумки, кража из ручной клади.

Keywords: pickpocketing, theft, stealing, theft from a bag, theft from hand luggage.

До 24 мая 2016 г., когда в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС N 29) был внесен пункт 23.1, одним из критериев, позволяющих оценивать хищение чужого имущества из сумки, одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем (далее – карманная кража), по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, считалось наличие кон-

троля своих вещей со стороны потерпевшего, независимо от того, где эти вещи находились – на потерпевшем или в непосредственной близости от него.

«При потерпевшем» означает, что одежда, сумка либо другая ручная кладь, откуда происходит изъятие чужого имущества, должны находиться настолько близко к потерпевшему, что последний имеет реальную возможность контролировать их наличие и сохран-

ность и при достаточной внимательности он в состоянии обнаружить действия похитителя и создать препятствия для совершения хищения. При утрате контроля со стороны потерпевшего за указанными предметами отсутствует и данный квалифицирующий признак кражи [1, с. 127].

По одному из дел суд согласился с мнением государственного обвинителя об исключении из обвинения подсудимого Н. п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ – совершение кражи из одежды (из левого внутреннего кармана), находившейся при потерпевшем, т.к. потерпевший в момент кражи спал и не мог контролировать (выделено мной. – И.Б.) свое имущество¹.

Предполагалось, что особая дерзость и профессионализм преступника, совершающего кражу чужого имущества у потерпевшего, который имеет возможность контролировать свои вещи, обуславливала повышенную уголовную ответственность за этот вид краж. Хищение имущества хотя бы и из одежды, но спящего человека, не позволяло оценивать действия виновного как квалифицированную кражу.

По мнению И.А. Савенко, если осознанием виновного лица охватывается состояние потерпевшего (бессознательное: сон, опьянение. – И.Б.) и он преднамеренно выбирает «свою жертву» именно по этому признаку, то нельзя не признать, что такая кража характеризуется наименьшей общественной опасностью и не требует от преступника концентрации своих «профессиональных» навыков. Вместе с тем если хищение совершается у лица, находящегося в бессознательном состоянии, но в общественном месте, то такое деяние должно оцениваться в качестве карманной кражи [4, с. 35].

К сожалению, история введения комментируемого квалифицирующего признака кражи не прозрачна, понять, какие случаи законодатель предполагал считать карманной кражей, нельзя – он появился только ко второму чтению законопроекта о внесении изменений в УК РФ в 2002 году. «Мы отдельно

выделили из категории краж, которые ранее относились к простым кражам, достаточно распространенный вид – карманные кражи. Мы посчитали, что эти кражи представляют наиболее серьезную опасность для нашего общества. Мы ввели новый квалифицирующий признак в части второй статьи 158: хищение, совершенное из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Таким образом, карманники, профессиональные воры-карманники, теперь будут караться строже – по части второй статьи 158», – слова одного из авторов законопроекта А.Е. Баранникова².

24 мая 2016 г., как указывалось выше, в ППВС N 29 внесен пункт 23.1, согласно которому состояние потерпевшего (сон, опьянение), когда он не имеет возможности контролировать свою одежду или сумку, не исключает квалификации кражи по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Необходимо разделять ситуации, когда вещь *надета* на потерпевшего, и когда сумка, одежда или ручная кладь находятся в *непосредственной близости* от него. Причем обе эти ситуации укладываются в законодательное описание квалифицирующего признака кражи. Иными словами, *при потерпевшем* означает, что вещь *надета* на него или находится в *непосредственной близости от него*.

Отмечу, что суды после указанных выше изменений в ППВС N 29 все еще по-разному оценивают хищения имущества потерпевшего, не имеющего возможности контролировать свои вещи, в юридической печати также не наблюдается единства мнений по поводу квалификации карманных краж. Судебная практика, пожалуй, устоялась только относительно кражи из карманов одежды, *надетой на потерпевшего*.

Н.А. Колоколов приводит в пример уголовное дело о «карманной» краже, дошедшее до Верховного Суда РФ, когда суд кассационной инстанции занял следующую позицию: «карманная кража совершается с особой дерзостью, граничащей с грабежом ... Хищение

1 Приговор Центрального районного суда города Читы от 19.04.2016 по делу N 1-370/2016. URL: //sudact.ru/regular/doc/0aZ2SS00eLWJ/ (дата обращения: 21.09.2023).

2 Стенограмма обсуждений законопроекта N 156181-3. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/156181-3 (дата обращения: 20.09.2023).

ценностей из карманов потерпевшего после его убийства не требует квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ», следовательно, мертвый, спящий, пьяный, находящийся в бессознательном состоянии, – примерно одно и то же – указал суд, отказываясь признавать карманную кражу из кармана пьяного потерпевшего [3, с. 45]. Верховный Суд РФ поддержал такой подход. Критикуя его, Н.А. Колоколов справедливо отмечает, что глубина сна, дрема потерпевшего в момент совершения преступления на квалификацию содеянного не влияет, продолжая свою мысль тем, что развитие видеонаблюдения в общественных местах как бы позволяет контролировать вещи за потерпевшего, а значит, повышенная общественная опасность и дерзость преступника, который в общественном месте совершает хищение вещей у спящего потерпевшего, сохраняются.

В.В. Хилюта заключает, что именно данный критерий (наличие контроля за своим имуществом со стороны потерпевшего) должен лежать в основе оценки ситуаций, когда происходит тайное завладение чужим имуществом из карманов спящего человека, а формальное нахождение имущества в кармане одежды у потерпевшего, который в силу своего состояния, обусловленного сном, сильным опьянением, не должно влиять на квалификацию действий виновного как простой кражи [6, с. 24].

Е.Д. Киселева полагает возможным добавить в п. 23.1 ППВС N 29 еще абзац такого содержания: «При введении данного квалифицирующего признака законодателем имелись в виду «карманные кражи», которые связаны с особой дерзостью виновного, игнорирующего опасность быть пойманным на месте преступления. Повышенная степень общественной опасности данного преступления заключается в том, что изъятие имущества происходит при физическом контакте с потерпевшим и в тот момент, когда последний может обнаружить и пресечь действия преступника» [2, с. 212].

Судебная практика верно восприняла

разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, – суды квалифицируют хищения из одежды, надетой на потерпевшего, независимо от его состояния как карманную кражу.

Так, судом апелляционной инстанции установлено, что К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, тайно похитил из левого нагрудного кармана куртки, надетой на спящем в помещении летней кухни М.А.М., принадлежавшие последнему денежные средства. Суд посчитал не имеющим значение состояние сна потерпевшего (очевидно, при котором никакого контроля за содержимым карманов нет) и квалифицировал действия К. по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ¹.

По нашему мнению, возможность контролировать свое имущество, находящееся в одежде, надетой на потерпевшего, действительно не должно влиять на квалификацию действий виновного как карманной кражи. Это обусловлено в том числе тем, что виновный демонстрирует свою «дерзость», показывает определенные криминальные умения, более того, изымая имущество из кармана одежды, виновный не может знать, проснет ли потерпевший от его действий, сможет ли обнаружить противоправные действия, а потому его действия обладают повышенной общественной опасностью, близкой к грабежу, по сравнению с простой кражей.

Другая ситуация складывается при хищении имущества из одежды, сумки или ручной клади, находящейся в непосредственной близости от потерпевшего. М.Ю. Черняков справедливо отмечает, что Пленуму Верховного Суда РФ необходимо дать соответствующее разъяснение о том, как следует понимать «при потерпевшем», и полагает, что таким обстоятельством может быть не только непосредственное физическое нахождение одежды, сумки или другой ручной клади в руках у потерпевшего, но и когда указанные вещи не находятся в непосредственном физическом обладании потерпевшего, но, по крайней мере, все же остаются под его личным контролем и контролем [7, с. 133].

По смыслу закона, указывают авторы

1 Апелляционный приговор Брянского областного суда от 11.05.2017 по делу N 22-774/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mJMEtsZjMerr/> (дата обращения: 21.09.2023).

учебника по Особенной части уголовного права, сумка или ручная кладь должны находиться при потерпевшем, в зоне его видимости, контроля [5, с. 305].

Судебная практика между тем не отличается единообразием.

По одному из дел суд установил, что подсудимая воспользовалась тем, что С. была увлечена выбором товара и не наблюдала за своей коляской, на ручке которой висела ее колясочная сумка, подошла к данной детской коляске, находившейся в непосредственной близости от потерпевшей (выделено мной. – И.Б.), убедилась, что за ее преступными действиями никто не наблюдает, прикрыла коляску ранее взятой в магазине детской одеждой и совершила хищение имущества из сумки. Действия подсудимой квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ¹.

По другому делу суд установил, что потерпевшая в момент совершения преступления дремала, а ее сумка находилась рядом – стояла на лавочке – и пришел к выводу о том, что на стадии следствия излишне был вменен квалифицирующий признак в момент совершения хищения чужого имущества «из сумки, находившейся при потерпевшей», поскольку данный квалифицирующий признак предполагает, что имущество, принадлежавшее потерпевшему, должно находиться около (у, близ, возле) потерпевшего, рядом с ним, на нем и в его физическом обладании. Суд указал, что «при потерпевшем» означает, что одежда, сумка или другая ручная кладь, откуда происходит изъятие чужого имущества, должны находиться настолько близко от потерпевшего, чтобы он (она) имел реальную возможность контролировать их наличие и сохранность. При утрате контроля со стороны потерпевшего за указанными предметами отсутствует и данный квалифицирующий признак (например, потерпевший находится

в состоянии сильного алкогольного опьянения, в бессознательном состоянии и т.п.)².

Еще в одном деле установлено, что кражу фотоаппарата Б., находившийся в автомобиле, совершил из сумки, которая лежала на заднем сиденье автомобиля, в то время как потерпевший управлял автомобилем, то есть контроль со стороны потерпевшего за сумкой, из которой было совершено хищение фотоаппарата, фактически был утрачен, а потому квалифицирующий признак кражи «совершенной из другой ручной клади, находившейся при потерпевшем» в данном случае отсутствует³.

Однако встречаются и неверные, по нашему мнению, решения. Так, суд посчитал, что действия подсудимой Л. правильно квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а именно как совершение кражи, то есть тайного хищения чужого имущества из одежды, находившейся при потерпевшем. Свидетели С., Х., потерпевший П. указывают на то, что подсудимая находилась с ними в день происшествия и они совместно употребляли водку. Потерпевший П. указал о наличии у него денег в одежде при нем, и одежду он положил рядом с собой, когда лег спать (выделено мной. – И.Б.). Подсудимая подробно рассказала о своих действиях при совершении кражи денег из кармана брюк потерпевшего, который в это время спал. Судом установлено, что одежда потерпевшего, в которой находились деньги, находилась в непосредственной близости от потерпевшего⁴.

В этой ситуации суд необоснованно принял во внимание лишь то, что одежда находилась в непосредственной близости от потерпевшего, не оценив возможность с его стороны контролировать свои вещи.

В другом деле суд не согласился «с доводами государственного обвинителя, согласно которым находение куртки потерпевшего

1 Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 19.07.2016 по делу N 1-136/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kedGaMw0wz1l/> (дата обращения: 21.09.2023).

2 Приговор Сутулинского городского суда Московской области от 06.02.2020 по делу N 1-30/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RAxH3QfK9v64/> (дата обращения: 21.09.2023).

3 Приговор Засвияжского районного суда города Ульяновска от 04.02.2020 по делу N 1-72/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QHD4Ej0Vvc6J> (дата обращения: 21.09.2023).

4 Приговор Красноярского районного суда Самарской области от 03.05.2020 по делу N 1-86/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ftjKkgY4cH1/> (дата обращения: 25.09.2023).

на двери помещения, в котором потерпевший и подсудимый распивали спиртное, на расстоянии от 1 м 20 см до 2 м от потерпевшего, который в момент хищения лежал на диване, свидетельствует о непосредственной близости одежды к потерпевшему, данное расстояние и положение потерпевшего не позволяли осуществлять постоянный контроль за курткой, потерпевший не имел возможности в случае обнаружения факта хищения совершить какие-либо активные действия для предотвращения хищения, кроме того, данное расстояние обозначено подсудимым приблизительно, осмотра места происшествия не производилось и точные размеры следствием не устанавливались, между тем визуальный осмотр фототаблицы, составленной по итогам проверки показаний на месте, свидетельствует о достаточной удаленности двери, на которой находилась куртка, от места, где находился потерпевший. Данное расстояние не может расцениваться судом как находящееся в непосредственной близости от потерпевшего»¹.

Когда вещь находится достаточно близко к потерпевшему, не имеет определяющего значения, на каком расстоянии одежда, сумка или ручная кладь расположена от потерпевшего для квалификации кражи как «карманной». Неправильно было бы устанавливать, например, расстояние в сантиметрах или метрах как обязательный объективный признак карманной кражи. Свидетельствовать о наличии комментируемого признака кражи должна возможность контролировать потерпевшим свое имущество, а расстояние лишь в совокупности с другими обстоятельствами по делу может свидетельствовать в пользу наличия или отсутствия комментируемого признака.

Очевидно при этом, что такое наполнение признака «при потерпевшем» в значении непосредственной близости от него потребует от лица, производящего расследование уголовного дела, устанавливать, имел ли потерпевший реальную возможность контроли-

ровать сохранность своих вещей. Полагаем, что эти обстоятельства могут быть доказаны не только посредством исследования, например, записей камер видеонаблюдения, но и допроса потерпевшего (обвиняемого), проверки показаний на месте, следственного эксперимента.

Считаем, что необходимо различать ситуации, когда вещь находится на потерпевшем (то есть надета на него) и когда вещь находится в непосредственной близости от него. В первой ситуации возможность контролировать ее не влияет на квалификацию хищения как карманной кражи, во втором – отсутствие возможности контролировать ее, исключает квалификацию кражи по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

В связи с изложенным представляется необходимым изложить пункт 23.1 ППВС N 29 в следующей редакции: «Обратить внимание судов на то, что по смыслу закона ответственность по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ наступает за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака.

Нахождение имущества при потерпевшем может означать, что одежда, сумка или другая ручная кладь, из которых совершается хищение этого имущества, находятся в непосредственной близости от потерпевшего, который имеет реальную возможность контролировать сохранность своего имущества.

Особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т.п.) значения для квалификации преступления по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ не имеют в том случае, когда хищение происходит из вещей, находящихся на потерпевшем (надетых на него) или в его руках».

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 30.07.2020 по делу N 1-311/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nD5PCKlwYm5R/> (дата обращения: 25.09.2023).

Библиографический список

1. Карпова, Н.А. Ошибки при квалификации кражи, совершенной из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / Н.А. Карпова // Современное право. – 2015. – N 7. – С. 126-129.
2. Киселева, Е.Д. Некоторые проблемные вопросы квалификации хищения чужого имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / Е.Д. Киселева // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2018. – Т. 9. – N 1(33). – С. 208-213.
3. Колоколов, Н.А. Карманная кража: трудности квалификации / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2016. – N 2. – С. 42-46.
4. Савенко, И.А. Проблемы судебной практики по делам о кражах из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / И.А. Савенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – N 3(29). – С. 34-35.
5. Уголовное право России. Особенная часть: в 2 т. Том 1. Преступления против личности. Преступления в сфере экономики : учебник / под ред. О.С. Капинус ; науч. ред. К.В. Ображиев, Н.И. Пикуров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 556 с.
6. Хилюта, В.В. Кража у спящего человека: есть ли основания усиливать ответственность? / В.В. Хилюта // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – N 4 (63). – С. 22-25.
7. Черняков, М.Ю. Проблемы квалификации тайного хищения чужого имущества, совершенного из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / М.Ю. Черняков // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ. – 2007. – N 2. – С. 131-135.

УДК 342.951:351.82

Игорь Алексеевич ЗАЙЦЕВ,

докторант
Всероссийского научно-исследовательского института
МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук

zi1978@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНОВНОСТИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**ON SOME ASPECTS OF PROVING THE GUILT OF A PERSON
WHO COMMITTED AN ADMINISTRATIVE OFFENSE
ON THE INTERNET IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

В статье предпринята попытка на основе анализа судебной и административной практики органов внутренних дел (полиции) по выявлению и привлечению к административной ответственности лиц, совершивших правонарушение в сети Интернет, раскрыть особенности современного сбора доказательственной базы и процессуального оформления дел данной категории. Автор акцентирует внимание на том, что основное значение для доказывания виновности лица приобретает заключение эксперта (ст. 25.9 КоАП РФ) и (или) письменные пояснения специалиста (ст. 25.8 КоАП РФ), содержащие выводы о наличии признаков административного правонарушения, а также зафиксированные результаты визуального осмотра персональной интернет-страницы. Сформулированы рекомендации по доказыванию виновности лица, совершившего административное правонарушение в сети Интернет.

The article makes an attempt, based on an analysis of the judicial and administrative practice of internal affairs bodies (police) in identifying and bringing to administrative responsibility persons who have committed an offense on the Internet, to reveal the features of modern collection of evidence and procedural registration of cases of this category. The author emphasizes that the main importance for proving a person's guilt is the expert's opinion (Article 25.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) and (or) written explanations of a specialist (Article 25.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), containing conclusions about the presence of signs of an administrative offense, as well as the recorded results of a visual inspection personal Internet page. Recommendations have been formulated for proving the guilt of a person who has committed an administrative offense on the Internet.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, сеть Интернет, заключение эксперта, специалист, виновность лица, доказывание, доказательства.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, Internet, expert opinion, specialist, guilt of a person, proof, evidence.

Современные цифровые технологии фактически обеспечили развитие альтернативной среды социального и государственного взаимодействия, позволяющей по-иному выстроить вертикальные и горизонтальные взаимоотношения между государ-

ственными органами, создать новую партнерскую модель взаимоотношений с гражданами [6, с. 163].

Цифровая трансформация является одной из основных национальных целей развития российского государства, выделяющей

в качестве показателя увеличение пользователей сети Интернет (до 97%)¹, в которой, с одной стороны, происходит социализация подрастающего поколения, реализуются различные виды образовательных и культурных программ, формируется информационное общество, активно развивается новый вид экономики – цифровая, а с другой стороны, создаются условия для пропаганды и популяризации распространения деструктивного поведения, влияющего не только на подрастающее поколение, но и на общество в целом [4, с. 3].

В условиях цифровизации общественных отношений вопросам теоретического осмысления традиционных и новых видов электронных доказательств, используемых в гражданском и уголовном процессе, а также в производстве по делам об административных правонарушениях, совершенных в сети Интернет, придается особое значение [3, с. 189; 5, с. 10; 7, с. 40].

В научных источниках под электронными доказательствами в широком смысле предлагается понимать фактические данные об обстоятельствах, подлежащих установлению, зафиксированные в электронном виде и в форме, пригодной для хранения и передачи с использованием электронных средств связи, содержащие атрибуты и реквизиты, позволяющие их идентифицировать, полученные с соблюдением установленного законодательством Российской Федерации процессуального порядка собирания доказательств [1, с. 28].

Для практического применения в статье предлагается исходить из узкого понимания электронных доказательств (в зарубежном законодательстве к ним применим термин «цифровые доказательства») [2, с. 276] и рассматривать их как любые фактические данные, созданные с применением программного компонента электронного устройства (компьютер, планшет, смартфон, мобильный телефон и др.), хранящиеся и передаваемые с помощью сети Интернет. При этом использование информации, размещаемой в глобальном информационном пространстве,

в качестве доказательственной основы при возбуждении и рассмотрении дела об административном правонарушении по существу возможно только после придания ей процессуальной формы.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) основополагающими доказательствами по делам об административных правонарушениях выступают традиционные доказательства, к ним прежде всего отнесены протоколы доставления, административного задержания и об административном правонарушении, содержащий письменное объяснение.

В то же время специфика доказывания виновности лица, совершившего административное правонарушение в сети Интернет, в современных условиях имеет особенности, так как способы сбора и дальнейшего использования электронных доказательств в суде требуют целого комплекса действий, ранее не свойственных институту административной ответственности.

Аргументами для данного тезиса выступают составление следующих процессуальных документов, выступающих доказательственной основой по делу.

Во-первых, при выявлении административного правонарушения в глобальном информационном пространстве составляется акт осмотра (протокол осмотра) деструктивной информации, содержащейся на персональной интернет-странице социальной сети.

Следует отметить, что КоАП РФ предусматривает самостоятельные процессуальные действия, связанные только с осмотром предметов и вещей, и рассматривает его в качестве элемента личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотра транспортного средства, осмотра принадлежащих юридическому лицу территорий, помещений и находящихся у него товаров, транспортных средств и иного имущества (ч. 1 и ч. 2 ст. 27.10 КоАП РФ). Следовательно, при производстве по делу об административном правонарушении, совершенном в сети Интернет, осматривается интернет-страница с использованием служебно-

1 См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 // СПС «КонсультантПлюс».

го компьютера. В таких случаях составляется акт осмотра или протокол осмотра, которые учитываются в суде в качестве допустимых доказательств (иных документов) при условии соблюдения требований, предусмотренных ст. 26.2 КоАП РФ.

В акте осмотра отражается информация об используемых технических и программных средствах, при этом возможно присутствие понятий или применение видеозаписи. Кроме того, делается скриншот осматриваемого информационного ресурса с приложением его к акту осмотра. Применительно к сервисам обмена мгновенными сообщениями, когда отсутствует возможность осмотра осуществляемой в группе переписки через интернет-браузер, скриншот делается с помощью программных средств смартфона. В случаях если фотографируется информация, содержащаяся на иностранном языке, необходим перевод скриншота на русский язык соответствующим специалистом.

Во-вторых, возникает проблема в установлении лица, скрывающегося под цифровым профилем.

В данном случае недостаточно вынести определение об истребовании сведений (ст. 26.10 КоАП РФ), готовится и направляется письменный запрос в администрацию ресурса сети Интернет с целью получения сведений о пользователе, указанных им при регистрации (фамилия, имя, отчество, номер мобильного телефона, электронная почта), и IP-адреса устройства. Обратим внимание, что спецификой запрашиваемой информации выступает ее конфиденциальный характер. Для исключения случаев повторной переписки и, следовательно, направления нового запроса, что приведет к затягиванию сроков производства по делу об административном правонарушении, подлинность подписи должностного лица заверяется соответствующей печатью.

После получения ответа устанавливается оператор мобильной связи с зарегистрирован-

ном IP-адресом и его местоположение с использованием, например, интернет-сайта «2ip.ru», содержащего сведения о месте нахождения IP-адреса, позволяющие установить страну, город, вид операционной системы, браузер и оператора мобильной связи, предоставляющего доступ к глобальной сети.

В-третьих, с учетом того, что в основном деструктивная информация в сети Интернет содержится в виде устной речи (аудиозапись разговора, интервью), поликодовых текстов (реклама, видеоролики, кино-и видеofilмы) или электронных текстов (статьи, книги, переписка в социальных сетях, мессенджерах, блогах, форумах, комментарии или посты), требуется вынесение определения о назначении экспертизы (ст. 26.4 КоАП РФ) и (или) получение письменного объяснения от специалиста (ст. 25.8 КоАП РФ);

Здесь имеются особенности, связанные с необходимостью до направления определения о назначении экспертизы ознакомить с ним лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, разъяснить его права, в том числе право заявлять отвод эксперту, право просить о привлечении в качестве эксперта указанных им лиц, право ставить вопросы для дачи на них ответов в заключении эксперта (ч. 4 ст. 26.4 КоАП РФ). Невыполнение этого требования может повлечь признание экспертизы в суде как недопустимого доказательства.

Кроме того, заключение эксперта должно соответствовать положениям ч. 5 ст. 26.4 КоАП РФ, в частности содержать сведения об экспертной квалификации лица, проводившего исследование, стаже работы, роде и виде произведенного исследования, а также быть им подписано. Анализ судебной практики свидетельствует, что при отсутствии таких сведений полученное заключение признается недопустимым для использования в качестве доказательства по делу¹.

1 О возвращении дела об административном правонарушении для устранения недостатков : определение Новгородского районного суда Новгородской области от 21.05.2019 N 5-287/2019; О привлечении к административной ответственности по ст. 6.13 КоАП РФ (пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства...) : постановление судьи Невского районного суда Санкт-Петербурга от 04.06.2020 по делу N 5-235/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

В некоторых случаях для вынесения в суде решения по делу достаточно мнений специалистов (ст. 25.8 КоАП РФ), изложенных в виде ответов на запросы либо полученных в ходе принятия у них объяснений в порядке, предусмотренном ст. 26.3 КоАП РФ¹. Подобный способ доказывания, например при выявлении факта пропаганды наркотиков в сети Интернет (ст. 6.13 КоАП РФ), успешно зарекомендовал себя в отдельных субъектах Российской Федерации².

Обратим внимание на способы доказывания новых видов административных правонарушений. Так, Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ в действовавшую на тот момент редакцию ст. 6.21 КоАП РФ были внесены изменения, которые установили запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений среди лиц любого возраста, а не только несовершеннолетних, в том числе посредством использования сети Интернет (ч. 3, 4, 7 и 8 ст. 6.21 КоАП РФ).

Кроме того, глава 6 КоАП РФ дополнена двумя новыми статьями, устанавливающими административную ответственность за пропаганду и (или) оправдание педофилии (ст. 6.21.1 КоАП РФ) и за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол (ст. 6.21.2 КоАП РФ). При этом также установлена повышенная административная ответственность за совершение указанных действий с применением сети Интернет (ч. 2 и 4 ст. 6.21.1 КоАП РФ, ч. 2 и 4 ст. 6.21.2 КоАП РФ).

Согласно рекомендациям профильного экспертного подразделения с целью получения доказательств по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.21, 6.21.1 и 6.21.2 КоАП РФ, возможно привлечение психолога, а также социолога или иных специалистов, которые при получении объяснения могут высказать мнение относительно наличия или отсутствия в представленном материале социально-психологических установок, сопровождающихся позитивным эмоционально-смысловым отношением. Для получения объяснения от специалиста или результатов экспертного исследования тексты, изымаемые из сети Интернет, представляются в виде распечатанных копий снимков экрана (скриншотов) или иных форм, фиксирующих тексты в полном объеме и исходном виде³.

Следует отметить, что правоприменительная практика по делам об административных правонарушениях по указанным составам административных правонарушений находится на стадии формирования (табл.).

Таблица

Составлено протоколов об административных правонарушениях по ст. 6.21 и ст. 6.21.2 КоАП РФ (за период с 1 января по 31 июля 2023 г.)^{*}

Территориальный орган МВД России	ст. 6.21 КоАП РФ	ст. 6.21.2 КоАП РФ
Забайкальский край	2	-
Краснодарский край	11	-
Республика Татарстан	1	2
г. Москва	9	-
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	1	-

^{*}Информационное письмо ГУОООП МВД России (исх. от 24.08.2023 № 43/1675).

1 Например, в МВД по Чувашской Республике составляется протокол опроса специалиста. В Кировской, Ульяновской и Омской областях также в качестве доказательств выступают ответы специалистов на запросы и их объяснения // Обзор правоприменительной практики подразделений территориальных органов МВД России по ст. 6.13 КоАП РФ за 2019 год (исх. ГУНК МВД России от 31.03.2020 № 9/7-3547).

2 Подр.: Обзор правоприменительной практики подразделений территориальных органов МВД России по статье 6.13 КоАП РФ за 2019 год (исх. ГУНК МВД России от 31.03.2020 № 9/7-3547).

3 О возможностях применения специальных лингвистических (иных) знаний при выявлении правонарушений, предусмотренных ст. 6.21, 6.21.1 и 6.21.2 КоАП РФ : информационное письмо ЭКЦ МВД России, подготовленное ЭКЦ МВД России совместно с ГУОООП МВД России и при участии Роскомнадзора (исх. от 06.03.2023 № 1/2311).

В то же время отдельные судебные решения уже вступили в законную силу, что позволяет установить, какие именно действия соответствуют, например, признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.21 КоАП РФ. К ним относятся размещение на открытой странице в сети Интернет анкеты с предоставлением интимных услуг нетрадиционных сексуальных отношений, фотографии мужчины с макияжем на лице и в женском платье, употребление слов «ухаженная, женственная транссексуалка»¹.

В судебной практике по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.21 КоАП РФ, имеются отдельные случаи, когда мнение специалиста судом не принимается во внимание. Так, в Новгородской области судьей районного суда при обжаловании постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ для оценки доводов жалобы заявителя о наличии либо отсутствии в действиях состава административного правонарушения была назначена и проведена комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза. Принимая во внимание выводы экспертов об отсутствии совокупности лингвистических и психологических признаков пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, судья районного суда отменил решение мирового судьи, производство по делу прекратил².

Проведенный в статье анализ отдельных аспектов доказывания виновности лица, совершившего административное правонарушение в сети Интернет, в условиях цифровизации позволяет утверждать, что на этапе возбуждения дела требуется установить конкретное физическое лицо, скрывающееся под цифровым профилем. Для этого выносятся определения об истребовании сведений, необходимых для разрешения дела (ст. 26.10 КоАП РФ), и запрашиваются персональные данные в администрации ресурса сети Интернет с заверением оттиском печати подлинности подписи руководителя.

Для доказывания виновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, совершенном в сети Интернет, ввиду отсутствия единства судебной практики в части использования письменных пояснений специалиста (ст. 25.8 КоАП РФ) следует предоставлять в качестве доказательств по делу заключение различных видов экспертиз. При этом, исходя из анализа судебной практики, рекомендуется привлекать к получению компетентных мнений нескольких экспертов (специалистов), поскольку их заключения выступают результатом внутренней оценки исследуемых обстоятельств, нередко содержат противоположные суждения.

1 См. о привлечении к административной ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних) постановления Савеловского районного суда г. Москвы от 16.01.2023 по делу N 5-82/2023, Тимирязевского районного суда г. Москвы от 25.01.2023 по делу N 5-141/2023, Савеловского районного суда г. Москвы от 03.02.2023 N 05-0210/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 09.08.2023 N 5-297/23 // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Анисифорова, М.В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях / М.В. Анисифорова, Е.В. Машугина, М.В. Андреев. – М.: ИНФРА-М, 2020.
2. Афанасьев, С.Ф. О сущности доказательств в контексте использования новых цифровых технологий в гражданском процессуальном производстве / С.Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2021. – N 5. – С. 276-294.
3. Зайцева, Л.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания / Л.В. Зайцева, Н.В. Сухова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – N 1. – С. 189-204.
4. Смирнов, А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13 / А.А. Смирнов. – М., 2021.
5. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев [и др.]. – М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019.
6. Фурсова, Д.А. К проблеме определения понятия «информационно-коммуникативная среда» / Д.А. Фурсова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – N 2 (94). – С. 163-168.
7. Яковлева, К.Ю. Собираение доказательств, содержащих электронную информацию, в уголовном процессе (на примере осмотра) / К.Ю. Яковлева // Уголовное судопроизводство. – 2023. – N 1. – С. 40-44.

УДК 343.98

Алексей Вадимович ЧУМАКОВ,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Новосибирского юридического института (филиала)

Национального исследовательского

Томского государственного университета,

кандидат юридических наук

chumakov_a_v@mail.ru

О ТИПИЧНЫХ НЕДОСТАТКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

ON TYPICAL SHORTCOMINGS OF CRIMINAL INVESTIGATIONS OF EMBEZZLEMENT IN THE BUDGET SPHERE

В статье рассмотрены наиболее распространенные недостатки расследования по уголовным делам о хищениях в бюджетной сфере. Приведены примеры правоприменительной практики, иллюстрирующие указанные недостатки, и причины, по которым они допускаются. Особое внимание уделено типичным недостаткам, связанным с не основанным на законе освобождением или вообще непривлечением к уголовной ответственности лиц, в действиях которых явно усматриваются признаки соучастия в хищениях, включая порочную практику прекращения дела против обвиняемого в целях получения в его лице надежного свидетеля.

The article considers the most common shortcomings of criminal investigations of embezzlement in the budget sphere. The examples of law enforcement practice illustrating these shortcomings are given as well as the reasons why they are made. The particular attention is paid to the typical shortcomings associated with the non-statutory release, or non-prosecution of persons whose actions clearly show signs of complicity in embezzlement, including the vicious practice of terminating the case against the accused in order to obtain a reliable witness in his person.

Ключевые слова: хищения в бюджетной сфере, недостатки расследования, криминалистическое обеспечение расследования, расследование хищений, следственные ошибки, выявление нарушений законодательства.

Keywords: *embezzlement in the budget sphere, shortcomings of the investigation, forensic support of the investigation, investigation of embezzlement, investigative errors, detecting violations of the legislation.*

Очевидно, что общественная опасность хищений бюджетных средств состоит в негативном влиянии на развитие экономики, интересы государства, а также на благосостояние населения. Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев в своих публичных выступлениях неоднократно указывал на важность укрепления оперативных позиций в целях

недопущения фактов хищений бюджетных ассигнований при реализации национальных проектов. Также глава ведомства акцентирует внимание на необходимости усиления контроля за соблюдением процессуальных сроков, законности и учетно-регистрационной дисциплины, а также за экспертно-криминалистической деятельностью, занимающей ключевую роль в процессе формирования

доказательственной базы при выявлении и расследований преступлений¹.

По уголовным делам о хищениях в бюджетной сфере следственными органами и оперативными подразделениями допускается множество ошибок и нарушений закона, препятствующих эффективной борьбе с посягательствами указанной категории. Не вдаваясь в научную криминалистическую и уголовно-процессуальную дискуссию по поводу определения понятий и разграничения категорий «ошибки» и «нарушения закона», для целей настоящей публикации обозначим оба этих термина как «недостатки расследования».

Гипотезой настоящего исследования, как и некоторых иных работ автора [напр.: 4, с. 41], является тезис о том, что в рамках криминалистического обеспечения деятельности по борьбе с анализируемыми преступлениями в качестве важной составляющей, некоего раздела, следует рассматривать специфическое описание типичных недостатков работы правоохранительных органов, а также средств их устранения, преодоления. О пользе самой методологии и методик обучения и повышения квалификации действующих правоприменителей по принципу не «как надо делать», а «как не надо делать, а потом уже – как надо», говорили многие известные криминалисты [1]. Но это именно методология.

Проведенный нами анализ и профильной литературы по заявленной проблематике, и следственно-судебной практики по анализируемой нами категории уголовных дел дает основание для классификации того, что выше мы обозначили как «недостатки расследования». Полагаем, таковые, с определенной долей условности, можно сгруппировать на те, что обусловлены:

- несовершенством нормативного регулирования соответствующей сферы деятельности (1 группа);
- нарушением уголовного и уголовно-процессуального процессуального законодательства (2 группа);

– недостатком криминалистических рекомендаций либо незнанием / нежеланием (в том числе обусловленным низким профессиональным уровнем сотрудников правоохранительных органов, ненадлежащим взаимодействием оперативно-следственных подразделений и проч.) применять соответствующие рекомендации (3 группа);

– несовершенством критериев оценки оперативно-служебной деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование по делам, связанным с хищениями бюджетных средств (4 группа);

На наш взгляд, развернутое описание предложенных классификационных групп должно (как отмечалось ранее) найти отражение в содержании криминалистического обеспечения расследования хищений в бюджетной сфере. В рамках же настоящей публикации рассмотрим преимущественно некоторые из тех «недостатков расследования», которые относятся прежде всего к третьей из выделенных нами групп. Собственно описание «недостатков расследования» встречается во множестве работ анализируемой тематики. Так, С.В. Ермаков и М.М. Макаренко отмечают, что проведенный ими анализ уголовных и так называемых «отказных материалов» демонстрирует, что только уже в рамках проведения доследственных проверок, то есть еще до начала собственно расследования, следователи зачастую допускают поспешные выводы о наличии состава преступления – хищения бюджетных средств в рамках государственных закупок только лишь на основании выявленных и доказанных объективных признаков состава преступления – завышения стоимости работ и цены материалов, оплаты фактически невыполненных работ либо их двойной оплаты, несоответствия объемов стоимости выполненных работ указанным в контрактах проектной документации и актам приемки выполненных работ.

Вместе с тем, как отмечают авторы, часто выводы о наличии в действиях подо-

1 Напр.: Владимир Колокольцев представил новых руководителей пяти территориальных органов МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-predstavil-novykh-rukovoditeley-pyati-territorialnykh-organov-mvd-rossii/>. (дата обращения: 07.03.2023).

зреваемых состава преступления (хищения – ст. 159-160 УК РФ) преждевременны и в дальнейшем не подтверждаются иными доказательствами. Информация о документах, на основании которых сделаны поспешные выводы, в материалах уголовного дела зачастую отсутствует. В результате сначала допускается волокита при проведении следственной проверки, а затем – незаконное возбуждение уголовного дела. В дальнейшем такое уголовное дело часто прекращается [2, с. 152-158].

Авторы иллюстрируют этот, действительно, широко распространенный недостаток примером расследования дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ, возбужденного по факту хищения бюджетных денежных средств в размере 4,5 млн рублей, выделенных одному из хозяйствующих субъектов для реализации муниципальной целевой программы «Капитальный ремонт многоквартирных жилых домов...». В результате проведения множества строительно-технических экспертиз (20 шт.) установлено, что стоимость строительных материалов и работ имеет расхождение с фактически выполненными работами как в сторону завышения, так и в сторону ее занижения. Вместе с тем достаточных доказательств умысла и корыстного мотива соответствующих должностных лиц и представителей подрядчика, направленных на хищение бюджетных средств не добыто, корыстная направленность действий представителей заказчика и подрядчиков также не установлена [2, с. 153].

Этот и многие иные недостатки расследования дел анализируемой категории подтверждаются данными Следственного департамента МВД России. В соответствующем документе – «Обзоре результатов деятельности» – перечисляются такие обстоятельства, как:

– неустановление фактов, указывающих на наличие в действиях заподозренных всех признаков уголовно наказуемого деяния, что исключает возможность возбуждения уголовного дела;

– неоправданная необходимостью длительность следственных проверок;

– утрата доказательств, которые следовало бы выявить и изъять незамедлительно, по «горячим следам»;

– непроведение в рамках следственных проверок необходимых исследований и экспертиз;

– непроведение или ненадлежащее проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), направленных на установление имущественного положения заподозренных;

– неприобщение к материалам документов, отражающих движение денег по счетам предприятий и организаций¹.

Однако этот перечень следует дополнить и иными типичными по делам данной категории недостатками:

– ненадлежащее обеспечение мер по возмещению ущерба по делам рассматриваемой категории. Сбор широкого спектра данных – будущих доказательств наличия у заподозренных лиц недвижимого имущества, денежных средств на различных счетах в банках и в аккаунтах криптобирж, криптокошельках, долей в уставных капиталах компаний, акций, иных ценных бумаг и т.п. – необходимо назначать (следователем) и проводить в рамках ОРМ уже на стадии следственной проверки или заведения дела оперативного учета;

– связанное с этим недостатком упущение заключается в том, что следователь несвоевременно признает в качестве потерпевшего соответствующего представителя государственного заказчика или иного уполномоченного лица. В результате может последовать отказ суда в наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого. Будет упущено драгоценное время и подлежащее аресту имущество может «исчезнуть»;

– к этому же ряду следует отнести такой недостаток, как ненадлежащее взаимодействие с подразделениями Росфинмониторинга, которые могут оказать следствию и органам – субъектам ОРД неоценимую помощь

¹ Обзор о результатах деятельности органов предварительного следствия системы МВД России на транспорте по противодействию хищениям бюджетных средств в сфере транспорта в 2015 году. М.: СД МВД России, 2016. Цит. по: [3, с. 44-51].

в деле обнаружения похищенных средств, выявлении возможных способов их легализации¹.

В рамках настоящей работы не представляется возможным подробно рассмотреть каждый из указанных выше недостатков, а также представить перспективные направления для их разрешения. Однако особое внимание хотелось бы обратить на один типичный недостаток, находящийся, пожалуй, даже на грани противоправного и, вероятно, преступного укрывательства от учета преступлений. Речь идет о невыявлении субъектами ОРД и расследования всех соучастников преступной деятельности и сопутствующих преступлений.

Проиллюстрируем этот типичный недостаток на примере. М., находясь на должности начальника отдела в военном представительстве Министерства обороны РФ и желая избежать разногласий с руководством подконтрольного предприятия АО «К.» по определению экономически обоснованной величины накладных расходов при производстве электронно-оптического оборудования в рамках выполнения заданий государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) превысил должностные полномочия с причинением тяжких последствий (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ). По данным, полученным как из материалов уголовного дела, так и из приговора, М. без соблюдения обязательных требований к обоснованию экономической оправданности затрат включил в стоимость реализуемой в рамках ГОЗ продукции расходы на информационные, юридические, аудиторские и консультационные услуги, услуги управляющей компании и банка, а также представительские и рекламные расходы АО «К.». Указанные действия повлекли необоснованное увеличение расходов Министерства обороны РФ по государственному оборонному заказу на сумму более 150 млн рублей. Преступление

было совершено якобы одним только М. путем внесения в документы о закупке ложных сведений о стоимости производимого оборудования. Признаки преступного посягательства были выявлены военной гарнизонной прокуратурой в рамках реализации мероприятий по контролю за выполнением заданий государственного оборонного заказа. Изучение материалов дела позволило сформулировать выводы о невозможности совершения указанного преступления без участия третьих лиц, содействующих достижению преступного результата. Данное суждение обусловлено анализом способа совершения преступления, предполагающего информационную осведомленность о преступных намерениях у других сотрудников АО «К.», непосредственного руководства, рядовых сотрудников военного представительства, расположенного на территории АО «К.». Иными словами, субъектами расследования не был сделан акцент на анализе версий о совершении преступления в составе организованного преступного формирования, о совершении иного преступного посягательства (коррупционного, против собственности и т.д.)².

Очевидно, что значительная доля хищений бюджетных средств в реальной криминальной практике сопровождается как минимум халатностью соответствующих руководителей, сотрудников проверяющих и контролирующих органов, которые обязаны были контролировать соблюдение условий предоставления бюджетных денежных средств, проверять обоснованность представляемых документов. Соответствующие должностные и иные лица должны были выявить сведения о проведении незаконных или хотя бы подозрительных финансовых операций и т.п. Но речь не только о латентной халатности (ст. 293 УК РФ). Практически у каждого расхитителя есть соучастники – соисполнители, подстрекатели, а чаще – пособники (ч. 5

1 Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем : приказ Генеральной прокуратуры России N 511, Росфинмониторинга N 244, МВД России N 541, ФСБ России N 433, ФТС России N 1313, СК России N 80 от 21.08.2018.

2 Приговор Новосибирского гарнизонного военного суда от 14.02.2019 по делу N 1-1/2019 // Архивные материалы Новосибирского гарнизонного военного суда.

ст. 33 УК РФ), содействовавшие совершению преступления советами, предоставлением информации, проектов документов, иных средств совершения преступления либо устранением препятствий. Это могут быть заместители руководителей, иные подчиненные лица, бухгалтеры и многие иные, вплоть до секретаря руководителя, составлявшего соответствующие бумаги на подпись, если он осознавал незаконность, а точнее, общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления (прямой умысел – ч. 2 ст. 25 УК РФ) или не желал, но сознательно допускал эти последствия либо относился к ним безразлично (косвенный умысел – ч. 3 ст. 25 УК РФ).

Однако практически ни в этом, ни во множестве подобных примеров наиболее опасных хищений бюджетных средств в крупном, особо крупном размере мы не видим обстоятельств привлечения к уголовной ответствен-

ности соучастников. Иногда – несмотря на то, что по обстоятельствам дела даже из текста приговора видно, что такие соучастники были, и они могли быть привлечены к ответственности. Однако следствие по какой-то причине не стало этого делать. Иногда причинами такового являются просто низкая квалификация правоприменителей. А иногда – это намеренное, целенаправленное освобождение от уголовной ответственности, порочная практика по принципу «прекращаем дело против обвиняемого, чтобы сделать из него «железного» свидетеля».

В заключение отметим, что высокая эффективность действий следователей и оперативных сотрудников по расследованию хищений бюджетных средств может быть обеспечена не только оперативностью, грамотно выбранной стратегией и тактикой расследования [2, с. 158], но и постоянной работой над устранением, а главное – предотвращением этих и иных типичных недостатков расследования.

Библиографический список

1. Гармаев, Ю.П. Формирование криминалистических методических рекомендаций на основе метода «от ошибки» / Ю.П. Гармаев, Д.Г. Шашин // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 2 (26). – С. 20-23.
2. Ермаков, С.В. Расследование хищений бюджетных средств, совершаемых при государственных закупках / С.В. Ермаков, М.М. Макаренко // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – N 11. – С. 152-158.
3. Лапин, В.О. Актуальные проблемы выявления и расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / В.О. Лапин // ППД. 2017. N2. С. 44-51.
4. Чумаков, А.В. Расследование мошенничества при получении выплат : монография / А.В. Чумаков, Ю.П. Гармаев. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 224 с.

УДК 343.265 / 343.228

Кирилл Николаевич КАРПОВ,
докторант Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
kkn83@mail.ru

**ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ЛИЦ,
ПРИВЛЕКАЕМЫХ К УЧАСТИЮ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

**EXTRAORDINARY GROUNDS AND LEGAL CONSEQUENCES
OF EXEMPTION OF PERSONS, INVOLVED IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION,
FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT**

Принятие специализированного нормативного правового акта, регламентирующего особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, выступило в качестве экстраординарного способа регламентации оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Потребности в поощрении лиц, проявляющих особо значимое для общества и государства поведение, послужили поводом для принятия данного нормативного правового акта, однако его содержание не было достаточно проработанным с технико-юридической точки зрения, что привело к отдельным значимым противоречиям как теоретического, так и правоприменительного характера. В целях обеспечения соблюдения баланса интересов общества, государства, лиц, совершивших преступление и участвующих в специальной военной операции, предлагается закрепить в уголовном законодательстве самостоятельное основание освобождения от наказания данных лиц и проработать соответствующий механизм его реализации.

The adoption of a specialized legal act, regulating specifics of criminal liability for persons, involved in the special military operation, has functioned as an extraordinary way to regulate grounds of exemption from criminal liability and punishment. The necessity to encourage individuals, exhibiting particularly significant behavior for the society and the State, served as the reason for the adoption of this regulatory legal act, the content of which was not sufficiently developed from a technical and legal point of view, which has led to certain significant contradictions of both a theoretical and law enforcement nature. In order to ensure compliance with the balance of interests of the society, the State and persons who have committed a crime and are participating in the special military operation, it is proposed to enshrine in the criminal legislation an independent basis for the exemption of these persons from punishment and to work out an appropriate mechanism for this basis implementation.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, наказание, юридическая техника, военнослужащие, контроль за поведением.

Keywords: *exemption from criminal liability, punishment, legal technique, military personnel, behavior control.*

Принятый 24 июня 2023 г. Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – ФЗ N 270) установил самостоятельные основания освобождения от уголовной ответственности, наказания и иных правовых последствий совершенного лицом преступления. Учитывая современное состояние общественных отношений, потребности общества и государства, подобного рода инициативы, несомненно, являются адекватными и востребованными, однако их реализация, на наш взгляд, на сегодняшний день имеет ряд юридико-технических упущений, в результате которых могут пострадать как интересы лиц, которые, по замыслу законодателя, должны быть поощрены, так и интересы обеспечения безопасности граждан и государства.

Во-первых, правовая природа и содержание данного нормативного правового акта на сегодняшний день остаются неопределенными, что порождает ряд проблем как в теоретическом [4], так и правоприменительном плане [1]. Исходя из положений ст. 1-3 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются только УК РФ, который и составляет уголовное законодательство, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. Формально данные нормы запрещают существование только иных законов, предусматривающих уголовную ответственность, но не освобождение от нее, однако данное исключение распространяется на издаваемые отдельными нормативными актами случаи амнистии (ст. 84 УК РФ) либо помилования (ст. 85 УК РФ). Принятие же и издание подобного нормативного правового акта вступает в конфликт с положениями уголовного, уголовно-процессуального законодательства и иных отраслевых нормативных правовых актов.

Так, ФЗ N 270 не был назван актом амнистии, соответственно, его функционал не подчинен ст. 84 УК РФ и соответствующим нормам УПК РФ. Скорее всего, данное решение позволило бы исключить большинство возникших в настоящий момент проблем правоприменения.

После начала специальной военной операции (далее – СВО) и до принятия ФЗ N 270 П.В. Тепляшин и С.А. Ступина указывали на формирующуюся потребность принятия «акта амнистии к лицам, желающим участвовать в вооруженных действиях за интересы России» [5, с. 158]. О том, что данные «новеллы об освобождении от уголовной ответственности близки по своей природе к институту амнистии» высказываются и практикующие судьи [2, с. 16].

В то же время положения данного закона ассоциируются и со ст. 80.1 УК РФ (освобождение от наказания в связи с изменением обстановки). Об этом свидетельствуют условия освобождения от наказания: поступление на службу в Вооруженные Силы РФ (далее – ВС РФ); получение государственной награды либо увольнение в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени; по достижении предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья – в связи с признанием лица военно-врачебной комиссией не годным к военной службе. В своей совокупности указанные условия, несомненно, отражают принципиальные изменения в жизни конкретного военнослужащего либо общества, которые свидетельствуют о необходимости изменения оценки ранее совершенного деяния и лица, его совершившего. Они же могут выступать и показателем его деятельного раскаяния. Таким образом, в отношении данной категории лиц возможно применение уже существующих оснований освобождения как от уголовной ответственности, так и от наказания. К таковым можно отнести и ст. 75, 80.1 УК РФ.

Во-вторых, не определен статус данного основания освобождения от уголовной ответственности. Так, на страницах научной печати практикующими судьями высказано мнение, о том, что ФЗ N 270 «расширяет перечень оснований освобождения от ответственности по реабилитирующему основанию». С данной позицией сложно согласиться, так как исчерпывающий перечень оснований для реабилитации лица, подвергнувшегося преследованию

(по сути, незаконному), дан в ст. 133 УПК РФ. При этом в данную норму изменений не вносилось. Так же как и анализируемый ФЗ N 270 не содержит указаний на возможность реабилитации соответствующих субъектов. На наш взгляд, освобождение от уголовной ответственности на основании анализируемого нормативного правового акта должно рассматриваться как нереабилитирующее. В то же время невключенность его в существующую главу 11 УК РФ оставляет место для двоякого толкования данного вопроса.

В-третьих, возникает вопрос о возможности наступления общеправовых последствий совершенного лицом преступления в отношении указанной категории лиц. Так, правовой статус лица, освобожденного от уголовной ответственности на основании ФЗ N 270, не включен в перечень оснований, препятствующих, например, прохождению лицом службы в органах принудительного исполнения, органах внутренних дел, таможенных органах Российской Федерации и многих других структурах, служба в которых отнесена к государственной. Например, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (аналогичные положения содержатся и в Федеральном законе 1 октября 2019 г. N 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») лицо не может быть принято на службу в случаях если оно «...подвергалось уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием». Таким образом, в данных нормативных правовых актах указывается на недопустимость принятия на службу лиц, ранее судимых за совершение преступлений либо освобождав-

шихся от уголовной ответственности на основании ст. 75, 76, 78 УК РФ. Соответственно, лица, совершившие преступление и освобожденные от уголовной ответственности в соответствии с ФЗ N 270, в дальнейшем могут проходить службу в полиции и других правоохранительных органах. Если для прохождения службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (в рамках функционирования в условиях военного положения или военного времени) наличие судимости не является препятствием, то иные виды деятельности, связанные с охраной общественного порядка, проведением оперативно-розыскной деятельности, допуску к государственной тайне, осуществлению правосудия и т.д., с учетом потребностей мирной жизни, требуют несколько иного подхода. Соответственно, в дальнейшем высока вероятность возникновения конфликтных ситуаций, когда формально организации, в которых лицо захочет осуществлять трудовую (служебную) деятельность, не будут иметь законного права отказать в приеме на службу лицам, ранее совершившим преступление, однако фактически прием такого лица будет очевидно неприемлемым.

В-четвертых, введенные ФЗ N 270 градации (категории) оснований освобождения от уголовной ответственности также создают ситуации неравенства правового положения лиц, совершивших преступления. Так, если ст. 3 ФЗ N 270 предписывает освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление *небольшой либо средней тяжести*, если они призываются на военную службу по мобилизации (либо заключили контракт о прохождении военной службы в указанный период), то в соответствии со ст. 4 этого же закона лица, уже проходящие службу в ВС РФ (то есть ранее принятые на службу), освобождаются от уголовной ответственности за совершение преступлений без уточнения степени тяжести совершенного данным лицом преступления.

Ничуть не умаляя заслуги и значимость героического поведения лиц, принимающих участие в специальной военной операции, рискующих и жертвующих своими жизнями,

обозначенный подход к установлению различных оснований освобождения от уголовной ответственности, не в зависимости от фактических обстоятельств совершенного деяния и поведения лица, а от того, в какой момент лицо поступило на службу в ВС РФ, приводит к неравенству правового положения данных категорий лиц. Кроме того, использованные формулировки позволяют сделать вывод о том, что такое лицо может быть освобождено от ответственности за совершение вообще любого преступления (начиная от общеуголовных краж, разбоев, грабежей, любых насильственных преступлений вплоть до преступлений против мира и безопасности человечества).

Основная нагрузка и ответственность за исполнение положений данного закона возлагается на командование воинских частей, которые и ходатайствуют о приостановлении уголовного дела в отношении лица и обязаны контролировать его поведение в период прохождения службы, создавая тем самым самостоятельный способ социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление. Данная мера, исходя из содержания ФЗ N 270, включает в себя контроль за поведением лиц, предварительное следствие в отношении которых приостановлено (т.е. фактически не осужденными), контроль за лицами, освобожденными от наказания условно (ст. 5 ФЗ N 270), а также и дальнейшее определение выполнения условий освобождения от уголовной ответственности (наказания). Очевидно, что в такой ситуации сосредоточение в руках должностных лиц одного органа, фактически неподконтрольного судебным органам и непроверяемого с позиции гласности в данной сфере деятельности по причинам необходимости соблюдения безопасности (режима секретности и т.д.), может приводить к возникновению случаев злоупотребления данными правами [3] и манипуляций в отношении самих же военнослужащих.

На сегодняшний день не определены органы, которые принимают итоговое решение об освобождении от уголовной ответствен-

ности. ФЗ N 270 содержит указание на необходимость приостановления уголовного дела (преследования) вне оснований, предусмотренных ст. 208 УПК РФ, однако не предписывает полностью прекратить расследование и вынести решение об освобождении от уголовной ответственности. Если данная процедура осуществляется во внесудебном порядке на стадии предварительного расследования, то обычно законодатель в императивном порядке предписывает соответствующим органам «освободить от уголовной ответственности» либо «прекратить уголовные дела» в отношении определенной категории лиц¹. Соответствующие положения нашли отражение и в ст. 27 УПК РФ, содержащей основания прекращения уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 27 вследствие акта амнистии). Очевидно, что на сегодняшний день ст. 27 УПК РФ не содержит указания на анализируемый ФЗ N 270 как основание прекращения уголовного преследования. Если же данное право предполагается возложить на иные органы (например, командование воинской части), то это также должно было найти отражение в рамках соответствующего нормативного правового акта. Кроме того, порядок освобождения лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, также должен также найти отражение в соответствующих нормах УПК РФ.

Анализ содержания ФЗ N 270 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» позволяет прийти к выводу о том, что он, несомненно, является необходимым с точки зрения формирования основы для поощрения лиц, принимающих участие в защите Родины и выполнении боевых задач, рискующих своими жизнями ради общего блага. Однако в содержании ФЗ N 270 только лишь устанавливаются новые экстраординарные основания и условия освобождения от уголовной ответственности. Юридическая техника воплощения данной инициативы не позволяет говорить о достижении заявлен-

1 Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102370997.

ных целей, требует соответствующей корректировки норм и включения их действующую правовую систему. Так, относительно правовой природы данного инструмента поощрения (стимулирования) правомерного поведения лиц, совершивших преступление, логичнее было бы регламентировать его как средство освобождения от наказания (в том числе со снятием судимости), но не средство освобождения от уголовной ответственности.

С учетом сложившихся потребностей современного общества логичным было бы включить данные основания в структуру действующего УК РФ [6] и распространить ее действие на всех военнослужащих, принимающих участие не только в специальной воен-

ной операции, проводимой на территории Украины, но и на иные случаи применения ВС РФ в других специальных операциях и в других регионах мира. Данная норма могла бы стать специальным подвидом освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ). В то же время издание самостоятельного акта амнистии с присущими ему средствами поощрения (стимулирования правомерного поведения) лиц, совершивших преступление, привлеченных к участию в специальной военной операции, позволило бы не допустить возникновения неопределенностей в правовом положении освобожденных лиц.

Библиографический список

1. Кибальник, А.Г. «Специальная военная операция» в свете международного и национального уголовного права / А.Г. Кибальник // Общество и личность: теория и практика гуманизации в современных реалиях : материалы X всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 13 мая 2022 года. – Ставрополь: Северо-Кавказский социальный институт, 2022. – С. 33-37.
2. Коновалов, В. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции / В. Коновалов // Законность. – 2023. – N 10. – С. 16-18.
3. Лапатников, В.А. Специальная военная операция (антикоррупционный аспект) / В.А. Лапатников // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современных условиях: теория и практика : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 декабря 2022 года. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023. – С. 68-75.
4. Решняк, М.Г. Специальная военная операция: к вопросу о согласованности положений Федерального закона от 24 июня 2023 года N 270-ФЗ с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации / М.Г. Решняк // Современное право. – 2023. – N 8. – С. 106-109.
5. Тепляшин, П.В. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы / П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – N 4(26). – С. 152-159.
6. Чукин, Д.С. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции (комментарий к Федеральному закону от 24 июня 2023 года N 270-ФЗ) / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. – 2023. – N 9(314). – С. 102-108.

УДК 343.1

Рустам Юрьевич КОХАН,

старший преподаватель кафедры
организации оперативно-розыскной деятельности
Академии управления МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук

kru2060@mail.ru

О КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВАНИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

ON THE CLASSIFICATION OF GROUNDS FOR CONDUCTING OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

В статье анализируются цели и юридические факты, лежащие в основе каждого из предусмотренных законом оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Сделан вывод о том, что совокупность оснований проведения ОРМ наряду с разграничением по целевому признаку может быть разделена на три класса по характеру юридических фактов (действие, событие и состояние). Характер юридических фактов, составляющих основания проведения ОРМ, и цель поведения ОРМ взаимосвязаны и определяют пределы ограничений конституционных прав и правовой статус лиц при проведении ОРМ.

The article analyzes the purposes and legal facts underlying each of the grounds provided by law for conducting operational-search activities. It is concluded that, along with the differentiation by purpose, the totality of grounds for conducting operational-search activities can be divided into three classes according to the nature of legal facts (action, event, and state). The nature of the legal facts constituting the grounds for conducting operational-search activities and the purpose of conducting operational-search activities are interconnected and determine the limits of restrictions on constitutional rights and the legal status of individuals during operational-search activities.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; основания проведения оперативно-розыскных мероприятий; ограничение прав граждан при проведении ОРМ; оперативно-розыскное предупреждение преступлений.

Keywords: operational-search activity, legal grounds for conducting operational-search activities, restriction of citizens' rights during operational-search activities, crime prevention by means of operational-search activities.

Вопросы оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) затрагивают фундаментальные основы теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), напрямую сопряжены с законностью осуществления ОРД, гарантиями соблюдения прав граждан, защитой от необоснованного ограничения конституционных прав личности. Исследо-

вателями указывалось на публично-правовой характер оперативно-розыскной теории, основанной на нормах Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) [6, с. 55; 11, с. 84], и научный интерес вызывают основания и условия возникновения оперативно-розыскных правоотношений.

В практической деятельности нередки случаи обжалования законности ОРМ, и в таких случаях допустимость использования результатов ОРД в доказывании определяется наличием правовых оснований и соблюдением условий проведения мероприятий.

Основания проведения ОРМ сформулированы законодателем в первой редакции оперативно-розыскного закона и на протяжении почти трех десятков лет не подвергались существенным переработкам. В условиях изменения общественных отношений и обновления смежных разделов законодательства все более возрастает необходимость рассмотрения вопроса о соответствии текущего правового регулирования оснований и условий проведения ОРМ правовым реалиям, все более актуальным становится уточнение и дополнение имеющихся научных представлений об основаниях возникновения данной категории оперативно-розыскных правоотношений.

Современное правовое регулирование оснований проведения ОРМ характеризуется лаконичностью и разрозненностью норм. Правовые ограничения на проведение ОРМ прямо или косвенно введены законодателем в значительном числе правовых норм, ряд оснований и условий проведения ОРМ формулируется в подзаконных актах, носящих межведомственный характер, ряд – в ведомственных приказах органов, осуществляющих ОРД. Нетрудно заметить, что отдельные положения, предусмотренные подзаконными актами, выходят за рамки предписаний ФЗ об ОРД и вводят дополнительные основания или ограничения для проведения ОРМ. В частности, допустимые виды ОРМ при проверке достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых отдельной категорией граждан, установлены Указом Президента РФ¹. В научной литературе неоднократно указывалось на неурегулированность оснований оперативно-розыск-

ной профилактики [1, с. 120-127; 4, с. 45-52; 13, с. 397-406], между тем ведомственные нормативные акты МВД России ориентируют на ее активное применение.

В условиях лаконичности оперативно-розыскного закона судебная практика значительно «дополняет» установленные основания и условия проведения ОРМ. Многочисленные определения Конституционного Суда РФ, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ разъясняют основания проведения оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка», «оперативный эксперимент», условия проведения ОРМ с участием несовершеннолетних и ряд других [2; 13]. Дополнение нормативных предписаний положениями судебной практики является столь обширным, что позволяет высказывать суждение о признаках недостаточности правового регулирования ОРД в части оснований ее осуществления.

Совокупность регулируемых отношений, связанных с инициированием ОРМ, является неоднородной и носит собирательный характер. В настоящее время основанием для проведения одних и тех же оперативно-розыскных мероприятий могут быть несопоставимые по степени и характеру общественной опасности юридические факты. Как известно, большинство ОРМ, предусмотренных ФЗ об ОРД, могут применяться как при наличии оснований, связанных с целями выявления, пресечения и раскрытия подготавливаемых, совершаемых или совершенных противоправных деяний, так и в связи с необходимостью осуществления оперативно-проверочной работы, а также на основании запросов комиссий по предотвращению конфликтов интересов в целях исполнения законодательства о противодействии коррупции. В связи с этим возникает, например, ситуация когда ОРМ «наблюдение» с использованием технических средств, предназначенных для негласного получения информации, может проводиться, когда в качестве основания его проведения

1 О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению : Указ Президента РФ от 21.09.2009 N 1065. URL: <https://pravo.gov.ru>.

является проверка достоверности сведений о доходах должностного лица, а также в случаях, когда в качестве основания являются сведения о совершении лицом сбыта наркотических средств. Принимая во внимание то, что существенной содержательной стороной большинства ОРМ является государственное принуждение (связанное, в первую очередь, с негласным ограничением конституционных прав граждан) [5, с. 14], указанное означает возможность несоразмерного применения мер государственного принуждения.

С целью выработки подхода к дифференциации пределов ограничения прав граждан в ходе оперативно-розыскной деятельности в зависимости от оснований их проведения, учитывая основные обсуждаемые концепции совершенствования ФЗ об ОРД [3; 6; 12], представляется актуальным провести классификацию оснований проведения ОРМ, сформулированных в действующем законодательстве. Классификация фактических оснований, порождающих оперативно-розыскные отношения, имеет не только теоретическое или учебно-методическое значение, но и позволит в практической деятельности обеспечивать соразмерность ограничения прав граждан, определять области практического использования конкретных видов ОРМ.

Не включаясь в дискуссию, ведущуюся по вопросам классификации юридических фактов, укажем, что на основании критерия наличия волевых действий юридические факты можно отнести к трем классам – действия, события, состояния [7, с. 243-245; 8, с. 77-87; 9, с. 49-60]. Анализируя совокупность оснований проведения ОРМ, легко выделить группы, в основе которых лежат указанные три класса юридических фактов.

А. Группа оснований, в основе которых лежит юридические факты в виде противоправного действия (или бездействия) конкретного лица. К данной группе относятся такие основания, как:

– сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для

решения вопроса о возбуждении уголовного дела (пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– наличие возбужденного уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД) (то есть наличие сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, при достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела);

– сведения о действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (пп. 2 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Юридические факты в виде действия (или бездействия) как основание ОРМ чаще всего связаны с понятием преступления, и проводимые по данному основанию ОРМ имеют цель обнаружения признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, оказания содействия органам дознания и следствия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [5, с. 153]. Объектами, в отношении которых проводятся ОРМ, являются субъекты уголовной ответственности – вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности. Логично, что оперативно-розыскные мероприятия должны учитывать особый порядок привлечения к уголовной ответственности, предусмотренный для отдельных категорий должностных лиц. Юридическим последствием оперативно-розыскных правоотношений являются установление признаков преступления и представление материалов оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующих об этом, органу дознания, следователю или в суд для использования в уголовном процессе либо неподтверждение информации.

Юридическим фактом, порождающим оперативно-розыскные отношения, также может являться действие (бездействие), не являющееся преступлением, однако создающее угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической

безопасности. В этом случае ОРМ имеют целью пресечение действий (бездействия), создающих угрозу безопасности Российской Федерации, и могут проводиться в отношении лиц, не являющихся субъектами уголовной ответственности. Юридическим последствием оперативно-розыскных правоотношений являются реализация материалов оперативно-розыскной деятельности в формах, не связанных с уголовным процессом (одна из форм реализации материалов ОРД приведена в статье 8.1 ФЗ об ОРД), либо неподтверждение информации.

Б. Группа оснований, в основе которых лежит юридический факт в виде события (условно не связанного с волевыми действиями конкретного лица). К данной группе относятся:

– сведения о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов (пп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– сведения о событиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (пп. 2 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Целью проводимых мероприятий по первому из оснований является установление признаков преступления, следствием которого явилось исчезновение человека или обнаружение неопознанного трупа. Целью проводимых мероприятий по второму из оснований является пресечение действий (бездействия), создающих угрозу безопасности Российской Федерации. Юридическим последствием оперативно-розыскных правоотношений являются установление признаков преступления и представление материалов оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующих об этом, органу дознания, следователю или в суд для использования в уголовном процессе или реализация материалов оперативно-розыскной деятельности в формах, не связанных с уголовным процессом, либо неподтверждение информации.

В. Группа оснований проведения ОРМ, в основе которых лежат юридические факты, связанные с особым правовым состоянием лица. К указанной группе можно отнести основания проведения ОРМ, возникающие в связи с наличием специального статуса лица, имеющего уголовно-процессуальный характер:

– получение сведений о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания (пп. 3 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации (п. 5 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– проверка достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены в результате террористической деятельности, но не ранее установленного факта начала участия лица, совершившего террористический акт, в террористической деятельности, и (или) являются доходом от такого имущества (п. 8 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Целью проводимых ОРМ является обеспечение возможности нормального расследования уголовного дела, обеспечение возможности исполнения требований о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате террористической деятельности¹. Объектами, в отношении которых проводятся ОРМ, являются специальные субъекты: скрывшиеся подозреваемые и обвиняемые; лица, уклоняющиеся от исполнения уголовного наказания; участники уголовного процесса или должностные лица, подлежащие защите в связи с реализацией ими правоохранительных или контролирующе-

1 Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральная государственная информационная система «Система обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/347667-6> (дата обращения: 23.11.2020).

щих функций; родственники и близкие лица, совершившего террористический акт.

К рассматриваемой группе необходимо также отнести большое число оснований проведения ОРМ, связываемых с наличием специального административно-правового статуса лица:

– принятие решения об оформлении допуска: к сведениям, составляющим государственную тайну, к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды, участию в оперативно-розыскной деятельности или о доступе к материалам, полученным в результате ее осуществления (п. 1-3 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– принятие решения о предоставлении либо аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензии, о выдаче (о продлении срока действия, об аннулировании) удостоверения частного охранника; выдаче (предоставлении), переоформлении, изъятии и (или) аннулировании лицензий на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия, разрешения на ношение и использование охотничьего оружия, разрешения на хранение, хранение и ношение, хранение и использование оружия и патронов к нему, их ввоз в Российскую Федерацию либо вывоз из Российской Федерации и т.д. (п. 6-6.1 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– проверка достоверности и полноты сведений, представляемых в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами гражданами, претендующими на замещение и замещающими отдельные категории должностей (п. 1-4 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД);

– принятие решения об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, обеспечение безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (п.4-5 ч.2 ст. 7 ФЗ об ОРД).

В приведенных случаях основанием проведения ОРМ является правовой статус лица, вступившего в административные правоотношения в связи с его намерением получить или сохранить соответствующие допуски, разрешения и лицензии либо с намерением получить или сохранить статус должностного лица, который предусматривает наличие определенных обременений, получить или сохранить отношения сотрудничества с органами, осуществляющим ОРД. Объектом, в отношении которого проводятся ОРМ, является специальный субъект – лицо, претендующее на получение (сохранение) специального права, лицо, претендующее на занятие определенной должности (или поддержание отношений сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД). Оперативно-розыскные мероприятия прямо не связаны с проверкой по факту возможных признаков преступления или с целью привлечения лица к уголовной ответственности, и в этом случае вопрос о необходимости принятия во внимание ограниченной или косвенной оперативно-розыскной неприкосновенности, предусмотренной для отдельных категорий должностных лиц, не столь очевиден.

Целью проводимых ОРМ является недопущение использования предоставленных прав и должностных полномочий в ущерб общественным отношениям, профилактика нарушений специальных правовых предписаний (нарушение режима секретности, совершения коррупционных правонарушений и др.). Юридические последствия проведения ОРМ – материалы ОРД передаются для использования в административном процессе, в рамках административного регламента учитываются при принятии решения о возможности приобретения (или лишения) специального права, о возможности профессиональной деятельности лица. В общем случае такие ОРМ осуществляются с ведома и на основании волеизъявления лиц, претендующих на получение специального права или занятие определенных категорий должностей, в связи с чем ограничение прав граждан в ходе ОРМ имеет признаки общеобязательных правовых предписаний.

В данном контексте с учетом актуальности законодательной регламентации оперативно-розыскного предупреждения преступлений уместно высказать суждение относительно гипотетического места в приведенной классификации оснований оперативно-розыскной профилактики. Наличие близких целей, единых субъектов и методов оперативно-розыскной деятельности предопределяет схожесть правоотношений, реализуемых в рамках оперативно-розыскного предупреждения преступлений и правоотношений, возникающих при проведении ОРМ, имеющих целью профилактику коррупционных правонарушений, нарушений специальных правовых предписаний. По этой причине выглядит убедительным соотнесение оснований оперативно-розыскной профилактики с юридическими фактами в виде социально опасного состояния лица. В этом случае основанием проведения ОРМ являлся бы зарегистрированный социально опасный статус лица (административный надзор, судимость, рецидив и другое), предусматривающий наличие определенных обременений. Проводимые оперативно-розыскные мероприятия имели бы целью недопущение совершения лицом преступлений, а юридическими последствиями – передача материалов ОРД для использования в процессе принятия решения о продлении (снятии) социально опасного статуса.

Вместе с тем перечень объектов оперативно-розыскной профилактики гипотетически существенно шире. Поскольку теория права допускает существование в качестве юридического факта не только зарегистрированного, но и незарегистрированного состояния лица, то в качестве основания для проведе-

ния оперативно-розыскной профилактики допустимо рассматривать целый класс незарегистрированных (латентных) социально опасных состояний лица. Примерами латентного социально опасного состояния лица может являться участие в подростковой группе антисоциальной направленности, занятие лицом положения в преступной иерархии и другое. Представляется, что именно использование в качестве основания для проведения ОРМ класса юридических фактов как в виде специального правового статуса, так и в виде латентного социально опасного состояния должно составлять характерную черту оперативно-розыскной профилактики.

Подводя итог, мы заключаем, что классификация фактических оснований проведения ОРМ позволяет систематизировать неоднородную группу оперативно-розыскных правоотношений и приблизиться к дифференциации пределов ограничения прав граждан в ходе оперативно-розыскной деятельности. Установленные законом основания проведения ОРМ порождают четыре группы оперативно-розыскных правоотношений, характеризующиеся различием целей. Одновременно с разграничением по целевому признаку вся совокупность оснований проведения ОРМ в соответствии с характером юридического факта, составляющего основание, может быть разделена на три класса (действие, событие и состояние). Характер юридических фактов, составляющих основания проведения ОРМ, и цель поведения ОРМ взаимосвязаны и в совокупности определяют пределы ограничений конституционных прав и правовой статус лиц при проведении ОРМ.

Библиографический список

1. Галахов, С.С. Теоретические и праксеологические основы предупреждения преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел / С.С. Галахов, В.И. Козлов // Общество и право. – 2007. – № 3. – С.120-127.
2. Железняк, Н.С. Оперативно-розыскная деятельность по делам о наркотиках в решениях высших судов Российской Федерации : обзор судебной практики / Н.С. Железняк. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – 167 с.
3. Железняк, Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.
4. Кузнецов, Е.В. Предупреждение преступлений органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: проблемы теории и практики / Е.В. Кузнецов // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. – 2011. – № 4. – С.45-52.
5. Кузнецов, Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Е.В. Кузнецов. – Омск, 2014. – 282 с.
6. Луговик, В.Ф. Инициативный авторский проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Пояснительная записка / В.Ф. Луговик // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В.Ф. Луговик. – Омск: Омский юридический институт, 2006. – 92 с.
7. Морозова, Л.А. Теория государств и права : учебник / Л.А. Морозова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.:НОРМА: ИНФРА-М, 2013. – 663 с.
8. Новиков, Е.Е. О юридических фактах-состояниях в уголовно-исполнительном праве и их классификации / Е.Е. Новиков // Вестник кузбасского института. – 2019. – № 2. – С. 77-87.
9. Пермяков, А.В. К вопросу о состояниях в праве / А.В. Пермяков // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 3. – С. 49-60.
10. Соловей, Ю.П. Сыск как институт административного права / Ю.П. Соловей // Институты административного права России / отв. ред. И.Л. Бачило, Н.Ю. Хаманеева. – М.: Институт государства и права РАН, 1999. – 264 с.
11. Чечётин, А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : научно-практическое пособие / А.Е. Чечётин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 136 с.
12. Чечётин, А.Е. Проект законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий / А.Е. Чечётин // Полицейское право. – 2006. – № 4. – С. 82-87.
13. Яковец, Е.Н. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения преступлений: проблемные вопросы законодательства и основные направления реализации / Е.Н. Яковец, Д.А. Бражников // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 4. – С.397-406.

УДК 343.344

Сергей Михайлович МАЛЬКОВ,

начальник кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

serqeymalkov@mail.ru

ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ КАК ПРЕДМЕТ, СПОСОБ, СРЕДСТВО И ОРУДИЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

WEAPONS AND AMMUNITION AS AN OBJECT, METHOD, MEANS AND INSTRUMENT OF COMMITTING A CRIME

В статье анализируется правовая природа и роль оружия в качестве предмета, способа, средства и орудия совершения преступления, а также вопросы механизма причинения вреда. Рассматриваются уголовно-правовые признаки оружия, актуальные вопросы квалификации и криминализации преступлений в сфере незаконного оборота оружия. Формируется понятие оружия как предмета совершения преступления и рассматриваются особенности данных преступлений. Дается классификация преступлений, в которых оружие выступает средством и орудием совершения преступления, анализируется практика Верховного Суда Российской Федерации, формулируется теоретическое и практическое значение оружия как предмета, способа, средства и орудия совершения преступления.

The legal nature and the role of weapons as an object, method, means and instrument of committing a crime, as well as issues of the mechanism of causing harm are analyzed in the article. The criminal characteristics of weapons, topical issues of qualification and criminalization of crimes in the field of illicit weapons trafficking are considered. The concept of weapons as the object of a crime is defined and the features of these crimes are considered by the author. Classification of crimes where weapons act as a means and instrument of committing a crime is given, the practice of the Supreme Court of the Russian Federation is analyzed as well as the theoretical and practical significance of weapons as an object, method, means and instrument of committing a crime is formulated.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, предмет преступления, способ совершения преступления, средства совершения преступления, орудия преступления, оборот оружия, незаконный оборот оружия, квалификация преступлений, судебная практика, дифференциация уголовной ответственности.

Keywords: *weapons, ammunition, explosives, object of crime, method of committing a crime, means of committing a crime, instruments of a crime, weapons trade, illicit weapons trafficking, qualification of crimes, court practice, differentiation of criminal liability.*

В уголовно-правовой науке оружие рассматривается как предмет, способ, средство и орудие совершения преступления. Вместе с тем правоприменительная

практика по делам о незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств и иных преступлениях, связанных с оружием, свидетельствует о

неоднозначном понимании роли оружия в совершении преступления, что негативно сказывается на эффективности уголовно-правового противодействия данному явлению.

Развивая ранее высказанное мнение о целесообразности рассмотрения оружия и боеприпасов через призму структуры объекта преступления, в частности общественного отношения, и аргументируя доказательство о идентичности понятий и полного совпадения предмета общественного отношения и предмета преступления, считаем обоснованным вывод о том, что оружие в преступлениях в сфере незаконного оборота следует рассматривать только в качестве предмета преступления [подр.: 10, с. 50-51, 91]. Для предмета преступления характерны такие особенности, как физическое выражение, его социальное назначение и юридическое закрепление [3, с. 48]. Физическое выражение оружия как предмета преступления заключается в вещности предмета, возможности его ощущения и невозможности отнести его к недвижимому имуществу. Социальное значение оружия состоит в общественно полезных свойствах, его важности и необходимости для общества и государства. Юридическое закрепление указывает на наличие уголовно-правовой охраны законного оборота оружия и боеприпасов и установление уголовной ответственности за незаконный оборот.

Научное, теоретическое и практическое значение оружия как предмета преступления состоит, во-первых, в том, что с его помощью конкретизируется объект преступления и объект уголовно-правовой охраны, что является средством познания преступного оборота оружия; во-вторых, в особой роли предмета при квалификации преступлений и доказывании в процессе расследования уголовных дел; в-третьих, в непосредственном влиянии предмета на криминализацию и дифференциацию уголовной ответственности, поскольку позволяет объективно оценить общественную опасность деяния и формулировать юридическое содержание (правовую природу) преступлений в сфере незаконного оборота оружия; в-четвертых, в ином влиянии предмета преступления при

индивидуализации наказания (назначении наказания), при признании потерпевшим, при предъявлении гражданского иска и возмещения ущерба, при освобождении от уголовной ответственности и наказания, при конфискации имущества и др.

Действующее уголовное законодательство к преступлениям в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств относит незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение данных предметов (ст. 222, 222.1, 222.2 УК РФ), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), контрабанду взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники (ст. 226.1 УК РФ), разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ).

На понятие оружия как предмета преступления четко указывает законодатель. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии» под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского огнестрельного оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для механического поражения живой или иной цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда: винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские ору-

дия, пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра. Под основными частями огнестрельного оружия понимаются ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка. Комплекующими деталями огнестрельного оружия являются как основные части огнестрельного оружия, так и иные детали, конструктивно предназначенные для обеспечения нормального функционирования конкретного образца огнестрельного оружия (станины, прицелы и т.п.).

При исследовании оружия и боеприпасов как предметов преступлений в сфере незаконного оборота оружия обозначились три вопроса, имеющие существенное значение для квалификации преступлений: во-первых, в чем состоит содержание оружия; во-вторых, как следует рассматривать появление в незаконном обороте новых видов оружия с признаками, отличающимися от традиционных признаков оружия, обладающих большим разрушительным потенциалом, например крупнокалиберное, ультразвуковое, импульсное, лазерное, электромагнитное, зажигательное, запаховое оружие и боевая техника; в-третьих, как необходимо решать вопросы частного характера, возникающие при установлении предмета преступления.

Отвечая на первый вопрос, стоит указать, что содержание оружия состоит в его признаках, по поводу которых в уголовно-правовой науке высказаны различные позиции. К ним авторы относят оружейность, огнестрельность, надежность [7, с. 47-56]; ограничение в гражданском обороте [16, с. 10]; поражающие свойства [14, с. 12]; повышенную опасность и технические особенности [18, с. 38].

Современные исследования признаков оружия как предмета преступления позволяют отнести к ним пригодность, характеризующую оружие как источник повышенной опасности, и возможность совершения с ним незаконных действий; целевой признак указывает на единственное назначение предмета, состоящее в поражении цели; правовой признак оружия указывает на особый режим оборота и обращения с оружием, его изъятие из гражданского оборота или существенное ограничение в таковом [подр.: 12, с. 149-150].

Вопрос об обеспечении оперативности и гибкости уголовного закона при появлении в незаконном обороте новых видов оружия, не совпадающих с традиционными признаками оружия, эффективно решается на уровне законодателя. Так, Федеральным законом от 1 июля 2021 г. N 281-ФЗ в УК РФ включена статья, устанавливающая уголовную ответственность за незаконный оборот крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. N 398-ФЗ в законодательство об оружии внесено изменение, в соответствии с которым существенно расширено содержание поражающего элемента огнестрельного оружия (ст. 1). Кроме того, частично вопрос решает и Верховный Суд РФ. В п. 1 постановления Пленума от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» обращено внимание на необходимость распространения действия уголовного законодательства на различные виды боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Ответы на вопросы частного характера, возникающие при установлении признаков оружия как предмета преступления в процессе расследования, дает судебная практика на основании толкования уголовного закона и правосознания правоприменителя. В связи с этим представляет интерес ответ на вопрос о том, следует ли признавать предметом преступления установление на макет оружия основных частей к оружию?

Приговором Кунцевского районного суда города Москвы N 01-0199/2016 по ч. 1 ст. 222 УК РФ осужден гражданин за установление на непригодный к стрельбе макет автомата «АКС 74У» основной части огнестрельного оружия – затвора, пригодного к использованию в боевом автомате, с после-

дующим их хранением. Несмотря на то, что в результате действий осужденного предмет получил возможность стрельбы только холостыми, но не боевыми патронами, суд признал его предметом преступления, что вполне обоснованно, поскольку указанный предмет содержит все признаки оружия.

В рамках рассмотрения оружия и боеприпасов как предмета преступления целесообразно особое внимание обратить на этапы незаконного оборота оружия. К ним, по нашему мнению, следует отнести: вход в незаконный оборот оружия; «жизненный цикл» незаконного оборота оружия; выход из незаконного оборота оружия. Вход и выход из незаконного оборота оружия представляют только вспомогательные деяния, предшествующие или завершающие «жизненный цикл» незаконного оборота и не отражающие его содержания, они имеют различную общественную опасность и механизм уголовно-правового предупреждения преступлений. Кроме того, имеются различия и в объектах преступлений, охраняемых уголовно-правовыми нормами, поскольку вход в незаконный оборот оружия, в отличие от «жизненного цикла» незаконного оборота, не может посягать на отношения безопасности при нарушении обращения с оружием и боеприпасами [6, с. 17]. в связи с отсутствием таковых.

Для устранения указанного недостатка в юридической литературе обращено внимание на такое понятие, как «предмет совершения преступления» [5, с. 64-66]. Основная роль предмета совершения преступления состоит в том, что при совершении преступления с данным предметом создаются реальные условия для совершения другого преступления, в частности преступления в сфере незаконного оборота оружия. У субъекта преступления формируется умысел и мотивы совершения преступления, происходит осознание объекта преступления, предмета преступления и одновременно предмета совершения преступления, которыми выступают оружие и боеприпасы, окончательно формируются цели на совершение конкретных общественно опасных деяний, образующих объективную

сторону преступления. Таким образом, следует вести речь о сопряженных преступлениях, что в целом образует идеальную совокупность преступлений [8, с. 243-245].

К преступлениям, в которых оружие выступает предметом совершения преступления, следует отнести незаконное изготовление оружия, взрывчатых веществ, переделку или ремонт взрывных устройств (ст. 223, 223.1 УК РФ). Указанные нормы представляют вход в незаконный оборот оружия.

Выход из незаконного оборота оружия состоит в уничтожении оружия, в его таком его повреждении, при котором оно становится непригодным для использования в специфических целях, а также естественной утрате при использовании по назначению (например, отстрел боеприпасов, взрыв гранаты). В действующем уголовном законодательстве отсутствует ответственность за уничтожение незаконно обращающегося оружия или его повреждение, вместе с тем, учитывая необходимость восстановления общественных отношений в сфере оборота оружия и отношений собственности (право владения, пользования и распоряжения оружием), а также необходимость возмещения ущерба, причиненного незаконным оборотом оружия, целесообразно рассмотреть вопрос о криминализации и дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение оружия и боеприпасов, находящихся в незаконном обороте.

Любой состав преступления должен быть охарактеризован только конкретным способом совершения преступления [13, с. 69]. Способ совершения преступления рассматривается как совокупность приемов, действий и методов, применяемых виновным при совершении преступления, придает объективной стороне качественное своеобразие. Таким образом, способ совершения преступления является образом общественно опасного деяния [1, с. 12].

В уголовном законодательстве Российской Федерации закреплено несколько составов преступлений, в которых оружие является способом совершения преступления и

конструктивным (обязательным) признаком, входящим в содержание общественно опасного деяния (ст. 205, 205.3, 208, 209, ч. 4 ст. 212, ст. 279, 281.2, 359 УК РФ). Кроме того, именно наличие оружия, характеризующее способ совершения преступления, позволяет установить общественную опасность самого деяния, обратить внимание на направленность умысла, индивидуализирует конкретный вид преступления и позволяет отличить его от других преступлений [4, с. 118].

Помимо прямого указания в уголовном законодательстве на оружие как на способ совершения преступления активно обращает внимание судебная практика. Так, в соответствии с п.п. 2 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. N 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» банда – это организованная, устойчивая, вооруженная группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан, либо банда может быть создана и для совершения одного, но требующего организации и тщательной подготовки нападения. Вооруженность банды предполагает наличие у ее участников не только огнестрельного, холодного (в том числе метательного), газового или пневматического оружия заводского или самодельного изготовления, но и взрывных устройств. Оружие должно быть в группе для совершения нападения, оно должно обладать способностью причинять вред здоровью человека, должно быть запрещено или ограничено в гражданском обороте.

В соответствии с п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» вооруженность как обязательный признак незаконного формирования предполагает наличие у его участников любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов и взрывных устройств, в том числе кустарного производства, а также боевой техники. При этом следует уточнить, что преступление,

предусмотренное ст. 208 УК РФ, предполагает наличие у незаконного вооруженного формирования прежде всего боевого ручного стрелкового и холодного оружия, иного боевого стрелкового оружия, предметов вооружения боевой техники (в частности, пушек и крупнокалиберных пулеметов), тяжелого вооружения и иного вооружения, позволяющего вести боевые действия [20, с. 77-79].

Значительная роль оружию отведена в характеристике средства совершения преступления, под которыми понимаются предметы материального мира, процессы или явления, используя которые преступник воздействует на объект преступления и его составные процессы [19, с. 132].

Рассматривая оружие как средство совершения преступления, следует уточнить, что оно должно находиться во владении субъекта преступления и использоваться при совершении воздействия на объект преступления [9, с. 218].

Давая классификацию средств совершения преступлений, которыми выступают оружия и боеприпасы, следует обратить внимание на несколько групп.

Первую группу образуют средства, на которые указывает законодатель. Так, п. «б» ч. 1 ст. 256 и п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ устанавливают ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и незаконную охоту, совершенные с применением взрывчатых веществ. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 361 УК РФ, предусматривает ответственность за совершение акта международного терроризма, заключающегося в вооружении преступников.

Вторую группу средств образует оружие, которое выводится из законного оборота и попадает в незаконный оборот. Так, дезертирство с оружием, вверенным виновному по службе (ч. 2 ст. 338 УК РФ), – это вход оружия в незаконный оборот посредством неправомерного исключения военнослужащим самого себя из системы воинских отношений. В связи с этим в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. N 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против

военной службы» вполне обоснованно обращается внимание на необходимость квалификации преступлений по совокупности ч. 2 ст. 338 и ст. 222, 222.2, 226 УК РФ.

Третью группу характеризует оружие, которое формирует самостоятельный способ совершения преступления. Так, убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), возможно квалифицировать при наличии обстановки совершения преступлений, двух или более лиц, а также средств совершения преступления. В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» под общеопасным способом убийства следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди).

Отдельную группу образуют средства, находящиеся в законном обороте, уничтожаемые или повреждаемые (ст. 346 УК РФ), а также утраченные при нарушении правил сбережения (ст. 348 УК РФ). Посягательство на объект преступления, которым выступает военная служба и правила безопасности использования военно-технических средств, заключается в том, что воинские подразделения и военнослужащие лишаются возможности выполнения поставленных боевых, служебных и повседневных задач, что в целом отражается на обороноспособности страны и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации [подр.: 11, с. 16-18, 23].

Оружие может использоваться в совершении преступления и как орудие совершения преступления.

Орудие совершения преступления следует рассматривать как предмет материального мира, являющейся продуктом человеческой деятельности, который используется или предназначен для непосредственного совершения преступления (преступного воздей-

ствия на объект или предмет преступления, а также потерпевшего) в целях достижения необходимого преступного результата. Применение оружия для совершения преступления в обязательном порядке предполагает непосредственное воздействие этого предмета на потерпевшего, то есть на физическое лицо, которому причиняется физический, имущественный, моральный вред, а также различные эмоциональные страдания [17, с. 65]. Именно при наличии данных условий оружие следует рассматривать как орудие совершения преступления, а преступление в целом необходимо отнести к насильственным преступлениям или преступлениям, в которых насилие выполняет сопутствующую роль.

Законодатель по-разному указывает на орудия совершения преступления, которым выступает оружие, в частности указывает в диспозиции уголовно-правовой нормы как на конструктивный признак (ч. 1 ст. 212 УК РФ) и в квалифицирующих признаках (п. «з» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 112, п. «в» ч. 2 ст. 115, п. «г» ч. 2 ст. 126, п. «г» ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 203, п. «г» ч. 2 ст. 206, п. «г» ч. 2 ст. 211, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 227, п. «б» ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 313, п. «б» ч. 2 ст. 333, п. «б» ч. 2 ст. 334, п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ).

Ряд уголовно-правовых норм, в которых отсутствует специальное указание на орудие совершения преступления, обязательно предусматривают их наличие, поскольку без орудий возможность совершения преступления минимальна. Так, значительное число фактов превышения пределов необходимой обороны (ст. 37, 108 УК РФ) и превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 38, 108 УК РФ), совершаются именно с применением оружия. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» в п. 13 указывает, что при решении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны следует учитывать наличие у посягавших и оборонявшихся лиц оружия или иных предметов,

использованных в качестве оружия. Кроме того, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 119, 239, 277, 281, 295, ч. 4 ст. 296, ч. 4 ст. 302, ст. 317, 357 УК РФ, оружие выполняет конструктивную роль, без него практически невозможно достичь преступного результата.

Среди особенностей уголовно-правовой оценки оружия как орудия совершения преступления укажем следующее:

во-первых, оружие как орудие совершение преступления должно полностью совпадать с признаками оружия как предмета преступления и предмета совершения преступления, поскольку специфика оборота оружия, общественная опасность незаконного оборота и судебная практика полностью исключают отнесение к оружию, например, иных предметов, не обладающих необходимыми характеристиками;

во-вторых, при совершении преступлений оружие должно применяться в соответствии с его целевым признаком, заключающимся в поражении живой силы [2, с. 31]. Нельзя признавать оружие орудием совершения преступления в случаях, когда оружие используется для нанесения ударов, побоев, причинения вреда здоровью, что приводит к таким же последствиям, что и применение оружия по назначению в соответствии с конструктивными особенностями. В таком случае оружие следует рассматривать как предмет, используемый в качестве оружия.

Так, нельзя согласиться с квалификацией военного суда действий С., который рукояткой штык-ножа нанес К. удар по голове, причинив при этом легкий вред здоровью. При рассмотрении уголовного дела суд необоснованно признал штык-нож в качестве орудия совершения преступления [подр.: 11, с. 119-120];

во-третьих, применение оружия должно быть физическим (фактическое его использование) или психическим (информационное воздействие). Кроме того, угроза применения оружия должна быть реальной и конкретной, оружие должно находиться в руках виновного лица, имеющего возможность его применения. Не следует относить к оружию

как средству совершения преступления наличие оружия у лица, если оно не подкрепляется объективными действиями, например не обнажено, не продемонстрировано, а также словесную угрозу применения оружия, не сопровождающуюся реальными действиями с оружием.

Законодательная конструкция отдельных преступлений и техника их закрепления в УК РФ позволяет отнести оружие одновременно к способу, средству и орудию совершения преступления. Например, разбойное нападение с незаконным проникновением в жилище или помещение путем повреждения запирающих устройств с использованием оружия и последующим физическим применением оружия к потерпевшему с целью завладения имуществом. В данном случае оружие выступает как средство совершения преступления, поскольку оно подкрепляет угрозу и входит в конструкцию насильственного хищения, как средство совершения преступления было использовано для повреждения запирающих устройств, как орудие совершения преступления оказало непосредственное воздействие на потерпевшего. В хулиганских действиях, связанных с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств к потерпевшему путем причинения вреда здоровью и одновременного повреждения или уничтожения имущества, оружие следует рассматривать как средство и орудие совершения преступления.

В случае хищения вверенного оружия при дезертирстве оружие следует рассматривать как предмет преступления и средство совершения преступления.

Кроме того, следует обратить внимание, что в отличие от оружия как предмета преступления оружие, рассматриваемое в качестве средства и орудия совершения преступления, может находиться в законном обороте. В случае нахождения его в незаконном обороте содеянное следует квалифицировать по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 222, 222.1, 222.2, 226, 226.1 УК РФ.

Поскольку использование способа, средства или орудия совершения преступления

является частью преступного поведения лица [15, с. 120], то практическое значение оружия как способа, средства и орудия совершения преступления состоит в правильной квалификации преступлений и установлении вины лица, совершившего преступление. Так, в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» при решении вопросов о квалификации убийств и направленности умысла следует учитывать способ и орудие совершения преступления, количество, характер и локализацию ранения, а также поведение виновного.

Кроме того, оружие как средство и орудие совершения преступления входит в перечень предметов, подлежащих конфискации (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Таким образом их установление способствует реализации иных мер уголовно-правового принуждения. Данные предметы учитываются при назначении наказания, поскольку рассматриваются в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также при оценке общественной опасности преступления. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при назначении наказания следует учитывать степень общественной опасности, которая

устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного: наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в совершении преступлений.

Процессуальное значение оружия как способа, средства и орудия совершения преступления состоит в установлении события совершения преступления и их вхождение в предмет доказывания по уголовным делам (ст. 73 УПК РФ).

В завершение следует отметить неоднозначную роль оружия как предмета, способа, средства и орудия в совершении преступлений, которая зависит от содержания, цели и правовой природы этих элементов состава преступления. Совокупность предмета, способа, средства и орудия совершения преступления либо отдельно взятый признак позволяет максимально оценить общественную опасность преступлений, связанных с оружием. Законотворческое значение этих признаков состоит в возможности криминализации и дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с оружием. Правоприменительное значение оружия как предмета, способа, средства и орудия преступления заключается в квалификации преступлений, применении иных мер уголовно-правового воздействия, в индивидуализации (назначении) уголовного наказания.

Библиографический список

1. Бушуев, Г.В. Способ совершения преступления и его влияние на общественную опасность содеянного / Г.В. Бушуев. – Омск, 1988. – 24 с.
2. Бут, Ю.А. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил применения оружия / Ю.А. Бут, А.С. Самойлов. – М., 1998. – 189 с.
3. Глистин, В.К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В.К. Глистин. – Ленинград, 1979. – 248 с.
4. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М., 2001. – 316 с.
5. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1955. – 212 с.

6. Колонтаевский, Ф.Е. Организационные основы охраны обществен-ного порядка в совре-менных условиях : дис. ... в виде научного доклада ...докт. юрид. наук / Ф.Е. Колонтаевский. – М., 1996. – 58 с.
7. Комаринец, Б.М. Судебно-баллистическая экспертиза : учебно-методическое пособие / Б.М. Комаринец. – М., 1974. – 166 с.
8. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М., 2007. – 304 с.
9. Малинин, В.Б. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. – СПб., 2004. – 299 с.
10. Мальков, С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография / С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2002. – 221 с.
11. Мальков, С.М. Преступления против военной службы : монография / С.М. Мальков. – М., 2015. – 176 с.
12. Мальков, С.М. Преступления против общественной безопасности : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер. – Красноярск, 2022. – 200 с.
13. Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / под ред. А.В. Наумова, С.И. Никулина. – М., 1995. – 116 с.
14. Романов, А.П. Борьба с хищениями оружия, незаконным и небрежным обращением с ним / А.П. Романов. – М., 1979. – 48 с.
15. Сверчков, В.В. Уголовное право : учебник для среднего профессионального образования / В.В. Сверчков. – М., 2021. – 728 с.
16. Соколов, Л.Ф. Уголовный закон об оружии / Л.Ф. Соколов. – Омск, 1976. – 58 с.
17. Сумачев, А.В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем) : монография / А.В. Сумачев. – Нижневартовск, 2005. – 234 с.
18. Тихий, В.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности / В.П. Тихий. – Харь-ков, 1981 – 172 с.
19. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Бор-зенкова. – М., 1993. – 368 с.
20. Шеслер, А.В. Военизированность и вооруженность как признаки незаконного вооружен-ного формирования / А.В. Шеслер, С.М. Мальков // Современное право. – 2017. – N 12. – С. 77-79.

УДК 343.344

Оксана Аркадьевна ОВЧИНКО,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)
ooo08@yandex.ru

Игорь Сергеевич СОРОКИН,
начальник кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
issorokin@mail.ru

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

THE CONCEPT, SIGNS AND PUBLIC DANGER OF ILLEGAL TRAFFICKING IN WEAPONS, AMMUNITION, EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES

В статье анализируются научные подходы к понятию незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, формулируются признаки данного явления и раскрывается их содержание. Дается классификация групп преступлений, входящих в незаконный оборот оружия, обосновывается необходимость отнесения к незаконному обороту оружия административных правонарушений. Рассматривается общественная опасность незаконного оборота оружия через вредоносность и прецедентность, а также через социальные, политические, экономические и психологические аспекты. Анализируются статистические данные о состоянии преступности в сфере незаконного оборота оружия и о его применении в преступных целях.

The article analyzes scientific approaches to the concept of illicit trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices, formulates the signs of this phenomenon and reveals their content. The classification of groups of crimes included in illegal arms trafficking is given, the necessity of attributing administrative offenses to illegal arms trafficking is justified. The public danger of illegal drug trafficking is considered through harmfulness and precedent setting, as well as through social, political, economic and psychological aspects. Statistical data on the state of crime in the field of illegal arms trafficking and its use for criminal purposes are analyzed.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, незаконный оборот, признаки незаконного оборота, общественная опасность, вредоносность, прецедентность, классификация групп преступлений, административные правонарушения в сфере незаконного оборота оружия.

Keywords: weapons, ammunition, explosives, explosive devices, illegal trafficking, signs of illegal trafficking, public danger, harmfulness, precedent setting, classification of crime groups, administrative offenses in the field of illegal arms trafficking.

Осложнение оперативной обстановки в Российской Федерации, связанной с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (далее, если иное не оговорено, – незаконный оборот оружия), их применение в преступных целях и непредсказуемые последствия небрежного обращения с ними требуют поиска новых подходов к исследованию с целью обоснования наиболее эффективных средств противодействия этому явлению. Актуализирует обозначенный вопрос общественная опасность незаконного оборота оружия.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии» под оборотом оружия понимается производство, торговля, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации.

На основе данного понятия в криминологической науке сформулировано понятие незаконного оборота оружия: относительно массовое социально-правовое явление, образуемое совокупностью преступлений и иных правонарушений, связанных как с противоправным владением (завладением), так и с противоправным применением оружия [1, с. 20]. С.А. Невский рассматривает незаконный оборот оружия как процесс поступления, распространения, применения и использования оружия в обществе, происходящий с нарушением установленных законодательством правил обращения с оружием и проявляющийся в совершении действий, запрещенных законом [17, с. 39], Д.А. Корецкий, Э.В. Солоницкая – как производство и процесс дальнейшего движения оружия к потребителю, а также его использование и уничтожение, осуществляемые с нарушением закона [11, с. 92], Ю.В. Загайнова – как процесс применения, использования и распространения оружия в обществе, происходящий с нарушениями установленных законодательством правил обращения с ним, подчеркивая обу-

словленность данного процесса конкретными социальными условиями [7, с. 41].

С.А. Григорянц анализирует незаконный оборот оружия через криминальное движение предметов в совокупности с отклонениями в сфере законного оборота оружия [5, с. 37].

В.А. Робак указывает, что «под незаконным оборотом оружия необходимо понимать нарушение установленных уголовным законодательством правил обращения с оружием, как запрещенным, так и разрешенным к обороту» [18, с. 204]. В этом же ключе дает определение Р.Ю. Белоусов: действия, совершаемые с оружием, выходящие за границы, установленные законом и нормативно-правовыми актами [3, с. 43].

Таким образом, предпосылками возникновения незаконного оборота оружия является выход оружия из-под контроля государства, соответствующих органов или лиц, обладающих правом на владение оружием, различными способами.

Выделим и проанализируем признаки незаконного оборота оружия.

Первый признак указывает специфическую особенность предмета незаконного оборота незаконного оборота оружия, к которому следует отнести огнестрельное оружие, основные части к огнестрельному оружию, огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие; огнестрельное оружие ограниченного поражения; боеприпасы; крупнокалиберное огнестрельное оружие; патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения; патроны к газовому оружию; взрывчатые вещества; взрывные устройства; газовое оружие; холодное оружие; метательное оружие; комплектующие детали к оружию; оружие массового поражения (ядерное, химическое, биологическое и др.), материалы или оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения.

К предмету незаконного оборота оружия не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения; спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» не относятся к боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам патроны светозвукового, травматического, газового действия, сигнальные, строительно-монтажные, учебные, охолощенные и иные, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т.п.) и не предназначенные для поражения цели, а также газовые, сигнальные, стартовые, строительно-монтажные пистолеты и револьверы, не содержащие взрывчатых веществ и смесей имитационно-пиротехнические и осветительные средства [15, с. 101].

В 2022 г. правоохранительными органами Российской Федерации было изъято 12315 единиц оружия, 501663 единицы боеприпасов, 2348 килограмм взрывчатых веществ, 3213 единиц взрывных устройств¹, что позволяет говорить о сохранении высокого удельного веса незаконных действий с взрывными устройствами. Кроме того, следует указать на изменение приоритетов организованных преступных групп со штатного, боевого ручного стрелкового оружия на тяжелое вооружение, боевую технику и экспериментальные образцы оружия с наибольшей разрушительной силой [6].

Второй признак заключается в совокупности деяний, образующих противоправную деятельность. Подчеркнем, что единства мнений в вопросе о том, какие деяния, предусмотренные УК РФ, составляют незаконный оборот оружия, в науке уголовного права нет. А.И. Кравцов обосновывает точку зрения об отнесении к незаконному обороту оружия общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 222-226 УК РФ [12, с. 39], В.А. Робак добавляет в данный перечень ст. 226.1 УК РФ (в части контрабанды взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения,

средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники), 348, 349 и 355 УК РФ [18, с. 200].

По мнению Д.А. Корецкого и Э.В. Солоницкой, к незаконному обороту оружия относят предусмотренные чч. 2-4 ст. 188, ст. 222-226, ст. 355 УК РФ [11, с. 167], А.В. Савкина и Е.М. Лазарева – ст. 218, 222, 223, 225, 226 УК РФ [19, с. 126], Е.П. Гречко, П.П. Смольякова – чч. 2-4 ст. 188, ст. 222, 223, 226 УК РФ, а также преступления, способствующие их совершению, – ст. 224, 225 УК РФ [4, с. 138].

На наш взгляд, наиболее полно и верно классифицировал преступления в сфере незаконного оборота оружия А.А. Задоян, который исходя из объекта посягательства деяния, составляющие незаконный оборот оружия, разделяет на следующие группы: преступления, непосредственным объектом которых является общественная безопасность (ст. 222, 223, 224, 225, 226, 226.1 УК РФ), преступления против военной службы (ст. 348, 349 УК РФ) и разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ) [8, с. 1167].

Мы считаем, что ограничивать незаконный оборот оружия только общественно опасными деяниями, в которых оружие является предметом преступления, не учитывая иные классификационные признаки и критерии, указывающие на выход оружия из-под контроля, неверно, в связи с чем, на наш взгляд, незаконный оборот оружия включает в себя следующие группы преступлений:

- преступления, в которых оружие является предметом преступления: в эту группу входят деяния, предусмотренные ст. 222, 222.1, 222.2, 223.1, 226, 226.1 УК РФ;
- преступления в которых оружие является конструктивным признаком и способом совершения преступления: ст. 208 (органи-

1 Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2023. С. 51.

зация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации), 209 (бандитизм), 205.3 (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), 279 (вооруженный мятеж), 355 (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения), ч. 2 ст. 356 (применение запрещенных средств и методов ведения войны) УК РФ;

– преступления, в которых оружие является средством совершения преступления: ч. 4 ст. 212 (массовые беспорядки), ст. 278 (шпионаж) УК РФ;

– преступление, сопутствующее незаконному обороту оружия, – дезертирство с оружием (ч. 2 ст. 338 УК РФ).

Помимо перечисленных выше преступлений незаконный оборот оружия образуют и административно наказуемые деяния, которые не обладают общественной опасностью, но нарушают установленный законодательством запрет на обращение с отдельными видами предметов вооружения, создают благоприятные условия для их применения и являются средством для совершения преступлений: нарушение правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, ношения, коллекционирования, экспонирования, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, а также нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета взрывчатых веществ и взрывных устройств, пиротехнических изделий, порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием (ст. 208 КоАП РФ), незаконные изготовление, приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка, транспортирование, ношение или использование оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к оружию (ст. 20.10 КоАП РФ), пересылка оружия, нарушение правил перевозки, транс-

портирования или использования оружия и патронов к нему (ст. 20.12 КоАП РФ).

Рассмотрение норм, устанавливающих административную ответственность в системе незаконного оборота оружия, представляется целесообразным. Эти нормы имеют особое значение в реализации двойной профилактики, так как привлечение виновных лиц к административной ответственности способствует устранению причин, условий и факторов совершения преступлений в сфере незаконного оборота оружия.

Третьим признаком является лицо, совершившее преступления и административные правонарушения в сфере незаконного оборота оружия (особенности личности преступника и правонарушителя).

Данный признак позволяет обратить внимание на механизм индивидуального противоправного поведения, отражает вред, причиняемый личности и общественной безопасности незаконным оборотом оружия, и позволяет провести типологию лиц, совершающих преступления, что имеет важное значение для профилактики. Кроме того, изучение личности лица, совершающего преступления и административные правонарушения в сфере незаконного оборота оружия имеет важное значение, поскольку указывает на социальную обоснованность системы предусмотренных законом мер и правильность их применения [9, с. 133]. Поведение лица, совершающего преступления и административные правонарушения в сфере незаконного оборота оружия, указывает на изменение социальных ценностей, требований и норм в индивидуальных особенностях и его психической и нравственной структуре [13, с. 46].

Исследование личности преступника и правонарушителя в сфере незаконного оборота оружия позволяет обратить внимание на специфические свойства механизма индивидуального преступного поведения, который зачастую отражает интерес к оружию, навыки и умения обращения с ним, выбор способа совершения преступления, необходимость достижения специфической цели, в частности преимущества над потерпевшим [10, с. 164].

Общественная опасность является сущностью преступления [16, с. 6], поэтому исследование общественной опасности незаконного оборота оружия позволяет максимально оценить масштабность угрозы данного явления общественной безопасности Российской Федерации, тяжесть преступных последствий незаконно обращающегося оружия, а также дать типологию лиц, совершающих данные преступления.

Следует поддержать мнение А.В. Шеслера и С.М. Малькова, рассматривающих общественную опасность как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений вместе взятых производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения, ее характеристику можно получить, во-первых, через содержание юридических признаков, входящих в состав преступления, и, во-вторых, через ряд факторов, лежащих за пределами законодательной модели преступления, через вредоносность и прецедентность [21, с. 20-21].

Рассмотрим факторы, входящих в содержание общественной опасности незаконного оборота оружия.

Вредоносность незаконного оборота оружия указывает на способность порождать условия, наносящие реальный ущерб общественной безопасности Российской Федерации. Вредоносность характеризуется четырьмя аспектами: социальным, политическим, экономическим и психологическим.

Социальный аспект незаконного оборота оружия заключается в различных угрозах и последствиях, наступающих для общества. Преступные последствия могут представлять угрозу личности (жизни и здоровья), создавать опасность неопределенному кругу лиц, а также выражаться в крупномасштабной угрозе материальным ценностям и другим интересам. Кроме того, незаконный оборот оружия обуславливает неконтролируемый рост социальной напряженности, которая формирует различные конфликты между людьми, и изменения социального статуса части населения, ориентирующейся на любые способы достижения своих целей [14, с. 37], в том числе и с применением оружия.

Политический аспект незаконного оборота оружия заключается в подрыве национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации, негативно влияет на реализацию государственных стратегий, концепций и программ. Особую опасность незаконный оборот оружия представляет в создании предпосылок для совершения транснациональных преступлений (преступлений международного характера). Существенное противодействие государственной идеологии и нормальной деятельности органов власти и управления представляют преступные факты экстремизма и терроризма, совершающиеся в преимущественной части с применением оружия, находящегося в незаконном обороте [2, с. 49-50].

Экономический аспект вредоносности состоит, во-первых, в том, что криминальный рынок оружия рассматривается как сверхприбыльный бизнес, особенно в деятельности профессиональной преступности [14, с. 166], во-вторых, в сращивании незаконного оборота оружия с организованной и экономической преступностью [20, с. 12-13], в-третьих, в способствовании анализируемых деяний развитию легализации преступных капиталов и коррупции, необходимых для прикрытия криминального бизнеса на рынке оружия.

Психологический аспект состоит в порождении у населения страха перед реальной угрозой незаконно обращающегося оружия, порождении дискомфорта в жизни людей, частичном изменении образа жизни и неверии в способность государства обеспечить безопасные условия жизни. Кроме того, незаконный оборот оружия запускает процесс увеличения оружия в законном обороте, поскольку население начинает приобретать оружие в целях обеспечения своей безопасности. В связи с наличием множества причин для утраты контроля часть законно обращающегося оружия в дальнейшем переходит в незаконный оборот.

Прецедентность незаконного оборота оружия указывает на особую криминальную активность населения для достижения различных, в том числе и преступных, целей,

свидетельствует о увеличении рецидивной преступности, указывает на территориальную распространенность и качественный состав преступников, состояние деятельности правоохранительных органов по изъятию незаконно обращающегося оружия, а также позволяет оценить масштабность применения и использования оружия в преступной деятельности.

О прецедентности свидетельствуют статистические данные, позволяющие сформулировать выводы о тенденциях преступности в сфере незаконного оборота оружия. Так, в 2018 г. на территории Российской Федерации зарегистрированы 27 452 преступления в сфере незаконного оборота оружия, в 2019 г. – 26 557, в 2020 г. – 24 792, в 2021 г. – 23507, в 2022 г. – 22 206 преступлений¹, в 2023 г. – 19 371². Небольшие темпы снижения не могут свидетельствовать о положительной стабилизации обстановки в сфере незаконного оборота оружия, поскольку снижение происходит на фоне обще-

го снижения преступности с 2017 г., кроме того, продолжает оставаться значительным удельный вес незаконного оборота оружия в структуре всей преступности Российской Федерации³.

В завершение следует отметить, что незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как негативное явление обладает рядом характеристик, позволяющих признавать его самостоятельным видом преступности в Российской Федерации. Анализ признаков незаконного оборота оружия указывает на ряд деяний, позволяющих дифференцировать уголовную и административную ответственность за незаконный оборот оружия. Характеристика общественной опасности незаконного оборота оружия свидетельствует о масштабности данного явления, его угрозы и негативных последствий, а также указывает на необходимость формулировать наиболее эффективные мероприятия по противодействию данному явлению.

1 Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор. С. 52.

2 URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/>.

3 Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2022. С. 6-5.

Библиографический список

1. Абызов, Р.М. Предупреждение незаконного оборота оружия / Р.М. Абызов, В.П. Власов, С.Я. Лебедев. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. – 166 с.
2. Байрак, Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом (региональный аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / Г.Ф. Байрак. – Краснодар, 2003. – 222 с.
3. Белоусов, Р.Ю. Понятие оборота оружия: отграничение законного оборота от незаконного / Р.Ю. Белоусов // *Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки : сборник трудов по материалам V Международного конкурса научно-исследовательских работ*. Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. – С. 41-46.
4. Гречко, Е.П. К вопросу о правовых нормах, квалифицирующих преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, и других предметов, представляющих повышенную опасность / Е.П. Гречко, П.П. Смольяков // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – N 1. – С. 126-127.
5. Григорянц, С.А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объект криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Григорянц. – Ростов-на-Дону, 2011. – 203 с.

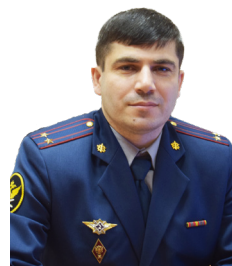
6. Доманов, Д.В. Особенности расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами в сфере незаконного оборота оружия / Д.В. Доманов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – N 4 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-sovershyonnyh-organizovannymi-gruppami-v-sfere-nezakonnogo-oborota-oruzhiya/viewer>.
7. Загайнова, Ю.В. К вопросу о понятии незаконного оборота оружия / Ю.В. Загайнова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – N 3 (62). – С. 36-41.
8. Задоян А. А. Понятие оружия и его виды / А. А. Задоян // Lex Russia (Научные труды МГЮА). – 2011. – N 6. – С. 1155–1173.
9. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. – 287 с.
10. Корецкий, Д.А. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений / Д.А. Корецкий, Л.М. Землянухина. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. – 189 с.
11. Корецкий, Д.А. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение: учебное пособие / Д.А. Корецкий, Э.В. Солоницкая. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006. – 258 с.
12. Кравцов, А.И. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как фактор насильственной преступности / А.И. Кравцов // Российский следователь. – 2006. – N 12. – С. 39-42.
13. Лобзяков, В.П. Криминология и административная юрисдикция милиции : учебное пособие / В.П. Лобзяков, Н.Д. Эриашвили. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 205 с.
14. Мальков, С.М. Криминология и предупреждение преступлений : курс лекций / С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 210 с.
15. Мальков, С.М. Преступления против общественной безопасности: учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – 132 с.
16. Марцев, А.И. Преступность как социальное явление / А.И. Марцев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики : сборник материалов научных трудов. – Красноярск: КрВШ МВД России, 1998. – С. 5-9.
17. Невский, С.А. Борьба с незаконным оборотом оружия / С.А. Невский. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 139 с.
18. Робак, В.А. Понятие незаконного оборота оружия и классификация преступлений / В.А. Робак // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – N 4. – С. 200-204.
19. Савкин, А.В. Контроль за оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в Вооруженных Силах Российской Федерации / А.В. Савкин, Е.М. Лазарев // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней. – М.: Российская криминологическая ассоц., 2006. – С. 166–173.
20. Христюк, А.А. Организованная преступность: современные тенденции и региональные особенности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Христюк. – Иркутск, 2008. – 23 с.
21. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика и ее реализация : лекция / А.В. Шеслер, С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2002. – 36 с.

УДК 343.721

Алексей Андреевич РЫСЁВ,
преподаватель кафедры оперативно-розыскной
деятельности Кузбасского института ФСИН России
(г. Новокузнецк)
alex_rysev@inbox.ru

Адам Мухамедович САУТИЕВ,
начальник кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Санкт-Петербургского университета ФСИН России,
кандидат юридических наук
rf_sng@mail.ru

**АЗАРТНЫЕ ИГРЫ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР,
ВЛИЯЮЩИЙ НА ОПЕРАТИВНУЮ ОБСТАНОВКУ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**GAMBLING AMONG CONVICTS AS A NEGATIVE FACTOR AFFECTING
THE OPERATIONAL SITUATION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS**

В статье рассматривается механизм проведения азартных игр осужденными на территории исправительных учреждений. Противоправная деятельность осужденных по организации и участию в азартных играх рассматривается как негативный фактор, влияющий на оперативную обстановку. В исследовании использовались материалы анкетирования действующих сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России (УИС).

The article discusses the mechanism of gambling by convicts on the territory of correctional institutions. The illegal activity of convicts in organizing and participating in gambling is considered as a negative factor affecting the operational situation. The study used the materials of a survey of current employees of institutions and bodies of the Russian penal enforcement system (UIS).

Ключевые слова: азартные игры на территории исправительных учреждений, оперативно-розыскная деятельность, взаимодействие оперативных подразделений, УИС, территориальный орган, следственный изолятор, подозреваемые, обвиняемые, осужденные.

Keywords: *gambling on the territory of correctional institutions, operational investigative activities, interaction of operational units, criminal investigation department, territorial authority, pre-trial detention center, suspects, accused, convicted.*

В настоящее время политика государства в сфере оперативно-розыскной деятельности наметила одним из важных направлений в борьбе с преступностью противодействие организованным преступным группам. В учреждениях уголовно-исполни-

тельной системы (далее – УИС) существует такое негативное явление, как азартные игры, организуемые лидерами преступной среды, которые парализуют деятельность администрации, негативно влияют на оперативную обстановку, существенно снижают уровень

правопорядка, тем самым препятствуя реализации целей уголовно-исполнительного законодательства, а именно исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Прежде чем рассмотреть организацию и проведение азартных игр на территории исправительных учреждений как фактор, негативно влияющий на оперативную обстановку, необходимо дать понятие оперативной обстановки. В научной литературе различными учеными неоднократно предпринимались попытки определения оперативной обстановки, однако применительно к теме нашей статьи следует выделить точку зрения И.А. Писарева, который под ней понимает совокупность взаимосвязанных объективных факторов среды функционирования исправительного учреждения, способных оказывать отрицательное или положительное воздействие на его деятельность [5]. На наш взгляд, данная позиция является наиболее верной, поскольку такая формулировка представляется наиболее широкой и в то же время подчеркивает основную сущность рассматриваемой дефиниции.

Проблема проведения осужденными азартных игр на территории исправительных учреждений была исследована рядом авторов. Так, О.В. Пронина рассмотрела азартные игры как фактор, влияющий на возможность возникновения угроз личной безопасности осужденных в исправительных учреждениях [6; 7]. Эффективной мерой для предотвращения азартных игр на территории исправительных учреждений автор посчитала внесение дополнений в ст. 116 УИК РФ в части признания злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы участия в азартных играх [6]. На наш взгляд, безусловно, признание злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания участия в азартных играх – это действенная мера с точки зрения профилактики совершения преступлений и иных правонарушений,

однако стоит добавить, что не только участие должно признаваться таковым, но и организация их проведения также должна наказываться с точки зрения уголовно-исполнительного законодательства самым суровым способом, одним из аргументов этого считаем нужным указать, что во многом целями данной деятельности является развитие запрещенного в Российской Федерации и признанного экстремистским движения «А.У.Е», пропаганда его идей на всей территории России [2; 4] и пополнение так называемого обшака. Кроме того, эта деятельность во многих случаях порождает совершение других преступлений, чаще всего вымогательств, мошенничеств, причинения тяжкого вреда здоровью, побегов из мест лишения свободы или из-под стражи, доведения до самоубийства. Например, 29 апреля 2022 г. в помещении одного из отрядов ФКУ ИК-1 УФСИН России по Ярославской области был обнаружен осужденный без признаков жизни. Причиной суицида послужил долг по итогам карточный игры в отряде¹

При проведении нами анкетирования сотрудников учреждений ГУФСИН России по Кемеровской области, Новосибирской области и УФСИН России по Томской области на вопрос: «Как влияет проведение азартных игр осужденными на территории исправительных учреждений на оперативную обстановку» – 63% респондентов отметили, что азартные игры, являются одной из главных причин совершения в исправительных учреждениях преступлений, 30% опрошенных заявили об увеличении числа поступающих от спецконтингента заявлений о переводе в безопасное место.

Однако привлечение к установленной законом ответственности виновных лиц связаны с рядом проблем, зачастую обусловленных отсутствием знаний сущности и порядка организации проведения азартных игр, поскольку эта достаточно скрытая деятельность лидеров преступной среды.

На основе практического опыта оперативно-режимной деятельности сотрудников

¹ Грозилась жестоко избить? В ИК-1 Ярославля осужденный покончил с собой // Ярославль онлайн. Новости от 30.04.2022. URL: <https://76.ru/>

УИС нами предпринята попытка систематизации принятых в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных понятий для описания организации и проведения азартных игр. Познание особенностей организации и сущности проведения азартных игр позволит своевременно осуществлять профилактику совершения преступлений, а также успешно документировать преступные действия осужденных, что, несомненно, является актуальным запросом для правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

В учреждениях УИС существуют такие категории осужденных, как «смотрящий за учреждением» (это осужденный, которого выбирают, как правило, на сходке группа авторитетных осужденных, к мнению которых основная масса прислушивается, именуется он «смотрящим от братвы»), а также «положенец», который назначается «смотрящим за учреждением» «вором в законе», то есть предполагается, что этот человек выражает его волю и действует от его имени.

Эти лица несут ответственность за пополнение так называемого «воровского обшака» путем сбора денежных средств и иных материальных ценностей, в том числе за счет проведения азартных игр в учреждении. Всякий «положенец» либо «смотрящий», для реализации этой незаконной деятельности, как правило, назначает «смотрящего за игрой» в учреждении, тот, в свою очередь, – в каждом отряде или режимном корпусе (посту следственного изолятора) своего «смотрящего», который несет ответственность перед «положенцем» («смотрящим от братвы») за это направление деятельности. Бывали случаи, когда «воры в законе» сами назначили осужденного «смотрящим за игрой» при наличии в учреждении «положенца», в таком случае по всем возникающим вопросам он мог напрямую обращаться непосредственно к «вору в законе». В остальных случаях такие обращения предполагаются только через «положенца» или «смотрящего за учреждением». Функции так называемого «смотрящего» за игрой мы опишем ниже. Таким образом, наблюдается четкая иерархия в организации такой деятельности, распределение ролей.

Выделяются два вида игры: воровская (она же под интерес) и не воровская.

Воровской принято считать ту игру, в которой участвуют такие категории осужденных, как «мужики» и «блатные», однако в некоторых случаях принимают в игру и «красного». Также в обязательном порядке перед ее началом участниками должно быть озвучено, что это игра «воровская». Допускается игра между «красными» и «мужиками». Возможна и игра между «обиженным» и «мужиком», однако такая игра не приветствуется основной массой осужденных, категорически запрещается игра с «обиженным» за одним столом, для этого может быть использована кровать или другие предметы.

Не воровская – это игра, участником которой не является «мужик», то есть в ней принимают участие осужденные «красные» и «обиженные».

Существует разновидность игры «не под интерес». В рамках воровского уклада данный вид не почетен, является редким, однако допускается для обучения менее опытных осужденных в проведении игры. В каждом таком случае это обязательно перед началом игры должно быть озвучено и проинформирован «смотрящий за игрой».

«Воровская» игра подразделяется на игру «лобовую» (лоб в лоб, один на один) и «катран».

В «лобовую» игру садятся играть один на один и при ее проведении должен присутствовать «смотрящий» за игрой отряда либо «игровой». «Игровой» – это наиболее опытный в азартных играх осужденный, в честности которого никто не сомневается, он редко проигрывает, а если проигрывает, то всегда отдает долги. Задачей «смотрящего» или «игрового» является ведение так называемой «тачковки» по игре, в которой отражается дата игры, ее участники, какой был потолок, какие суммы выигрыша. Датой расчета «ворами в законе» приняты 15 и 30 число каждого месяца, до 00 часов 00 минут все долги должны быть закрыты, в противном случае человек становится «фуфлыжником» и в массе «мужиков» находиться не может, для других категорий осужденных, таких как

«обиженные» и «красные», данная каста тоже не в почете, и таких старается сторониться основная масса осужденных, поскольку принято считать, что карточный долг – это святое даже в кругу «обиженных».

Отсрочек или аннулирования платежа не предусмотрено. У должника есть возможность отыграться; например если сыграли пятого числа при лимите 100 тысяч и проигрыш составил 10 тысяч, то «плюсовик» (выигравший) не может отказывать до даты расчета должнику в игре в рамках установленного лимита (то есть пока не будут разыграны остальные 90 тысяч). По итогам игры есть две стороны: «плюсовик» – тот, кто остался в выигрыше от игры, и «должник» – осужденный, который обязан до даты расчета расплатиться за проигрыш. После каждой игры «тачковка» передается «смотрящему за игрой» учреждения для хранения и ведения учета. Ответственность за хранение «тачковки» крайне серьезная, она ни в коем случае не должна попасть в руки администрации учреждения. Каждый осужденный, у кого она находится, при появлении сотрудников обязан предпринять все меры по недопущению ее изъятия. Как правило, осужденные в таких случаях проглатывают ее либо прячут в очень надежное место. В случае если осужденный допустил ее изъятие, то с него полагается строго «спросить» и оповестить об этом весь спецконтингент. «Строгий спрос» – это нанесение нескольких ударов по лицу кулаком осужденному любым «порядочным» арестантом либо «смотрящим» в учреждении. Если будет установлено, что это было сделано специально, такого осужденного объявят «гадом» (человек, к которому необходимо относиться с презрением). Если у «смотрящего за игрой» изымут «тачковки», то с него тоже должны спросить и лишить его этого статуса. В данном случае основным детерминантом, определяющим осложнение оперативной обстановки в учреждениях УИС, является закрепление определенных правил поведения, противоречащих действующим режимным требованиям, в соответствии с которыми осужденные должны себя вести.

«Катран» – это групповая «воровская» игра (более 2-х человек), играется на большом столе. В ходе ее проведения участники обеспечиваются сигаретами, чаем, алкогольными напитками, продуктами питания с «котла» (так называемый «общак» учреждения). «Катран» считается почетным видом проведения азартных игр в учреждениях УИС, здесь должен обязательно присутствовать «смотрящий за игрой» учреждения либо «смотрящий за игрой» отряда. В этой игре, как правило, нет потолков (лимита на проигрыш). Проводится она, как правило, не менее четырех раз в месяц. Таким образом, фактором, отрицательно влияющим на оперативную обстановку, является организация канала поступления запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений.

В каждом учреждении «вором в законе», который закреплен за конкретным регионом, а если такового не имеется, то «вором в законе», содержащимся в учреждении УИС данного региона (он именуется «вором в неволе»), устанавливается потолок – лимит на выигрыш от каждой игры. Он может быть максимальный, обычно для «игровых», и минимальный, в зависимости от степени доверия к человеку. Каждый осужденный может повышать свой уровень, как в компьютерных играх, например, после нескольких игр – выиграл или проиграл, но возместил проигрыш, повысил свой стаж, а равно доверие к себе – потолок для него может быть увеличен. Суть лимита с точки зрения воровских убеждений вводится для того, чтобы не создавать по результатам игры «фуфло» – признание арестантом факта отсутствия возможности рассчитаться за долг. Для малоопытных либо тех, кто садится играть впервые в «воровскую игру», устанавливается нижний потолок, однако если человек может доказать, что у него денег много, например продемонстрировать свой банковский счет, потолок ему могут увеличить в разумных пределах с учетом его денежного состояния. «Смотрящим» либо «игровым» в некоторых случаях потолок не устанавливается. В ходе проведенного анкетирования сотрудниками учреждений, подведомствен-

ных территориальным органам Томской, Новосибирской областей, Кемеровской области – Кузбасса, лимиты на выигрыш указаны самые различные; например, в некоторых учреждениях Томской области запрещена игра для новичков более чем на 3000 рублей, в Новосибирской области – 5000 рублей.

Если человек не может рассчитаться по различным обстоятельствам, за него может расплатиться кто-то из других осужденных, по разным мотивам, из сожалений, по дружбе либо из корыстных соображений. Основным видом корыстных побуждений для осужденных, у кого есть возможность помочь расплатиться за долг, является предложение должнику стать его «шнырем». «Шнырь» – это человек кто убирается, делает всякую бытовую работу и т.д. за другого осужденного. «Мужиком» такой арестант уже себя называть не может. При расчете за должника не в корыстных целях его, как правило, ставят «на вид» и распространяют прогон о запрете данному человеку играть и, соответственно, садиться с ним за игру. Поставить «на вид» – собрать основную массу осужденных отряда либо учреждения и при всех за данный проступок его пристыдить. Из этого следует, что проведение азартных игр в учреждении УИС провоцирует осужденных нарушать правила внутреннего распорядка, поскольку некоторые из них используют игру для облегчения условий отбывания наказания. Согласно результатам анкетирования сотрудников ГУФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу, Новосибирской области, УФСИН России по Томской области около 70% осужденных попадает под данную категорию («шнырь») по итогам участия в азартных играх.

Прежде чем перейти к процессу отчисления дохода от игры, необходимо отметить основные обязанности «смотрящего за игрой»:

- контролировать своевременность расчета должников в установленные сроки;

- убедиться, чтобы каждая игра была под контролем «смотрящего за игрой» отряда или «игрового» (сюда же относится обязательность заполнения в каждом случае игры «тачковки»). Если станет известно, что игра прохо-

дила без их ведома, с игроков в обязательном порядке осуществляется «строгий спрос», их объявляют «гадами», а весь выигрыш от такой игры уходит в доход «воровского обшака». Данный факт становится свидетельством в основном тогда, когда после игры образуется должник, который не может отдать долг, ему приходится обращаться к кому-нибудь за помощью. Такая игра презируется в воровском сообществе, поскольку принято, что игроки имели умысел скрыть доход от воровской казны, такой поступок приравнивается к «крысачничеству», следовательно, за это следует самая строгая мера ответственности;

- не допускать увеличения среди осужденных количества так называемых «фуфлыжников». Под этим понимается, что перед началом игры участники должны быть друг в друге уверены, что они смогут рассчитаться за проигрыш. В случае если выяснится, что потенциальный «плюсовик» не принял должных мер в изучении финансовых возможностей своего оппонента, то он в конечном итоге должен будет отдать процент от мнимого выигрыша в доход «воровского обшака». То есть если осужденный (в последующем «плюсовик») сел играть с человеком не зная, но допуская, что он не сможет отдать долг, в таком случае ему придется остаться в минусе, и это повлияет на его авторитет в массе осужденных;

- проведение финансовых ревизий и хранение «тачковок». После каждой даты расчета «смотрящий за игрой» составляет общую «тачковку» за половину месяца и итоговую за месяц, в которой указываются общее количество проведенных игр с разбивкой по разновидностям, то есть «катранов» и «лобовых», количество участвующих, должников и «плюсовиков», общий выигрыш, а также общая сумма ушедшего дохода в «воровскую» казну. С каждого выигрыша устанавливается определенный процент в пользу так называемой «шестой колонки». Таким образом, сколько бы конов ни было сыграно, сколько бы ни было выигравших или проигравших, в плюсе всегда «воровской обшак». Кроме того, если в игре присутствует «красный» или «обижен-

ный» вместе с порядочным, доход от игры все равно идет в «воровской общак». Согласно результатам анкетирования сотрудников исправительных учреждений в значительной части регионов Российской Федерации установлена норма 20% с каждого выигрыша для перечисления в «воровской общак»;

– своевременно перечислять в пользу выигравших их доход, а также удерживать долю в «воровской общак». В учреждениях УИС у «смотрящего» есть два вида банковских счета; первый – «игровой счет», на него перечисляются денежные средства от должников, далее денежные средства удерживаются в размере 20% и перечисляются на счета «плюсовиков», удержанная сумма переводится на второй счет, указанный «вором в законе». Последний банковский счет знают только «положенец» (смотрящий за учреждением) и «смотрящий за игрой» учреждения. Таким образом, можно сделать вывод о тщательной конспирации в ведении бухгалтерии лидерами преступной среды. Кроме того, следует подчеркнуть, что детерминантом, определяющим отрицательное воздействие на оперативную обстановку, является обозначение круга ответственности осужденных, строгое соблюдение которого неразрывно связано с правонарушениями.

Доход от игры не всегда может выражаться в денежном эквиваленте. Порою у участников игры отсутствуют денежные средства, активом в данном случае (о чем в начале игры также должно быть озвучено) могут быть сигареты, чай, продукты питания и другие предметы первой необходимости, которые формируют так называемый «воровской мешок». Он может быть реализован, если в конкретном учреждении УИС территориального органа содержится или отбывает наказание «вор в законе». В таком случае через осужденных, следующих транзитом, он передается непосредственно в то учреждение, где содержится «вор в законе».

Важно понимать функции «смотрящего за игрой», поскольку им не рекомендовано самим быть участниками игр, так как в случае проигрыша будет нанесен серьезный удар их репутации, с малоопытными игры вообще запрещены, это общеизвестный для них факт,

который вытекает из их прямых обязанностей.

Что касается общих правил проведения конкретной игры, «воровским» сообществом признано, что если она названа ее участниками «воровской» (или под интерес), то в ней не может присутствовать обман, правила должны беспрекословно соблюдаться. При условии выявления обманных действий сторон весь выигрыш без всяких вычетов уйдет в доход «воровского обшак», а в отношении участников должен последовать «спрос по жизни». При проведении игр в карты в колоде не должно быть шестерок, поскольку эта цифра является неприемлемой в воровском сообществе.

Важно отметить, что каждому «порядочному», оставшемуся в выигрыше, рекомендуется часть денежных средств выделять на «зонавский общак». Принято считать, что каждый уважающий себя «порядочный» осужденный должен выделять с выигрыша денежные средства или иные материальные ценности на нужды тех, кто содержится в запираемых помещениях (ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, СУОН, карцер), медицинской части и т.д.

Таким образом, зная специфику организации азартных игр осужденными на территории исправительных учреждений, можно эффективно ей противодействовать. Привлечение к уголовной ответственности ее участников по статье 282.3 УК РФ крайне важно для истребления этого негативного явления как на территории исправительных учреждений, так и за ее пределами. Кроме того, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210. 1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии), в отношении фигурантов таких уголовных дел следует давать принципиальную оценку их действий в рамках отдельного состава преступления в рамках ст. 282.3 УК РФ. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Т.Г. Антонова, который рассмотрел борьбу с организацией азартных игр в исправительных учреждениях уголовно-правовыми средствами. По мнению автора, привлечение к уголовной ответственности за организацию азартных игр в учреждениях УИС РФ по ст. 171.2 УК РФ неверно

с точки зрения теории квалификации. В то же время довольно перспективным видится привлечение за такие деяния к уголовной ответственности по ст. 282.3 УК РФ [1].

Таким образом, мы видим, что проведение азартных игр в учреждении УИС – это сложноорганизованная, скрытная деятельность лидеров преступной среды по сбору и распределению материальных средств, направленных на финансирование экстремистских организаций, с целью развития и распространения ее идей в обществе, закре-

пляющая определенные правила поведения, противоречащие действующему законодательству. Азартные игры в исправительных учреждениях, негативно влияя на оперативную обстановку, препятствуют целям уголовно-исполнительного законодательства. Наличие данного явления порождает совершение осужденными преступлений, нарушение установленного режима, создание привилегированных условий отбывания лишения свободы, организацию канала поступления запрещенных предметов.

Библиографический список

1. Антонов, Т.Г. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за организацию азартных игр в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / Т.Г. Антонов // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора Александра Львовича Ременсона – юриста, ученого-пенитенциариста, педагога, основателя Томской школы исправительно-трудового права. – Томск, 2023. – С. 30-33.
2. Витовский, Я.Д. «Игра» в учреждениях УИС как источник финансирования экстремистской организации «А.У.Е.» / Я.Д. Витовский // Марафон знаний : сборник научных трудов по итогам комплекса научных мероприятий. – Новокузнецк, 2023. С. 118-123.
3. Идгрнева, А.А. Теоретико-правовые основания и практические аспекты реализации программы психопрофилактики распространения азартных игр в среде осужденных / А.А. Идгрнева, Е.С. Коваленко // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2022. – N 4(14). – С. 110-118.
4. Лесников, Г.Ю. К вопросу о противодействии деятельности экстремистской организации «А.У.Е.» в исправительных учреждениях / Г.Ю. Лесников, И.С. Фомин // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. Вып. 1. – М., 2022. – С. 24-27.
5. Писарев, И.А. К вопросу о понятии и сущности оперативной обстановки в исправительном учреждении / И.А. Писарев // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – N 3 (25). – С. 53-57.
6. Пронина, О.В. Азартные игры как фактор, влияющий на возможность возникновения угроз личной безопасности осужденных в исправительных учреждениях / О.В. Пронина // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов X Международной научно-практической конференции. – Могилев, 2022. – С. 189-192.
7. Пронина, О.В. Профилактика азартных игр в исправительных учреждениях как способ устранения угрозы для личной безопасности осужденных / О.В. Пронина // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний. – Рязань, 2022. – Т. 2. – С. 1748-1751.

УДК 343.98

Алексей Викторович РЕПИН,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

repinaleksey@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ МАКРОФОТОСЪЕМКИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА МИКРОФОТОСЪЕМКЕ В ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

POSSIBILITIES OF USING CERTAIN METHODS OF MACROPHOTOGRAPHY AS AN ALTERNATIVE TO MICROPHOTOGRAPHY IN FINGERPRINT EXAMINATION

В статье на основе проведенного экспериментального исследования установлены возможности использования методов макрофотосъемки с использованием различных цифровых фотоаппаратов, объективов и удлинительных колец, а также сканирования с высоким разрешением для получения изображения порозджеоскопических признаков папиллярного узора как альтернативного варианта методам микрофотосъемки.

Based on the experimental studies the article establishes the possibility of using macrophotography methods using various digital cameras, lenses and extension rings, as well as high-resolution scanning to obtain images of poroedgescopic features of the papillary pattern as an alternative to microphotography methods.

Ключевые слова: криминалистическая фотография, макрофотосъемка, микрофотосъемка, дактилоскопическая экспертиза, фотосъемка микропризнаков папиллярного узора, макрообъектив, удлинительные кольца.

Keywords: forensic photography, macro photography, micro photography, fingerprint examination, photography of microsignatures of papillary patterns, macro lens, extension rings.

В следственной и экспертно-криминалистической деятельности нередко встречаются ситуации, когда возникает необходимость фотосъемки мелких объектов или следов [5, с. 15]. Дактилоскопическая экспертиза не является исключением, так как в ходе ее производства нередко обнаруживаются (выявляются) фрагментарные следы папиллярных узоров небольших размеров¹. Причины фрагментарного отображения могут быть обусловлены особенностями следовоспринимающей поверхности (локальная за-

грязненность, наличие рифленых частей или каких-либо неровностей и т.д.), особенностями механизма следообразования (смазывание в момент следового контакта, наложение следов и т.д.), условиями сохранения следовой информации до момента ее выявления и т.д.

Сам по себе фрагментарный след в силу ограниченных размеров нередко малоинформативен и признается непригодным для проведения идентификационного исследования. Однако в случае отображения в следе микропризнаков папиллярных линий в

¹ В криминалистике такие следы в зависимости от размера именуется макро- или микроследами.

последующем возможно проведение порождеоскопического исследования в рамках дактилоскопической экспертизы. В подобной ситуации перед экспертом встает проблема сохранения микропризнаков на всех этапах работы со следом.

Следовая информация (даже после успешного выявления) может быть утрачена как в процессе перекопирования следа на следокопировальные материалы (дактилоскопические пленки, клейкие ленты), так и в процессе последующего хранения следокопировальных материалов («растекание» липкого слоя клейкой ленты и т.д.). Идеальный вариант для эксперта-дактилоскописта – это изъятие объекта (или его части) со следом в натуре. Однако это далеко не всегда возможно из-за громоздкости объектов-следоносителей или по иным причинам¹. Выход из подобной ситуации – фотографирование следа с использованием правил крупномасштабной фотосъемки (макрофотосъемки) или микрофотосъемки.

Макрофотосъемка предполагает использование микроскопа для получения изображения и, следовательно, может применяться только в лабораторных условиях. Если же фотосъемку необходимо проводить в «полевых» условиях в ходе следственного осмотра, то единственным выходом остается только макрофотосъемка.

Метод макрофотосъемки был разработан еще во времена существования пленочной фотографии, и сам термин «макро-» означал использование объектива, воспроизводившего на негативе стандартным размером 24x36 мм 35-миллиметровой фотопленки изображение снимаемого объекта в натуральную величину. При этом подавляющее число авторов отмечают, что макрофотосъемка применяется для фотографирования объектов в масштабе от 1:10 до 20:1 [6, с. 226; 7, с. 66]. Данное суждение применимо в полной мере к пленочной фотографии, которая в настоящее время уже фактически нигде в пра-

воохранительных органах не используется. Т.В. Яровенко справедливо отмечает, что «в цифровой фотографии не существует такого понятия, как «негатив стандартного размера», поэтому все изменения на макроскопическом уровне не имеют смысла» [7, с. 67]. Следовательно, диапазон масштабирования на макроуровне не должен ограничиваться 20:1².

Современная цифровая фотоаппаратура позволяет реализовывать макрофотосъемку следующими способами:

- включение режима «Макро» на беззеркальных фотоаппаратах;
- использование реверсивного макроадаптера;
- использование реверсивного кольца;
- использование удлинительного кольца или комбинации колец;
- использование макрообъектива.

Рассмотрим сущность каждого способа.

1. Включение режима «Макро». Как правило, данный режим имеется у большинства компактных беззеркальных фотоаппаратов с несъемным объективом. Главным преимуществом данного способа является его простота. В подавляющем большинстве случаев унифицированные криминалистические чемоданы комплектуются именно компактными фотоаппаратами, и для проведения макрофотосъемки достаточно лишь одного нажатия кнопки для включения режима «Макро». Недостатком данного способа является относительно невысокое качество получаемых изображений ввиду конструктивных особенностей самой фотокамеры (небольшая по размеру матрица, посредственная оптика объектива).

2. Использование реверсивного макроадаптера предполагает снятие объектива, установку макроадаптера на место установки светофильтра и подсоединение адаптера к корпусу фотокамеры. Другими словами, макроадаптер позволяет присоединить объектив к фотокамере задом наперед, что увеличивает фокусное расстояние и позволяет осуществлять макросъемку.

1 О современных проблемах, связанных с изъятием объектов в ходе осмотра места происшествия [подр.: 1, с. 57; 2, с. 263].

2 Диапазон масштабирования увеличивается с развитием техники. Современные электронные микроскопы позволяют увеличивать изображение до 2 млн раз [подр.: 3, с. 50].

3. Использование реверсивного кольца. При такой стыковке реверсивное кольцо позволяет соединить два объектива в одно целое. Реверсивное кольцо вкручивается в резьбу для светофильтров объективов, после этого полученная связка присоединяется к камере. Получается, что один объектив работает на камере в обычном своем положении, а второй объектив работает в реверсивном положении, так как присоединен к первому задом наперед. Второй объектив является своего рода макролинзой для первого объектива, установленного на камеру. Обычно в качестве объектива, который работает в обычном режиме, используют длиннофокусный объектив, а в качестве второго объектива-насадки используют светосильный короткофокусный объектив.

4. Использование удлинительного кольца или комбинации колец. Так же как с использованием реверсивного макроадаптера, удлинительные кольца позволяют увеличивать фокусное расстояние. Масштаб фотосъемки с удлинительными кольцами определяется по формуле: $M=h/f$, где M – масштаб съемки, h – высота удлинительного кольца или их комбинации, f – фокусное расстояние объектива. В отличие от второго и третьего способов, где полученное в результате использования реверсивного адаптера или кольца фокусное расстояние является фиксированным, в случае использования удлинительных колец возможно изменение фокусного расстояния за счет изменения комбинации самих колец.

Достоинством использования реверсивного адаптера, реверсивного кольца или удлинительных колец является то, что при такой связке можно добиться очень большого увеличения изображения. Недостатком является необходимость подбора как адаптера, так и колец с учетом диаметра и посадочной резьбы под светофильтры, способа крепления объектива к фотокамере (резьбовое соединение или байонет), а также нераспространенность указанных приспособлений в техническом оснащении следственных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел.

5. Использование макрообъектива. Макрообъектив – это специально разработанная конструкция, в которой основным и самым главным параметром является величина выдвижения линзового блока, влияющего на масштаб получаемого изображения. Достоинством использования макрообъектива является сохранение качества изображения во всем диапазоне увеличений (разрешающая способность, цветопередача и т.д.). Недостатком является высокая стоимость объектива и комплектование им только специализированных криминалистических чемоданов и сумок.

Независимо от выбранного способа макросъемка всегда предполагает изменение величины масштаба снимаемого изображения в сторону его увеличения, что, в свою очередь, влияет на резкость получаемого изображения, разрешение деталей. Качественного изображения можно добиться только при съемке со штатива или иного упора, достаточном освещении объекта, правильно выбранной экспозиции и точной фокусировке.

С целью выяснения возможностей современной цифровой фототехники для реализации целей и задач макрофотосъемки нами проведен эксперимент.

Суть эксперимента – фотосъемка папиллярного узора с использованием различных способов макрофотографии, с последующим 40-кратным увеличением изображения и оценка возможности использования полученного изображения для проведения порождеоскопического исследования в рамках дактилоскопической экспертизы.

Цель эксперимента – установить возможность получения изображения микропризнаков папиллярных линий способами макрофотографии, не уступающими по качеству микрофотографии.

Используемая техника:

компактный цифровой фотоаппарат с несъемным объективом Canon PowerShot G 9 (матрица CCD (кроп-фактор 4,55) разрешение 12,4 млн пикселей);

цифровой зеркальный фотоаппарат Canon EOS 500 D (матрица APS-C 22,3

Ч 14,9 мм. (кроп-фактор 1,6) разрешение 4752 Ч 3168 (15,1 млн пикселей);

цифровой зеркальный фотоаппарат Canon EOS 5 D (матрица 35,8 x 23,9 мм разрешение 4368 Ч 2912 (12,7 млн пикселей);

макрообъектив Canon MP-E 65mm f/2.8 1-5x Macro Photo;

удлинительные кольца Kenko с объективом Canon EF 50mm f/1.8. В нашем эксперименте применялась комбинация из трех удлинительных колец (12 мм, 20 мм, 36 мм) общей длиной 68 мм и объектив с фиксированным фокусным расстоянием 50 мм. Следовательно, масштаб изображения составил $\times 1,36$.

Для сравнения нами проведена:

микрофотосъемка папиллярного узора с использованием стереоскопического панкратического микроскопа МСП-1 и системой визуализации (камерой) ТСА-3.0С (матрица 3 Мрх1, 1/2" CMOS);

получено изображение с использованием сканера HPScanjet G 3110 с разрешением 4800 DPI;

проведена фотосъемка бюджетным смартфоном HONOR 10i (тройная фотокамера 24+8+2 млн пикселей).

Условия эксперимента: освещение двустороннее рассеянное; на всех камерах ISO 200, съемка с приоритетом диафрагмы (на Canon PowerShot G 9 f/4, на Canon EOS 500 D и Canon EOS 5 D f/5), сохранение исходного изображения в формат RAW с последующей конвертацией в графическом редакторе в формат JPEG с минимальной компрессией без обрезки и какой-либо дополнительной обработки.

Для наглядности на иллюстрациях представлены изображения папиллярного узора с разной кратностью увеличения от $\times 1$ до $\times 5$ (в случаях, где использовался макрообъектив), а также увеличенное в 40 крат изображение фрагмента узора, вырезанное с иллюстраций с максимальной кратностью для наглядности сохранения или потери качества прорисовки мелких деталей папиллярных линий, поро- и эджеоскопических признаков.

Результаты проведенного эксперимента позволяют констатировать следующее.

Использование специализированного макрообъектива с цифровыми зеркальными фотокамерами (как полноматричными (рис. 1, 3), так и с кроп-фактором 1,6 (рис. 2, 4)), а также использование макроколец (рис. 5-6) позволяют получать изображение папиллярного узора с качественной передачей поро- и эджеоскопических признаков. Увеличение в последующем кратности до $\times 40$ посредством обрезки изображения в графическом редакторе не оказывает существенного влияния на качество. Полученные иллюстрации позволяют работать с микропризнаками папиллярного узора и могут быть использованы в дактилоскопической экспертизе как альтернатива микрофотосъемке (рис. 9).

Использование компактного цифрового фотоаппарата (рис. 7) позволяет получать качественное макроизображение следа папиллярного узора. Однако последующее увеличение кратности до $\times 40$ посредством обрезки изображения в графическом редакторе негативно влияет на качество и не может рассматриваться как альтернатива микрофотосъемки.

Сканирование изображения (рис. 8), даже с высоким разрешением, а также фотосъемка на смартфон (рис. 10) с последующим увеличением изображения в графическом редакторе не позволяют получать изображение микропризнаков папиллярного узора надлежащего качества. Следует согласиться с А.В. Малыхиным и Е.А. Малыхиной, что «вопрос цифровой фотографии в контексте криминалистики следует рассматривать в плоскости отбора качественной фототехники, способной удовлетворить потребности судебной практики» [4, с. 107]. Поэтому на сегодняшний день сканеры и смартфоны, несмотря на доступность, далеко не во всех случаях могут заменить качественную фототехнику.

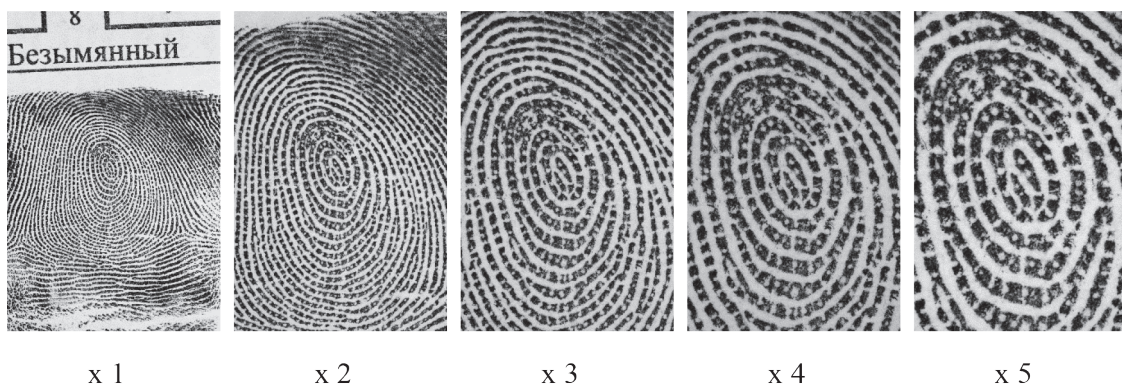

Рис. 1. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon EOS 5 D с макрообъективом Canon Photo Lens MP-E 65 mm f/2.8 и изменением кратности от 1 до 5.

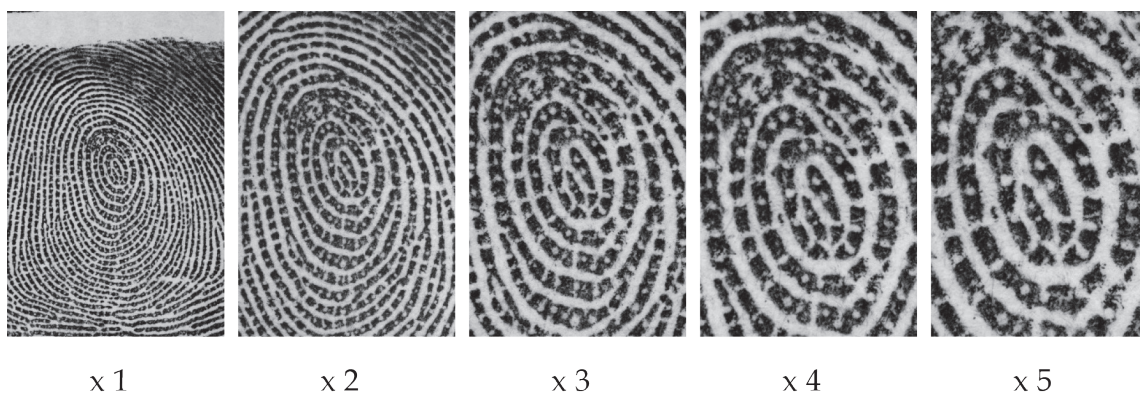

Рис. 2. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon EOS 500 D с макрообъективом Canon Photo Lens MP-E 65 mm f/2.8 и изменением кратности от 1 до 5.

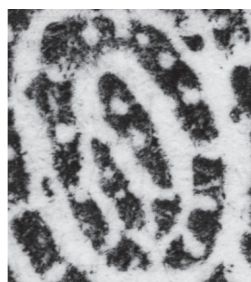

Рис. 3. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon EOS 5 D с макрообъективом Canon Photo Lens MP-E 65 mm f/2.8 и в последующем увеличенное в графическом редакторе до кратности x 40

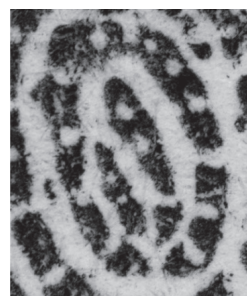
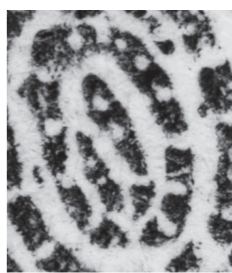

Рис. 4. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon EOS 500 D с макрообъективом Canon Photo Lens MP-E 65 mm f/2.8 и в последующем увеличенное в графическом редакторе до кратности x 40

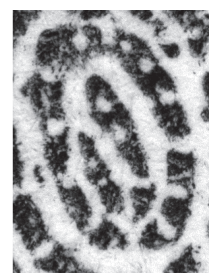
Изображение без
обрезки

Изображение с
увеличением
кратности до x 40

Изображение без
обрезки

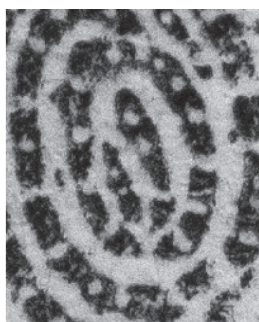
Изображение с
увеличением
кратности до x 40

Рис. 5. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon EOS 5 D с тремя удлинительными кольцами Kenko и объективом Canon EF 50mm f/1.8

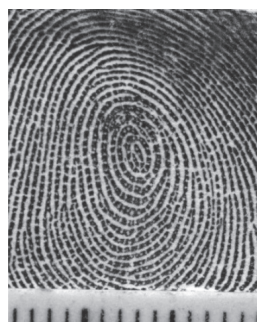
Рис. 6. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon EOS 500 D с тремя удлинительными кольцами Kenko и объективом Canon EF 50mm f/1.8

Изображение без
обрезки

Изображение с
увеличением
кратности до x 40

Изображение без
обрезки

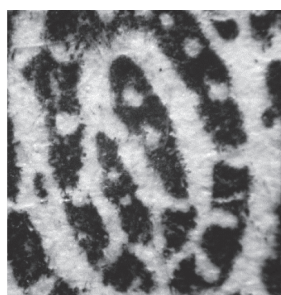
Изображение с
увеличением
кратности до x 40

Рис. 7. Изображение следа, полученное с использованием фотоаппарата Canon PowerShot G 9 в режиме «Макро»

Рис. 8. Изображение следа, полученное с использованием сканера HPScanjet G 3110 с разрешением 4800 DPI

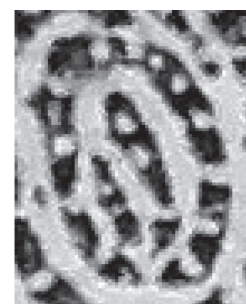
Изображение без
обрезки

Изображение с
увеличением кратности
до x 40

Изображение без
обрезки

Изображение с
увеличением
кратности до x 40

Рис. 9. Изображение следа, полученное с использованием микроскопа МСП-1 и системой визуализации

Рис. 10. Изображение следа, полученное с использованием смартфона HONOR 10i.

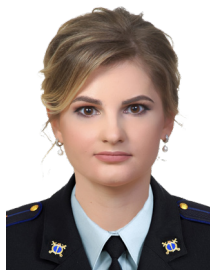

Библиографический список

1. Варавко, Ю.В. Фотоизображение места происшествия как объект информационно-аналитической деятельности следователя / Ю.В. Варавко // Судебная экспертиза Белоруссии. – 2020. – N 2. – С. 54-59.
2. Звягин, И.С. О некоторых проблемах криминалистического обеспечения осмотра места происшествия / И.С. Звягин, Д.С. Звягин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – N 2. – С. 262-266.
3. Иванов, А.В. Вопросы терминологии, используемой в современной криминалистической фотографии / А.В. Иванов // Общество и право. – 2023. – N 2. – С. 49-52.
4. Малыхин, А.В. Цифровая фотография как эффективный способ современного технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений / А.В. Малыхин, Е.А. Малыхина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – N 1. – С. 102-107.
5. Петухов, М.Ю. Выбор оборудования для судебной макро- и микрофотосъемки дефектов автомобильных компонентов / М.Ю. Петухов // Транспорт. Транспортные сооружения. Экология. – 2023. – N 2. – С. 14-27.
6. Судебная фотография : учебник / под ред. А.Г. Егорова. – СПб.: Питер, 2005.
7. Яровенко, Т.В. Современное состояние использования цифровой фотографии в криминалистике: монография / Т.В. Яровенко. – М.: Юрлитинформ, 2011.

УДК 343.2

Елена Николаевна КУРИЛОВА,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук
Alkut_91@mail.ru

Николай Борисович КУТЕРГИН,

профессор кафедры физического воспитания и спорта Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова,
кандидат педагогических наук, профессор
kutergin-nb@rambler.ruu

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

PROBLEM ISSUES OF BRINING TO CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD IN THE FIELD OF ELECTRONIC PAYMENT

В статье рассматриваются способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа. Опыт формирования уголовного законодательства в России иллюстрирует, что понимание мошенничества как уголовной категории видоизменялось не раз. Данное обстоятельство обусловило появление определенных практических и доктринальных вопросов, некоторые из которых не разрешены до сих пор. Актуальность выбранной темы исследования также усиливается вследствие недостаточной проработанности уголовно-правовых норм, регламентирующих мошенничество как форму хищения. Авторы аргументируют необходимость признания потерпевшими от такого вида преступлений кредитных организаций, а не физических лиц, от чьего имени оформлены кредитные обязательства, предлагают измененную редакцию статьи 159.3 УК РФ.

The article considers ways of committing fraud using electronic means of payment. The experience of forming criminal legislation in Russia illustrates that the understanding of fraud as a criminal category has been modified more than once. This circumstance has stipulated the emergence of certain practical and doctrinal issues, some of which have not yet been resolved. The topicality of the theme under research is strengthened in consideration of insufficient development of criminal and legal norms regulating fraud as a form of embezzlement. The authors argue the necessity to recognize credit organizations as victims of this type of crime rather than individuals on behalf of whose loan obligations are issued; the modified Article 159.3 of the Criminal Code of the RF is proposed.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, кредитные организации, потерпевшее лицо, хищение.

Keywords: fraud, electronic means of payment, credit organizations, victim, embezzlement, center, suspects, accused, convicted.

Банковская система – одна из основных звеньев финансово-кредитной составляющей Российской Федерации. Именно поэтому она является объектом, который привлекает мошенников. Этот факт подрывает авторитет банковских учреждений как финансовых посредников, гарантирующих сохранение и накопление средств клиентов: населения, государства и субъектов хозяйствования. В современном мире способы мошенничества меняются, количество схем хищения денежных средств увеличивается. Информационные технологии преобразовывают жизнь человека и в то же время модифицируют способы совершения преступлений. Банковская сфера не является исключением. Распространение информационных технологий в ней имеет как положительные (упрощение банковских операций), так и негативные последствия (распространение мошеннических действий).

Мы придерживаемся мнения, что под мошенничеством понимается введение в заблуждение (обман, ложь, обещание, данное без какого-либо намерения его выполнения, простое замалчивание, другие мошеннические меры и т.п.) и завладение через это чужим имуществом (правом на имущество). Для мошенничества основным предметом преступления выступают денежные средства.

Финансовое мошенничество накладывает отпечаток на работу банковского учреждения, что связано с возникновением угроз, рисков и др. Для банковских учреждений такое мошенничество имеет ряд негативных последствий, в том числе нарушение операционной деятельности, прямые финансовые убытки, наложение санкций, уплата штрафов, а при условии повторения – потеря банковских лицензий и банкротство. Но данный перечень не является исчерпывающим и указывает не только на финансовые потери. В то время как реальная цена [4, с. 129] вышеуказанных преступных действий – это потеря доверия клиентов и репутации, расторгнутые коммерческие предложения, потеря доли банковско-

го рынка и перспектив. Банковские платежные системы, имеющие слабую защиту, могут терять клиентов, поскольку они могут стать объектами мошенничества. Привлечение широких слоев населения к осуществлению безналичных операций и возможность получения ими убытков превращает банковское мошенничество не только в проблему банков, но и в социальную проблему.

Безналичные платежи быстро набрали обороты [7, с. 867], что послужило развитию платежной инфраструктуры и возникновению новых видов преступлений. В связи с этим Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Под электронным средством платежа понимается «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств»¹.

В современной глобализированной экономике развитие системы безналичных платежей способствует увеличению объемов потребления различных финансовых продуктов. Хищения, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, связываются со следующими ключевыми признаками: введение в заблуждение (обман, ложь, обещание, данное без какого-либо намерения его выполнения, простое замалчивание, другие мошеннические меры и т.п.) и завладение через это чужим имуществом (правом на имущество) с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.

Отдельные квалифицирующие признаки мошенничества являются сквозными для всех норм уголовного законодательства Российской Федерации. Речь идет о соучастии в со-

1 О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2023), ст. 3 п. 19 // СПС «КонсультантПлюс».

вершении мошенничества, множественности совершения мошенничеств и других имущественных преступлений, общественно опасных последствиях и способах совершения мошенничеств (в том числе и с использованием электронных средств платежа). Выделяют также отдельные квалифицированные признаки мошенничества, такие как влияние на вещи первой необходимости, совершение путем подделки подписи, манипуляции с электронными документами, влияние на активы и т.п.

Операции с платежными картами являются основой функционирования мировой банковской системы, учитывая инновационную платежную функцию денег. Мошенничество как специфический вид деятельности с платежными картами имеет значительное негативное влияние на экономику любой страны мира.

Согласно статистическим данным МВД России, в 2021 году были зарегистрированы 32 627 преступлений против собственности, из них 26 396 – мошенничества, в том числе и с электронными средствами платежа, что составило около 80%. За 2022 год из 32 478 зарегистрированных преступлений против собственности мошенничества составили 27 055 преступлений¹, т.е. более 83%. Как видим, доля мошенничеств составляет подавляющее количество среди преступлений против собственности, к тому же при снижении количества зарегистрированных преступлений против собственности наблюдается рост мошенничеств.

Так, по данным судебной статистики Российской Федерации, в 2021 году по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ были осуждены 135 лиц, по ч. 2 ст. 159 – 232, по ч. 3 ст. 159.3 – 8, по ч. 4 ст. 159.3 – 5 человек. В 2022 году по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ были осуждены 37 лиц, по ч. 2 ст. 159.3 – 61, по ч. 3 ст. 159.3 – 14, по ч. 4 ст. 159.3 – 1 человек². Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, уменьшилось, однако снижения преступности не произошло.

Правоохранительные органы проводят с клиентами банков профилактические беседы о мошенничествах, банковские сотрудники предупреждают о нераспространении информации по электронным счетам в ходе телефонных разговоров, однако жертвы все равно попадают под воздействие мошенников.

Так, в сентябре 2023 г. УМВД России по г. Белгороду обратилась гражданка Б. с заявлением о том, что ей на сотовый телефон с абонентского номера оператора связи IP-телефонии звонил неизвестный, который, представившись сотрудником финансового учреждения, введя в заблуждение заявительницу, под предлогом пресечения попытки подозрительных транзакций и перевода финансовых активов на безопасный банковский счет обманным путем завладел денежными средствами в сумме 1 009 000 рублей, которые она самостоятельно перевела на счет неустановленного лица.

Платежные и банковские карты следует считать электронными платежными средствами. Определяющую роль для наличия состава преступления имеют потери материального характера, которые претерпевает собственник или держатель банковской карты.

Приведем пример мошенничества, совершенного дистанционным способом. В дежурную часть УМВД России по г. Белгороду обратился М. с заявлением о том, что в период с 10.08.2023 по 13.09.2023 неустановленные лица с использованием сети Интернет, введя в заблуждение заявителя, под предлогом получения дополнительного дохода от инвестиций на финансовой бирже «известного банка Т.» мошенническим путем завладели денежными средствами в сумме 1 292 085 рублей, которые он самостоятельно перевел на счета данным неустановленным лицам.

Наибольшее количество случаев банковских хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, осуществляются с использованием методов социальной инженерии, реализу-

1 Состояние преступности в России за 2021-2022 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.11.2023).

2 Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 22.11.2023).

емых среди Card-Not-Present, т.е. без наличия карты и физического присутствия пользователя. Злоумышленники получают данные банковской карты и идентификационные данные клиентов. Мошенники используют фишинг (отправка мошеннических электронных писем, предположительно исходящих от законных компаний, с целью хищения личных данных, таких как банковские реквизиты и пароли) и преекстинг, сутью которых является «выманивание» данных платежных карт клиентов, получение доступа к счетам и хищение средств.

Необходимо отметить, что хищения с использованием электронных средств платежа – это преступления, которые в большинстве совершаются повторно, превращаются в конкретную преступную деятельность и имеют широкий круг лиц. Данные лица могут как являться участниками мошенничества, так и не осознавать, что имеют какую-либо роль в преступлении. Это связано с тем, что мошенники чаще всего не связывают себя непосредственно с деньгами, которые похищают. Эти средства на промежуточном этапе поступают на счета вышеуказанных лиц и лишь потом мошенники завладевают ими. Оказывая влияние путем обмана, преступники действуют так, чтобы лицо не отдавало себе отчета и не могло проинформировать посторонних лиц, в результате чего происходит потеря денежных средств [1, с. 136].

Хищения, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ставят актуальный вопрос установления потерпевшего по уголовным делам, где предметом хищения являются кредитные денежные средства, полученные физическими лицами путем оформления кредитов в банке. В таких преступлениях именно банк выступает жертвой мошеннических действий или инструментом в руках злоумышленников.

Так, злоумышленники звонят гражданам и под предлогом предотвращения несанкционированного доступа к банковским счетам со стороны третьих лиц, предлагают потерпевшим устанавливать на телефоны различные программы, которые предоставляют возмож-

ность удаленного управления мобильными приложениями банков, позволяющими в том числе оформлять заявки на получение кредита, в дальнейшем переводить кредитные денежные средства на различные банковские счета, к которым лица, совершающие преступление, имеют доступ.

Так, в ОП-1 УМВД России по г. Белгороду обратился Т., который пояснил, что в период с 10 час. по 12 час. неустановленное лицо, представившись сотрудником банка, под предлогом перевода денежных средств на безопасный банковский счет мошенническим путем завладело денежными средствами в сумме 721 000 рублей (кредит).

В таких ситуациях гражданин, от имени которого заключен кредитный договор, не знает о его существовании, получение заемных денежных средств и дальнейшее распоряжение ими происходит без его участия. Преступление совершается в отношении денежных средств кредитной организации, сотрудники которой введены в заблуждение относительно личности заемщика и его осведомленности о происходящем, действия мошенников направлены на хищение денежных средств кредитора [2, с. 108], а не лица, на которого оформлены кредитные обязательства, не выполняющего никаких действий по получению денежных средств и их дальнейшей передаче. На наш взгляд, в данном случае потерпевшим должна быть признана кредитная организация.

Зачастую лица, совершившие преступление, осуществляют звонки гражданам и общаются о необходимости для сохранности денежных средств, находящихся на принадлежащих им банковских счетах, заключать кредитные договоры [3, с. 108]. Такие действия граждане выполняют как с использованием мобильных приложений банков, так и при посещении отделений банков.

Злоумышленниками добросовестные граждане вводятся в заблуждение, в момент заключения кредитного договора полагают, что действуют в целях сохранения своих денежных средств, не понимают существенные условия договора кредитования, сообщают

банковским работникам о необходимости кредитных денежных средств, фактически не нуждаясь в них. Зачастую кредитные денежные средства выдаются населению, не способному вернуть долг.

Так, в дежурную часть ОМВД по Белгородскому району обратился О. с заявлением о том, что неустановленное лицо, представляясь сотрудником финансового учреждения, под предлогом предотвращения несанкционированного списания денежных средств убедило его установить на мобильный телефон приложение «Поддержка В.», после чего через программу удаленного доступа совершило оформление кредита в сумме 2 870 000 рублей.

Изучением возбужденных уголовных дел установлено, что банками принимались решения о выдаче денежных средств по заключенным кредитным договорам, по которым сумма платежа значительно превышала ежемесячный доход клиента банка.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами считаем, что потерпевшими в данном случае должны признаваться кредитные организации, т.к. физические лица находятся под воздействием обмана и хищение денежных средств происходит без их фактического участия.

Практика установления невозможности физическими лицами осознавать реальные последствия своих действий существует в виде проведения психолого-психиатрических экспертиз в ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГСУ ГУ МВД России по Кемеровской области.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹ необходимо более подробно расписать пассивный обман сотрудников торговой, кредитной или иной организации, который заключается в несанкционированном доступе злоумышленников к личным данным для оформления заявок на получение креди-

та, чтобы в дальнейшем переводить полученные денежные средства в пользование лиц, совершающих преступление.

В связи с изложенным считаем необходимым изложить ст. 159.3 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 159.3 УК РФ. Мошенничество с использованием электронных средств платежа

Мошенничество с использованием электронных средств платежа, то есть хищение денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием владельца имущества, работника торговой, кредитной или иной организации ...».

Указание на хищение денежных средств путем обмана представителя организации раскрывается с позиции на кого направлено воздействие на завладение кредитными денежными средствами, полученными путем оформления кредитов в банке.

Считаем необходимым использовать положительный опыт проведения психолого-психиатрических экспертиз в территориальных подразделениях для констатирования наличия порока воли у потерпевшего физического лица при совершении юридически значимых действий, а также установления обстоятельств совершения сделок под влиянием обмана, когда граждане вслепую используются мошенниками для хищения денежных средств конкретного банка, который фактически является потерпевшим.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» правила квалификации мошенничеств с использованием электронных средств платежа на основании предложенной нами редакции ст. 159.3 УК РФ, что позволит разграничить конкурирующие составы преступлений, а также привлечь виновных лиц к установленной законом ответственности в зависимости от степени и характера общественной опасности деяния.

1 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Вирясова, Н.В. Разграничение основного состава мошенничества от мошенничества при получении выплат / Н.В. Вирясова, М.М. Гурин // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве : сборник научных статей по итогам работы четвертого международного круглого стола. – М., 2019. – С. 135-136.
2. Гречишников, В.А. К вопросу о цене преступности. На примере мошенничества с использованием электронных средств платежа, статья 159.3 УК РФ / В.А. Гречишников // Государственная служба и кадры. – 2020. – N 1. – С. 108-110.
3. Дидидзе, М.А. Критерии разграничения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности от иных видов мошенничества / М.А. Дидидзе // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – N 4. – С. 106-110.
4. Каякина, Д.Н. Проблемы разграничения мошенничества при получении выплат с другими специальными составами мошенничества / Д.Н. Каякина // Юридический факт. – 2020. – N 120. – С. 127-130.
5. Клименко, А.К. Разграничение «электронной кражи» и «электронного мошенничества» между собой и «информационного мошенничества» с общеуголовными составами последних / А.К. Клименко // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : материалы VI Тихоокеанского юридического форума. – Владивосток, 2021. – С. 248-252.
6. Репетий, Е.О. Способы мошенничества в интернете. методы распознавания интернет-мошенничества / Е.О. Репетий // Научный аспект. – 2023. – Т. 15. – N 4. – С. 1917-1923.
7. Степанова, К.В. О соотношении наказания за мошенничество и мошенничество в сфере компьютерной информации / К.В. Степанова, А.С. Федоров // Аллея науки. – 2018. – Т. 3. – N 6 (22). – С. 865-868.
8. Шавалеев, Б.Э. Особенности мошенничества с использованием электронных средств платежа в структуре современной российской преступности / Б.Э. Шавалеев // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2020. – N 1. – С. 36-39.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.575

Екатерина Николаевна БАРХАТОВА,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России
(г. Иркутск),

кандидат юридических наук, доцент

ekaterinabarhatova1997@gmail.com

ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОУГРОЗЕ

PRIORITIES OF MODERN CRIMINAL POLICY IN COUNTERING THE DRUG THREAT

В статье анализируется состояние наркоситуации и наркопреступности, описываются принимаемые профилактические меры, обозначается необходимость совершенствования методов и средств предупреждения наркопреступлений; в контексте противодействия наркоугрозе анализируются нормы уголовного закона о конфискации имущества и об уклонении от административного надзора, а также нормы федерального закона по вопросам административного надзора за лицами, отбывшими наказание; предлагаются изменения, ориентированные на предупреждение преступной деятельности.

The article analyses the state of drug situation and drug crime, describes the preventive measures taken, indicates the need to improve methods and means of drug crime prevention; in the context of countering the drug threat the norms of criminal law on confiscation of property and evasion of administrative supervision as well as the norms of the Federal Law on administrative supervision over persons who have served their sentences are analyzed; changes aimed at preventing criminal activity are suggested.

Ключевые слова: наркопреступность, профилактика, административный надзор, конфискации имущества, сбыт наркотиков.

Keywords: *drug crime, prevention, administrative supervision, confiscation of property, drug sale.*

Статистические данные о преступности, связанной с распространением наркотиков, а также об уровне наркозависимости свидетельствуют о необходимости совершенствования средств противодействия, в том числе уголовно-правового. В

выступлении на коллегии МВД России, посвященном противодействию незаконному обороту наркотиков, министр внутренних дел В.А. Колокольцев указал, что число наркопотребителей снижается, при этом увеличиваются суммы легализованных наркодоходов

и объемы изъятых веществ¹. Так, за девять месяцев 2023 г. зарегистрированы 147476 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что на 8,8% больше, чем за аналогичный период 2022 г. Особую тревогу вызывает тот факт, что 78,3% от указанного количества зарегистрированных преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких, и это число, в свою очередь, также превышает показатель аналогичного периода 2022 г. Среди незаконных действий с наркотиками лидирующую позицию занимает их сбыт (65,6% от общего количества зарегистрированных преступлений)². Согласно данным Государственного антинаркотического комитета, отмечается негативная тенденция к увеличению числа наркопотребителей. Так, по итогам анализа за 2022 г. общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, зарегистрированных наркологической службой Российской Федерации, составило 391,7 тыс. (+0,8% по сравнению с 2021 г.). Число пациентов, у которых впервые в жизни установлен диагноз «синдром зависимости», составило 14,0 тыс. (+0,5% по сравнению с 2021 г.)³.

В рамках профилактической деятельности, направленной, в первую очередь, на снижение спроса на наркотики и сокращение числа наркопотребителей, правоохранительными органами проводятся оперативно-профилактические мероприятия («Дети России», «Сообщи, где торгуют смертью», «Призывник»), пропагандистские мероприятия и акции («Неделя правовых знаний», «Дети без наркотиков»), конкурсы («Спасем жизнь вместе»). Роскомнадзор проводит семинары и встречи с представителями средств массовой информации с целью недопущения освещения способов, методов изготовления наркотиков, мест приобретения наркотиков.

Укрепляется международное антинаркотическое сотрудничество. С учетом положений Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. N 733, совершенствуется антинаркотическое законодательство.

Вместе с тем, учитывая сложившуюся ситуацию, принимаемыми мерами не удается существенно понизить уровень наркотизации населения и количество наркопреступлений. Представляется, что должен быть выработан комплексный подход к решению проблемы противодействия наркоугрозе, включающий меры правового, организационного плана, вопросы межведомственного и международного сотрудничества, надлежащий надзор и контроль. Об этом свидетельствуют и результаты научных исследований [4, с. 35].

Сохраняющийся значительный уровень наркотизации населения страны продолжает представлять серьезную угрозу национальной безопасности России, что диктует необходимость дальнейшего развития комплексной и многоуровневой системы антинаркотической профилактики и оптимизации методов противодействия незаконному обороту наркотиков.

Уголовная политика в сфере противодействия наркоугрозе сегодня идет по пути ужесточения уголовно-правового воздействия на лиц, занимающихся наркобизнесом. Однако острой проблемой продолжает оставаться легализация (отмывание) преступных доходов наркобизнеса. Часто перемещение денег, полученных за наркотики продавцами, не удается отследить. Особенно это актуально ввиду распространенных на сегодняшний день расчетов за наркотики через криптовалюту. Так, за девять месяцев 2023 г. выявлены всего 759 фактов легализации преступных доходов (и это доходы от различных престу-

1 Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное незаконному обороту наркотиков. URL: <https://мвд.рф/news/item/44419992?year=2023&month=11&day=28&ysclid=lpj3kyjtoy33997861> (дата обращения: 29.11.2023).

2 Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 27.11.2023).

3 Выдержка из доклада Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 году. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4905796> (дата обращения: 27.11.2023).

плений, а не только связанных с незаконным оборотом наркотиков)¹.

Справедливо отмечал А.В. Чернов, что Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устранил препятствия для возбуждения уголовных дел по факту отмывания преступных доходов, приравняв криптовалюту к имуществу при рассмотрении вопроса о наличии признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ [7, с. 293]. Несмотря на предоставленную законом возможность придания соответствующего статуса криптовалюте для возбуждения уголовного дела и последующего его расследования, технически сложно отследить движение денег и доказать, что они вообще были переданы покупателем и получены продавцом. При этом общественная опасность незаконного оборота наркотиков обусловлена возможностью использования средств, полученных от реализации одной партии наркотика, для дальнейшего финансирования наркобизнеса. Поэтому лишение наркосбытчика его дохода должно стать первоочередной предупредительной мерой. Полагаем, что уголовно-правовыми средствами этого можно достичь с помощью института конфискации имущества. Справедливо отмечает Н.С. Железняк: «Действительно, если наркотики производят и реализуют для получения дохода, необходимо сформировать правовую систему, при которой любые ценности (деньги, имущество) лица, криминальная деятельность которого доказана в установленном законом порядке, изымались бы в доход государства, если указанное лицо не сможет доказать, что эти ценности приобретены им законным путем» [2, с. 50]. Такой же позиции придерживается С.В. Габеев, указывая, что исключение из системы наказаний конфискации имущества и образование правового вакуума в части изъятия преступно нажитых доходов и противодействия легализации доходов от незаконного оборота

наркотиков явилось одним из главных недостатков Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [1, с. 4]. Сегодня законодателем предусмотрена возможность применения конфискации имущества к наркосбытчикам. Однако предмет конфискации не всегда может быть установлен (возвращаясь к случаям расчетов и последующей легализации через криптовалюту). Учитывая данный факт, считаем целесообразным внести изменения в статью 104.1 УК РФ, дополнив ее пунктом «е» в следующей редакции: «денег, ценностей и иного имущества, принадлежащего на законных основаниях лицу, совершившему незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт растений, содержащих наркотические или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, в случае невозможности установления факта передачи денег, ценностей и иного имущества за указанный сбыт».

Такое изменение обязывает правоприменителя использовать ресурс конфискации имущества в любом случае за все наркопреступления. Полагаем, относительно нашего утверждения уместной будет критика, аргументированная фактическим отсутствием презумпции невиновности, недоказанностью корыстной цели сбыта, нарушением конституционных прав и свобод человека применением к нему конфискации фактически как дополнительного (если не основного) наказания. В этой связи необходимо подчеркнуть, что целью такой конфискации является не воздействие на наркосбытчика для его исправления или восстановления социальной справедливости, а обеспечение невозможности или затруднительности продолжения преступной деятельности, то есть в контексте

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 27.11.2023).

нашего предложения конфискация имущества – сугубо мера обеспечительная, нежели карательная. Так, житель г. Петропавловска-Камчатского осужден за сбыт наркотических средств, поскольку передал наркотик третьему лицу в благодарность за предоставленную одежду¹. Данному гражданину было назначено наказание, однако конфискация имущества применена не была ввиду того, что он не извлек материальной выгоды из сбыта. С точки зрения действующего законодательства (ст. 104.1 УК РФ) позиция суда неоспорима, но с точки зрения эффективности противодействия наркобизнесу не совсем верна. Полагаем, несмотря на то, что данный гражданин сбыл наркотик разово, это обстоятельство создало прецедент. Лицо, приобретающее наркотик для личного потребления, пришло к выводу о том, что можно использовать его и как средство расчета, а это уже другой уровень общественной опасности. Приведенное нами выше изменение позволило бы сократить (пусть и не в большом масштабе) число фактов сбыта, по крайней мере, со стороны «относительно добросовестных» потребителей.

Нельзя не заметить, что при существовании нормы в современной редакции конфискация имущества применяется к наркосбытчикам довольно редко. Так, за первое полугодие 2023 г. данная мера применена в отношении 2291 лица из 35119 (или 6,5%), осужденных по всем составам преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков или нарушением правил обращения с ними². Представляется, что данный профилактический ресурс либо используется судами неэффективно, либо существуют препятствия к его эффективному использованию.

В случаях же, когда доказано, что наркосбытчик реализовал наркотики за оплату, но не удалось доказать источник происхождения денежных средств, или место их нахождения,

или факт того, что они преобразованы в другое имущество, суды вынуждены не применять конфискацию имущества или отменять предыдущие решения, что с точки зрения предупредительной деятельности представляется недопустимым. Показателен в этом отношении приговор в отношении М., сбывшей наркотики и получившей прибыль в сумме около 200 тысяч рублей, в котором суд применил конфискацию имущества. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в части применения конфискации имущества отменила, указав, что в описательно-мотивировочной части приговора не приведены мотивы, по которым суд пришел к выводу о том, что денежные средства, изъятые у М., получены в результате совершенных преступлений³.

Отметим еще одно обстоятельство, которое свидетельствует в пользу профилактической роли конфискации имущества. Так, В.В. Макарова указывает, что в отдельных регионах имела место практика конфискации имущества не на основании обвинительного приговора, а при вынесении постановлений (определений) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям [5, с. 395]. Несмотря на то, что подобная практика является неправомерной в условиях современной редакции нормы о конфискации, внедрение ее представляется целесообразным (при условии внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Следующий аспект, на который следует обратить внимание в рамках антинаркотической уголовной политики – административный надзор за лицами, отбывшими наказание за наркопреступления, и уголовная ответственность за уклонение от такого надзора.

Во-первых, позволим себе не согласиться с положением Федерального закона от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административ-

1 Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда N 1-99/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8nx5YDd2QqLw/?ysclid=lpqkl98gor511367032> (дата обращения: 27.11.2023).

2 Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за первое полугодие 2023 года. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 27.11.2023).

3 Приговор Дорогомилловского районного суда г. Москвы от 15.02.2016 в отношении М. URL: <https://web.archive.org/web/20220127162228/https://mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij> (дата обращения: 27.11.2023).

ном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» в части обязательного установления надзора в отношении наркосбытчиков только при условии признания его злостным нарушителем в период отбывания наказания или совершения им после освобождения при наличии непогашенной судимости административных правонарушений в определенных законом сферах. Полагаем, что административный надзор в отношении лиц, совершивших наркопреступления (как сбытчиков, так и других категорий), должен устанавливаться в обязательном порядке и должен быть направлен на разобщение связей данных лиц со сферой наркопреступности. В связи с изложенным считаем необходимым внести изменения в статью 3 вышеуказанного Федерального закона, дополнив пункт 3 части 2 указанной статьи указанием на статьи 228-230, 231-233 УК РФ.

Кроме того, анализируя ст. 4 Федерального закона «Об административном надзоре», можно прийти к выводу о недостаточности предложенных в ней средств воздействия, если речь идет о поднадзорных, ранее совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Полагаем, ключевой профилактической составляющей должен стать разрыв прежних антисоциальных связей (т.е. связей с лицами, употребляющими наркотики либо реализующими их). Такого же мнения придерживаются А.В. Жильцов и Н.С. Железняк, указывающие, что в качестве мер воздействия на поднадзорных лиц, ранее совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, необходимо установить запрет контактов с лицами занимающимися преступной деятельностью в сфере незаконного оборота наркотиков, запрет на употребление одурманивающих, наркотических, психоактивных веществ, запрет на владение инструментами, оборудованием и сырьем, с помощью которого и из которого можно приготовить наркотические средства и психотропные вещества [3, с. 139].

Возникает справедливый вопрос о том, каким образом будет осуществляться контроль за соблюдением запрета на соответствующие контакты. Представляется, что только с по-

мощью технических средств аудио- и видеозаписи. Интересующиеся сведения можно почерпнуть также в опросах очевидцев, членов семьи, третьих лиц, однако подобные сведения не всегда просто получить и подтвердить их достоверность. Проводить постоянное «живое» наблюдение за поднадзорным невозможно ввиду объективных причин, связанных с необходимостью для сотрудников органов внутренних дел выполнять и иные служебные обязанности.

Статья 314.1 УК РФ, по нашему мнению, также нуждается в корректировке. Так, часть 2 данной статьи предусматривает привлечение к уголовной ответственности только в случае, если лицо неоднократно нарушило запрет, возложенный на него судом, и при этом два раза привлекалось к административной ответственности за перечисленные в диспозиции ст. 314.1 УК РФ виды правонарушений. При таких условиях привлечение лица к уголовной ответственности практически невозможно, однако запреты оно нарушает регулярно и продление срока административного надзора его совсем не тревожит. Согласимся с Э.Л. Сидоренко в том, что постановление по делу об административном правонарушении в случае его обжалования может вступить в силу только после вступления в силу решения по жалобе, в связи с чем лицо, фактически совершившее в течение установленного в статьях Особенной части УК РФ срока два и более административных правонарушения, «не успевает» быть дважды привлеченным к административной ответственности [6, с. 62].

Согласно данным судебной статистики, в 2022 г. за уклонение от административного надзора по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ осуждены 5151 лицо из 9903, соответственно, 4752 лица осуждены по ч. 1 указанной статьи. При этом, по данным Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России, ежегодно под административным надзором состоят более 100 тысяч лиц, на которых составляются в среднем 250 тысяч протоколов по фактам

совершения административных правонарушений¹. Полагаем, что факт отсутствия административных правонарушений на фоне постоянного нарушения ограничений и запретов не свидетельствует о меньшей степени общественной опасности лица. Так, к примеру, в нарушение запрета лицо, состоящее под административным надзором, так как ранее совершило сбыт наркотических средств, посещает определенное место, где встречается с другими лицами, занимающимися преступной деятельностью. Результатом таких встреч является его участие в преступлении в качестве пособника, или подстрекателя, или даже исполнителя. Поэтому при решении вопроса о наличии или отсутствии признаков объективной стороны уклонения от административного надзора необходимо исходить не из

количества совершаемых нарушений, а из возможных последствий в развитии преступной активности поднадзорного лица. В связи с изложенным полагаем, что из части 2 статьи 314.1 УК РФ следует исключить указание на сопряженность нарушения ограничений и запретов с совершением административных правонарушений.

Полагаем, что предложенные нами направления развития антинаркотического законодательства являются одними из приоритетных в современной уголовной политике, гармонично вписываются в общую концепцию ведущей роли предупреждения преступности и позволяют рассчитывать на повышение эффективности профилактической работы.

1 Данные Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России. URL: <https://мвд.рф/document/10091957> (дата обращения: 28.11.2023).

Библиографический список

1. Габеев, С.В. Усиление ответственности за незаконный оборот наркотиков как основная тенденция изменений законодательства о наркопреступлениях по УК РФ 1996 года / С. В. Габеев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – N 12. – С. 1-5.
2. Железняк, Н.С. О конфискации имущества как одном из ключевых средств противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков / Н.С. Железняк // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования. – Рязань, 2018. – С. 49-55.
3. Жильцов, А.В. К вопросу об особенностях административного надзора за лицами, совершившими преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (административно-правовой и организационный аспекты) / А.В. Жильцов, Н.С. Железняк // Юристь-Правоведь. – 2018. – N 2. – С. 137-145.
4. Криминологическая характеристика и краткосрочные тенденции наркоситуации в регионе ответственности организации договора о коллективной безопасности : аналитический обзор / П.В. Тепляшин, М.Г. Мелихов, Е.С. Пустовойт [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. – 48 с.
5. Макарова, В.В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики / В.В. Макарова // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17. – N 3. – С. 393-400.
6. Сидоренко, Э.Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – N 1. – С. 60-66.
7. Чернов, А.В. Обзор судебной практики по делам о наркопреступлениях: тенденции и противоречия / А. В. Чернов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – N 2. – С. 284-295.

УДК 343.57

Денис Валерьевич ТОКМАНЦЕВ,

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
den_tok@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОСРЕДНИКА В НЕЗАКОННОМ ПРИОБРЕТЕНИИ НАРКОТИКОВ

THE LEGAL ROLE OF AN INTERMEDIARY IN THE ILLEGAL ACQUISITION OF DRUGS

В статье обосновывается вывод о том, что посредничество в незаконном приобретении наркотиков может пониматься в узком и широком смысле и иметь различные формы: пособничество в незаконном приобретении наркотиков (посредничество в узком смысле слова), соисполнительство в незаконном приобретении наркотиков или сбыт наркотиков (посредничество в широком смысле слова). Предлагается при определении юридической роли посредника исходить из того, входят ли его действия в объективную сторону незаконного приобретения наркотиков или ограничены объективной стороной пособничества, являлся ли он с заказчиком совладельцем наркотиков, зависело ли владение наркотиком заказчиком от действий посредника, производил ли он передачу (отчуждение) наркотика заказчику. Аргументируется квалификация как незаконного сбыта наркотиков действий тех посредников, которые фактически участвуют в распространении наркотиков (совершают две последовательные операции – приобретение и отчуждение наркотиков).

The article substantiates the conclusion that mediation in the illegal acquisition of drugs can be understood in a narrow and broad sense and have various forms: complicity in the illegal acquisition of drugs (mediation in the narrow sense of the word), co-execution in the illegal acquisition of drugs or sale of drugs (mediation in the broad sense). When determining the legal role of an intermediary, the author proposes to proceed from whether his actions are included in the objective side of illegal drug acquisition or are limited to the objective side of complicity, whether he was a co-owner of drugs with the customer, whether the possession of the drug by the customer depended on the actions of the intermediary, whether he transferred (alienated) the drug to the customer. The author argues for the qualification of the actions of those intermediaries who actually participate in the distribution of drugs as illegal drug sales (they perform two consecutive operations – the acquisition and alienation of drugs).

Ключевые слова: приобретение, сбыт, наркотические средства, наркотики, соучастие, соисполнительство, пособничество.

Keywords: acquisition, sale, narcotic drugs, drugs, complicity, co-execution, aiding.

С переходом сбыта наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотиков) к бесконтактным способам реализации таких средств и веществ наркопо-

требители все чаще стали прибегать к помощи третьих лиц в приобретении наркотиков. В частности, они стали пользоваться услугами посредников для выполнения онлайн-за-

каза наркотиков, оплаты с использованием электронных средств платежа, получения от сбытчика данных о месте нахождения закладки-тайника с купленным наркотиком, «поднятия» наркотика из такого тайника.

Впервые официально о фигуре «посредника» в незаконном приобретении наркотиков было сказано в «наркотическом» постановлении Пленума Верховного Суда РФ в 2010 г.¹ Высшая судебная инстанция отнесла его к соучастникам, но не уточнила, к какому виду. Как следствие, это вызвало дискуссию в науке уголовного права и неоднозначную трактовку в следственной и судебной практике [напр.: 5].

В 2015 г. это положение из постановления было исключено, как и сам термин «посредник» в незаконном обороте наркотиков. При этом научная полемика о квалификации действий таких лиц не прекратилась, напротив, даже обострилась [7; 14]. По-прежнему открытым является вопрос о том, соисполнительством в приобретении наркотиков, пособничеством в их приобретении или сбытом следует считать действия лица, оказывающего содействие заказчику в незаконном приобретении им наркотиков (далее – посредника-поверенного).

П.С. Яни, В.А. Уланов и другие специалисты считают более верной уголовно-правовую оценку действий посредника-поверенного как пособничества в незаконном приобретении наркотиков [18, с. 134; 15, с. 58-60; 11, с. 63] в связи с тем, что посредник выступает связующим звеном между сбытчиком и покупателем [4, с. 128].

Эта точка зрения согласуется с разъяснениями Президиума Верховного Суда РФ, содержащимися в Обзоре 2012 г., специально посвященном судебной практике по делам о наркопреступлениях². И все же ее точность же вызывает сомнения, прежде всего потому, что описанные в ч. 5 ст. 33 УК РФ действия пособника не отражают характер действий

посредника-поверенного в приобретении наркотиков [2; 12]. На это обращает внимание О.Н. Пикуров, отмечая, что объективная сторона действий посредника-поверенного и пособника не совпадает [13]. Объективная сторона действий первого находится за границами объективной стороны пособничества, так как составляет объективную сторону другого преступления – незаконного сбыта наркотиков [10, с. 37; 16, с. 15,16].

Иную квалификацию предлагает В.Н. Винокуров [3, с. 8] и другие ученые [9, с. 176]. Они считают, что действия посредника-поверенного следует считать соисполнительством в незаконном приобретении наркотиков. Объясняют это тем, что преступный результат для заказчика и посредника является общим, так как действия первого и второго дополняют друг друга – заказчик предоставляет деньги, а посредник приобретает наркотики [3, с. 8]; оба (заказчик и посредник) получают наркотики, один (посредник) временно содержит их при себе, другой (заказчик) получает их во владение [8, с. 47].

Недостаток этой квалификации заключается в том, что, во-первых, обычная передача заказчиком денег с просьбой купить наркотик признается указанными криминалистами его фактическим участием в выполнении объективной стороны незаконного приобретения наркотиков [6, с. 121], во-вторых, посредник признается совладельцем наркотика с заказчиком, что неверно или, по крайней мере, спорно, так как не может считаться выполнением заказчиком объективной стороны данного преступления и приобретение наркотика посредником для их последующей передачи заказчику [1]. В противном случае законность квалификации будет сомнительной, так как заказчик будет привлекаться к ответственности за действия, которые де-факто совершил другой человек – посредник.

В тот момент, когда посредник-поверенный передает наркотики заказчику, он от-

1 Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 N 31

2 Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

чуждает их и, соответственно, прекращает обладать ими. Поэтому он не может считаться совладельцем этого наркотика [16, с. 98].

По мнению А.В. Шеслера [17] и А.К. Анисканова [1] действия посредника-поверенного следует квалифицировать ст. 228 УК РФ как исполнителя незаконного приобретения наркотиков, а не как соисполнителя данного преступления.

Главный недостаток данной квалификации, как справедливо замечает Е.Н. Шевченко, заключается в том, что она отражает только одно действие посредника – незаконное приобретение им наркотика и не учитывает другое его действие – передачу (отчуждение) этого наркотика заказчику [16, с. 99].

Какую же юридическую роль выполняет посредник? Полагаем, что фигура посредника в приобретении многогранна. Он может принимать на себя различные юридические роли – исполнителя сбыта наркотиков, соисполнителя в приобретении наркотиков или пособника в приобретении наркотиков.

Посредничество в форме соисполнительства в незаконном приобретении наркотиков имеет место в тех случаях, когда два или более лица (посредник и заказчик) действуют с единым умыслом на приобретение наркотиков для совместного потребления. Для этого они объединяют свои усилия, дополняют действия друг друга в процессе достижения общего преступного результата в виде приобретения наркотиков, распределяют преступные роли. Например, договариваются, что один из подельников заказывает наркотики и оплачивает их со своего счета, но общими деньгами, а другой забирает наркотики из закладки и доставляет их к месту совместного потребления.

В такой ситуации каждый из подельников совершает действия, которые не просто создают условия для того, чтобы кто-либо из них приобрел наркотики, но и обязательно дополняющие друг друга и входящие в границы объективной стороны незаконного приобретения наркотиков. При этом наркотик является общей совместной «собственностью» обоих покупателей, каждый из них обладает «правом» распорядиться частью наркотика.

О посредничестве в форме пособничества (далее посредничество-пособничество) в незаконном приобретении наркотиков можно говорить применительно к тем ситуациям, когда лицо лишь облегчает процесс незаконного приобретения наркотиков для другого лица, но лично не участвует в выполнении его объективной стороны.

Посредничество-пособничество в незаконном приобретении наркотиков может быть как интеллектуальным, так и физическим. Примером первого является предоставление лицом (посредником) информации о том, у кого, где и (или) каким способом можно незаконно приобрести наркотики, в том числе как их приобрести и оплатить «безопасно» (максимально скрытно, без высокого риска разоблачения правоохранительными органами). При таком пособничестве посредник не становится фактическим держателем наркотиков.

Физическое посредничество-пособничество в незаконном приобретении наркотиков может иметь более разнообразные виды. Оно может выражаться в оказании и других видов помощи наркоприобретателю: в поиске закладки с наркотиком и (или) его извлечении из труднодоступного места, в предоставлении автомобиля для перемещения к тайнику с наркотиком (к месту нахождения закладки) или электронной техники (компьютера, планшета и т.п.) для дистанционного заказа наркотиков, в оплате услуг сотовой связи для связи со сбытчиком и т.п.

Однако чаще всего физическое посредничество-пособничество заключается в том, что виновный (посредник) по просьбе знакомого (покупателя наркотиков) следует к указанному им месту с закладкой таких средств, забирает их из тайника и затем передает их приобретателю. В таких случаях покупатель сам заказывает и оплачивает наркотики, лично получает координаты тайника с наркотиком, но забрать его просит другое лицо (посредника). Последний узнает о месте закладки наркотика лично от заказчика, со сбытчиком он не контактирует.

Выполняя роль «длинной руки» заказчика, физический посредник-пособник, пусть

и временно, но становится фактическим держателем наркотиков и, передавая наркотик заказчику, совершает действия, которые очень тесно граничат с объективной стороной сбыта наркотиков. Поэтому физическое посредничество-пособничество в незаконном приобретении наркотиков необходимо отграничивать от посредничества в форме незаконного сбыта наркотиков.

Посредничество в форме сбыта наркотиков (далее – посредничество-сбыт) имеет место в случаях, когда лицо, желающее приобрести наркотики (заказчик), располагает нужной суммой денег, но не имеет представления о том, где и каким образом можно купить наркотики. Поэтому просит помощи у другого лица (посредника), которое имеет криминальный опыт приобретения наркотиков и обладает необходимой информацией. В обмен за услугу заказчик, как правило, обещает посреднику вознаграждение (деньги, часть наркотики и т.п.). После достижения соглашения с заказчиком посредник приобретает на деньги последнего наркотики, затем забирает его из места, которое укажет сбытчик и передает (сбывает) его заказчику. После этого посредник получает от заказчика обещанное вознаграждение, если оно было условием сделки.

Полагаем, что действия такого посредника необходимо считать незаконным сбытом наркотиков, так как он, передавая наркотики заказчику, отчуждает их, т.е. участвует в их распространении. Чем же он отличается от физического посредника-пособника?

Посредник-сбытчик в отличие от физического посредника-пособника получает информацию о месте закладки с наркотиком от непосредственного сбытчика (первого сбытчика в этой цепочке (заказчик – посредник-сбытчик (второй сбытчик) – непосредственный (первый) сбытчик)). Заказчик в таком случае либо совсем не знает о месте закладки с наркотиком или узнает об этом не от непосредственного (первого) сбытчика, а от посредника (второго сбытчика в этой цепочке). При физическом посредничестве-по-

собничестве заказчик заранее (до обращения к посреднику) знает место закладки с наркотиком, соответственно, уже владеет им, и это владение прямо не зависит от действий посредника. Заказчик может и самостоятельно забрать наркотики из тайника или продолжить их незаконно хранить. При посредничестве-сбыте владение заказчика наркотиком зависит от действий посредника (от того, сообщит ли ему посредник место закладки с наркотиком и выполнит ли он взятые на себя обязательства по передаче этого наркотика). Посредник-сбытчик же становится владельцем наркотиков уже в момент, когда получает их (или сведения о месте нахождения закладки с ними) от непосредственного (первого) сбытчика, так как с этого момента у него появляется фактическая возможность распорядиться ими в своих интересах (обмануть заказчика и лично употребить наркотики или продать их другому лицу). Заказчик, не зная, где находится закладка с наркотиком, не имеет контроля над ним, а значит, не владеет.

Показательной иллюстрацией этому могут быть решения Мурманского областного суда и Верховного Суда РФ по делу в отношении гражданки Е.

Согласно материалам дела Е. откликнулась на телефонную просьбу знакомого (Т.) помочь приобрести наркотики. На денежные средства Т. виновная при помощи терминала и собственного электронного счета оплатила покупку наркотиков и получила на личный телефон сообщение от сбытчика с координатами тайника с закладкой наркотика. Забрав наркотик из тайника, Е. разделила его на две части, одну из которых передала Т., а вторую оставила себе в качестве оплаты за свои услуги.

Областным судом действия Е. были квалифицированы как незаконный сбыт наркотиков. Высшая судебная инстанция оставила решение областного суда без изменений, несмотря на то что осужденная настаивала, что она лишь помогала приобрести наркотики, т.е. являлась не сбытчиком, а пособником в незаконном приобретении наркотиков¹.

1 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.07.2018 по делу N 34-АПУ18-6 // СПС «КонсультантПлюс».

Важное теоретическое и практическое значение имеют аргументы высшей судебной инстанции в пользу квалификации действий Е. как незаконного сбыта наркотиков, т.е. признания ее посредником-сбытчиком.

Во-первых, Верховный Суд РФ сослался на то, что, когда Т. обратился к Е., она хоть и не имела наркотиков при себе в тот момент, но без колебаний приняла его просьбу, так как у нее была точная информация о месте приобретения наркотиков, способах оплаты покупки наркотиков и конспирации этой деятельности, а также получила от сбытчика информацию о том, когда и где можно забрать наркотик из закладки.

Исходя из этого, можно заключить, что лицо, к которому обратились с просьбой помочь приобрести наркотики (посредник), может признаться сбытчиком наркотиков и в тех случаях, когда на момент обращения к нему покупателя у такого лица отсутствовали наркотики.

Другими словами, не обязательно, чтобы у него был «товар» в наличии. Важно, чтобы у такого лица был выход на наркосбытчика и опыт взаимодействия с ним, знания о том, как связаться с наркосбытчиком, как оплатить «товар» (в какой «валюте» и на какой счет) и как получить координаты закладки с наркотиком.

По сути, такой посредник-сбытчик выступает в качестве своего рода «реселлера» в цепочке сбыта наркотиков, лично совершает две операции – первую по покупке наркотиков за счет заказчика, вторую по их передаче (отчуждению) заказчику.

Такой способ сбыта (по типу дропшиппинга) может использоваться посредником-сбытчиком («реселлером») сознательно для того чтобы минимизировать риски его задержания с наркотиком на «кармане» в размере, который может косвенно свидетельствовать о цели его незаконного сбыта. Да и в принципе он менее затратный, так как не требует от посредника собственных финансовых вложений. Главный принцип действий посредника-сбытчика – закупка наркотиков под конкретного клиента (заказчика) и на его деньги и тем самым «затушевание» своей истиной

юридической роли под действия пособника в приобретении наркотиков.

Во-вторых, высшая судебная инстанция указала на то, что заказчик (Т.) обратился к посреднику (Е.) исключительно как к лицу, осведомленному о способах сбыта наркотиков, то есть именно как к источнику приобретения наркотиков. Из этого следует, что источником приобретения, другими словами, сбытчиком наркотиков, следует считать и такого посредника, который хотя и не имеет наркотики, но знает, где и как их приобрести для последующей передачи конкретному клиенту (заказчику).

Обращение к такому осведомленному посреднику за помощью в приобретении наркотиков высшая судебная инстанция приравнивает к обращению к наркосбытчику.

В-третьих, суд обратил внимание на то, что сделка между заказчиком (Т.) и посредником (Е.) носила возмездный характер, так как по ее условиям посредник (Е.) с согласия заказчика (Т.) оставила себе часть приобретенного наркотика.

Действительно, услуги такого посредника-сбытчика, как правило, не бесплатны. В большинстве случаев они носят возмездный характер и направлены на извлечение прямо финансовой, материальной или иной личной выгоды. В рассматриваемом примере выгода виновной заключалась в получении части наркотиков. Она (выгода) может заключаться и в получении денег за счет наценки стоимости наркотиков или в получении услуг неимущественного характера (например, сексуальных услуг). Хотя не исключаем, что посредник-сбытчик может оказать услугу безвозмездно. И это обстоятельство само по себе не должно исключать квалификацию его действий как незаконного сбыта наркотиков.

Таким образом, посредничество в незаконном приобретении наркотиков может пониматься в узком и широком смыслах и иметь различные формы: пособничество в незаконном приобретении наркотиков (посредничество в узком смысле слова), соисполнительство в незаконном приобретении наркотиков или сбыт наркотиков (посредничество в широком смысле слова). Соответственно, по-

средник может выполнять различные юридические роли. При определении юридической роли посредника необходимо исходить из того, входят ли его действия в объективную сторону незаконного приобретения наркотиков или ограничены объективной стороной пособничества, являлся ли он с заказчиком совладельцем наркотиков, зависело ли владе-

ние наркотиком заказчиком от действий посредника, производил ли он передачу (отчуждение) наркотика заказчику. Как незаконный сбыт наркотиков следует квалифицировать действия тех посредников, которые фактически участвуют в распространении наркотиков (совершают две последовательные операции – приобретение и отчуждение наркотиков).

Библиографический список

1. Аниканов, А.К. Квалификация незаконного приобретения наркотического средства для другого лица / А.К. Аниканов // Уголовное право. – 2018. – N 2.
2. Артеменко, Н.В. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ / Н.В. Артеменко, А.М. Минькова // Журнал российского права. – 2004. – N 11. – С. 48-54.
3. Винокуров, В.Н. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. ст. 228, 228.1 УК РФ в свете новой редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» / В.Н. Винокуров // Наркоконтроль. – 2015. – N 4.
4. Витковская, В.С. Отдельные вопросы судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы / В.С. Витковская // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – N 20.
5. Волкова, О.В. Посредничество при сбыте наркотиков: уголовно-правовой аспект / О.В. Волкова, Е.А. Дроздова // Наркоконтроль. – 2020. – N 2.
6. Гарманов, В.М. Критерии отграничения сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов от пособничества в их приобретении / В.М. Гарманов // Научный портал МВД России. – 2008. – N 4.
7. Долгих, Т.Н. Ответственность за распространение наркотических средств и психотропных веществ / Т.Н. Долгих // СПС КонсультантПлюс. 2024.
8. Каленых, А. Незаконный оборот наркотических средств: вопросы квалификации / А. Каленых // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – N 2.
9. Любавина, М.А. Уголовно-правовое противодействие наркотизму: закон, теория, практика / М.А. Любавина. – М., 2021.
10. Мурашов, Н.Ф. О некоторых положениях статьи В.Н. Курченко «Проблемы квалификации сбыта наркотиков: судебное толкование». Доктринальное толкование / Н.Ф. Мурашов // Наркоконтроль. – 2015. – N 2.
11. Мусалева, А.В. Спорные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1 УК РФ / А.В. Мусалева, А.В. Беляков // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – N 2.
12. Ображиев, К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки / К.В. Ображиев // Уголовное право. – 2019. – N 3.
13. Пикуров, О.Н. Трансформация института пособничества в советском и российском уголовном праве / О.Н. Пикуров // Lex russica. – 2018. – N 7.

---

14. Семенова, В.В. Соучастие в виде пособничества при совершении незаконного оборота средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения / В.В. Семенова // Наркоконтроль. – 2023. – N 4.

15. Уланов, В.А. К вопросу о содержании признаков пособничества приобретению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов при отграничении от их сбыта / В.А. Уланов // К 10-летию ФСКН России. Новое законодательство и вопросы правоприменительной практики в борьбе с наркопреступностью : материалы всероссийской научно-практической конференции, 26 ноября 2012 г. – М., 2013. – Часть 1.

16. Шевченко, Е.Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков: проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Шевченко. – М., 2021.

17. Шеслер, А.В. Исполнитель преступления / А.В. Шеслер // Lex russica. – 2016. – N 11.

18. Яни, П.С. Незаконный оборот наркотиков: пособничество в приобретении или сбыт / П.С. Яни // Уголовное право. – 2005. – N 5.

УДК 304.3

**Ольга Альбертовна
БОЙКО,**

доцент кафедры криминологии
и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
mario011@mail.ru

**Сергей Леонидович
ПАНОВ,**

ветеран МВД России (г. Омск),
кандидат юридических наук
spanov1960@mail.ru

**Александр Алексеевич
УРУСОВ,**

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского,
кандидат юридических наук, доцент
knight700@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

ACTIVITY PRINCIPLES OF VOLUNTEER ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF DRUG PREVENTION

В настоящее время среди угроз национальной безопасности страны в сфере охраны здоровья, продолжительности жизни граждан страны немедицинское потребление психоактивных веществ занимает лидирующие позиции в рейтинге самых распространенных и опасных аддикций. Одной из приоритетных задач государственной антинаркотической политики является формирование, стимулирование развития и поддержка деятельности отечественного волонтерского антинаркотического движения. Антинаркотическая деятельность волонтерских объединений должна основываться на соблюдении определенных основополагающих принципах. В статье авторами предпринята попытка раскрытия содержания основополагающих принципов деятельности волонтерских объединений в сфере антинаркотической профилактики.

Currently, non-medical use of psychoactive substances occupies one of the leading positions in the ranking of the most common and dangerous addictions among threats to the national security in the field of health protection and life expectancy of citizens of the country. One of the priorities of the state anti-drug policy is creating, promoting and supporting activities of the national volunteer anti-drug movement. The anti-drug activity of volunteer associations should be based on the observance of certain fundamental principles. In the article, the authors disclose the content of the fundamental principles for the activities of volunteer associations in the field of drug prevention.

Ключевые слова: наркомания, общественные организации, волонтерство (добровольчество), антинаркотическая профилактика, принципы.

Keywords: drug addiction, public organizations, volunteering (volunteering), drug prevention, principles.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается устойчивый рост числа граждан и организаций, участвующих в добровольческой (волонтерской) деятельности, расширяются масштабы реализуемых ими программ и проектов. Развитие волонтерства способствует становлению гражданского общества, служит повышению роли некоммерческих и общественных организаций¹.

Одной из приоритетных задач отечественной антинаркотической политики является формирование условий для вовлечения граждан (в первую очередь молодежи) в антинаркотическую деятельность, в том числе путем создания общественных добровольческих (волонтерских) объединений и организаций, занимающихся первичной профилактикой незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ.

По мнению Е.В. Бесединой, антинаркотические волонтерские объединения – это общественные формирования, деятельность которых направлена на реализацию различных программ и мероприятий по профилактике наркомании через осуществление волонтерской (добровольческой) деятельности [4, с. 12].

Как представляется, волонтерская антинаркотическая деятельность – это добровольная, безвозмездная компетентная работа, направленная на предупреждение незаконного потребления гражданами наркотических средств и психоактивных веществ, а также формирование ценностей здорового образа жизни. Причем результаты социологических исследований уже продолжительное время подтверждают важность волонтерской деятельности в антинаркотической профилактике [6; 7, с. 102; 8, с. 202-203].

В настоящее время в России насчитывается около восьми тысяч ориентированных на антинаркотическую деятельность волонтер-

ских объединений, включающих более четырехсот тысяч человек².

Основные направления волонтерской антинаркотической деятельности³:

- участие в разработке проектов по внесению изменений в действующие нормативные правовые акты антинаркотической направленности;

- разработка предложений по созданию условий для развития и совершенствования волонтерского антинаркотического движения;

- взаимодействие с государственными органами, общественными и коммерческими организациями, осуществляющими деятельность, направленную на профилактику наркомании и других асоциальных явлений, пропаганду здорового образа жизни, по запросам организации и проведения социально значимых мероприятий;

- участие в проведении (подготовке) силовыми структурами различных оперативно-профилактических операций, а также предоставление информации в правоохранительные органы о фактах незаконного оборота наркотиков, ставшей известной в процессе волонтерской деятельности;

- участие в организации и проведении мероприятий (конференций, собраний, семинаров, круглых столов), направленных на профилактику наркомании и других асоциальных явлений, пропаганду здорового образа жизни;

- распространение информации антинаркотической направленности: раздача полиграфии, памяток, буклетов, листовок;

- проведение профилактической (информационно-разъяснительной и агитационно-пропагандистской) работы с лицами, относящимися к так называемой «группе риска»;

- оказание поддержки и помощи наркозависимым лицам, успешно прошедшим про-

1 Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 N 2950-р // Собрание законодательства РФ. 2018. N 53 (часть II), ст. 8791.

2 Карелова Г. Волонтерская помощь в профилактике наркомании приобрела новые формы. URL: <https://karellova.council.gov.ru/Новости/92149> (дата обращения: 23.10.23).

3 Рекомендации для волонтерских антинаркотических движений по организации их работы. URL: <https://kovardici.ru/article/162> (дата обращения: 23.10.23).

граммы реабилитации, в поиске мест обучения, работы;

– пропаганда деятельности антинаркотического волонтерского движения через средства массовой информации (в том числе сети Интернет);

– привлечение единомышленников к участию в профилактической антинаркотической работе, проведение обучающих семинаров, занятий и тренингов по подготовке волонтеров;

– изучение деятельности общественных молодежных волонтерских организаций с целью обобщения и распространения передового опыта работы;

– участие в разработке и реализации антинаркотических проектов и программ с участием государственных структур и общественных формирований.

Волонтерская деятельность не подменяет функции органов государственной власти (местного самоуправления) в сфере противодействия незаконному потреблению наркотических средств и психотропных веществ, а направлена на оказание содействие в реализации этих полномочий¹.

Принципы волонтерской антинаркотической деятельности – руководящие положения, основные правила, установки, регулирующие деятельность добровольческих формирований по противодействию распространению наркомании в обществе. Волонтерская антинаркотическая деятельность должна осуществляться в соответствии с определенными принципами, такими как: законность, гласность, добровольность, безвозмездность, гуманность, нравственность, ответственность, самосовершенствование, конфиденциальность, объективность, целенаправленность, последовательность, многоаспектность, преемственность и рядом других. Далее в статье

раскроем содержание вышеперечисленных принципов антинаркотической деятельности волонтерских формирований.

В соответствии с принципом законности деятельность волонтерских добровольческих формирований на территории Российской Федерации опирается и регулируется на основе разработанной законодательной базы. Государство не вмешивается в деятельность волонтерских формирований, но устанавливает правовые основы их деятельности. Волонтерские объединения в своей деятельности руководствуются Конституцией РФ, федеральными законами, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, международными договорами и иными нормативно-правовыми актами, гарантирующими свободу деятельности общественных объединений и определяющими право граждан на объединение в различные союзы [4, с. 14]. Какими бы благими побуждениями ни руководствовались участники добровольческой деятельности, их противоправные действия не могут быть оправданы. Строгое следование требованиям закона, правилам и нормам, установленным в социуме, – необходимое условие осуществления всякой добровольческой деятельности. Добровольческие формирования, с одной стороны, обязаны неукоснительно выполнять требования законодательства, а с другой – осуществлять необходимые усилия по изучению законодательных нововведений и совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере волонтерской деятельности.

Принцип добровольности заключается в том, что граждане участвуют в волонтерской деятельности по профилактике наркомании не по принуждению, а исключительно по собственной инициативе. Волонтеры обладают свободой выбора в определении целей,

1 Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями и перечня видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями : постановление Правительства РФ от 28.11.2018 N 1425 // Собрание законодательства РФ. 2018. N 49 (часть VI), ст. 7627.

форм, видов, методов и направления добровольческой деятельности. Органы государственной власти не могут принимать решение о принуждении граждан вступать или не вступать в волонтерские добровольческие объединения. Волонтер имеет право выбора того вида деятельности, в котором он компетентен и который считает для себя наиболее интересным. Никто не вправе заставлять волонтера действовать. Добровольчество – это акт доброй воли, и любое принуждение нарушает саму его суть. Добровольческая волонтерская деятельность должна иметь социально полезную направленность и приносить реальную пользу обществу и конкретному получателю (в частности, профилактируемым лицам). Кроме того, граждане могут принимать участие в деятельности волонтерских структур без обязательного оформления условий своего вхождения в организацию [11, с. 205].

Развитие волонтерства основано на *соблюдении прав и свобод граждан* в ходе их участия в добровольческих антинаркотических проектах и инициативах, обеспечении равных условий для осуществления волонтерской деятельности для всех категорий граждан независимо от национальности, пола, возраста, социального положения, вероисповедания и принадлежности к различным социально-профессиональным группам [5, с. 9]. Иностранцы, лица без гражданства, иностранные и международные организации имеют право выступать участниками благотворительной деятельности на территории Российской Федерации в соответствии с отечественным законодательством.

Волонтеры участвуют в антинаркотической профилактической деятельности исключительно на *безвозмездной* основе. По отношению к основной трудовой занятости добровольческая работа имеет дополняющий характер. В отличие от основной трудовой занятости волонтерская работа не должна играть роль источника доходов, быть условием материального благосостояния человека. Время, которое гражданин проработал в качестве добровольца в благотворительной организации, не засчитывается в трудовой и страховой стаж. Добровольческая дея-

тельность может предполагать компенсацию естественных затрат, к числу которых относятся расходы на питание, проживание, проезд и другие виды расходов, так или иначе связанных с выполнением волонтерской работы. Для того чтобы волонтерское движение развивалось, необходимо морально заинтересовать участников, дать им возможность реализовать психологическую потребность быть нужными, ощутить свою полезность в деятельности по антинаркотической профилактике.

Принцип ответственности при осуществлении добровольческой деятельности означает, что волонтер добросовестно выполняет принятые на себя обязательства по выполнению различного рода работ (услуг), понимая свою ответственность перед людьми (в частности, профилактируемыми лицами), которые связывают с ним определенные надежды и ожидания. Волонтер, взявший на себя обязательство выполнить определенную работу, должен целенаправленно доводить ее до логического конца.

Руководствуясь принципом пиетета и гуманности, доброволец в своей деятельности с уважением относится к правам профилактируемых лиц, их установкам, мнениям, моральные нормы, отличным от собственных взглядов. Волонтер не должен осуществлять действия, которые могут оскорбить или унижить честь и достоинство подопечных лиц, а также всячески избегает какой-либо дискриминации граждан, имеющих зависимость от потребления психоактивных веществ. Волонтер в процессе свободного общения должен исходить из принципа создания комфортной психологической обстановки, быть нацеленным на поддержку людей, оказавшихся в сложной ситуации.

Нравственное содержание целей и задач добровольческой волонтерской антинаркотической деятельности придает им общечеловеческую значимость. Ведь, как справедливо отмечает В.А. Сушко, если решение проблем отдельных групп людей не имеет общечеловеческого гуманного значения, не подчинено нравственным и этическим требованиям, то оно не отвечает и целям добровольческой

деятельности [9, с. 44]. Волонтер своим личным примером содействует формированию и распространению в обществе духовно-нравственных и гуманистических ценностей, с уважением относится к личностным и социально-культурным особенностям окружающих его граждан и коллег.

Волонтер в процессе деятельности, следуя принципу вежливости, не должен употреблять ненормативную лексику, проявлять словесную, физическую, поведенческую агрессию в отношении профилактируемых лиц (исключения – угроза жизни, здоровью волонтера или другим лицам). Волонтеру следует проявлять вежливость, доброжелательность и корректность по отношению к подопечным лицам, не допускать навязывания своего мировоззрения, своих религиозных и философских взглядов, своих убеждений, а также уважительно относиться к системе ценностей, особенностям индивидуальности профилактируемых наркозависимых лиц.

Принцип гласности заключается в том, что члены волонтерских объединений имеют право открыто выражать свое согласие или несогласие с позицией и действиями федеральных, региональных и местных органов власти и должностных лиц, иметь собственную, отличную от других, точку зрения на проблему наркомании в обществе и действовать в соответствии со своими взглядами.

В настоящее время в ряде регионов страны существует значительный разрыв между числом граждан, заявляющих о потенциальной готовности участвовать в добровольческой антинаркотической деятельности, и числом людей, реально ее осуществляющих. Это связано, в частности, с недостатком информации о деятельности волонтерских организаций, неразвитостью инфраструктуры поддержки добровольческого дела, слабостью межсекторного и межведомственного взаимодействия по вопросам развития волонтерства на местах.

Деятельность добровольческих объединений по противодействию немедицинскому потреблению психоактивных веществ долж-

на широко освещаться в средствах массовой информации (в частности, в сети Интернет) [10, с. 378]. Волонтерским объединениям на регулярной основе следует предоставлять информацию в СМИ как о готовящихся антинаркотических мероприятиях, так и о полученных результатах такой работы.

В соответствии с принципом конфиденциальности любая информация, полученная волонтером в процессе его деятельности, является доверительной, а поэтому не подлежит намеренному или случайному разглашению. Волонтер не имеет права без согласования с руководителем объединения и, естественно, без разрешения профилактируемых лиц, давать комментарии в СМИ по ставшим ему известным фактам (обстоятельствам), выкладывать доверительную информацию в сети Интернет. Волонтер обязуется не разглашать информацию, признанную организацией конфиденциальной, а также персональные данные членов организации¹. Волонтер своевременно информирует организацию обо всех ставших ему известных обстоятельствах, препятствующих реализации мероприятий, или о причинах, затрудняющих их реализацию.

Принцип компетентности подвигает волонтеров к необходимости постоянного повышения профессиональных знаний (квалификации) в области антинаркотической профилактики. Волонтер должен стремиться обеспечивать и поддерживать высокий уровень компетентности в выполняемой работе (например, по вопросам знания причин наркотизации, методах реабилитации наркозависимых лиц и др.), а также признавать границы своей компетентности и своего опыта. Волонтер должен предоставлять наркозависимым лицам только те услуги, на осуществление которых он имеет соответствующие теоретические знания и практический опыт. Волонтер должен иметь собственную устойчивую позицию неприятия употребления психоактивных веществ и других асоциальных явлений, уметь транслировать и доказывать ее значимость подопечным лицам. Руководству волонтерских формирований следует всяче-

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. N 33. Ст. 3340.

ски содействовать повышению компетенции волонтеров, организуя их участие в образовательных мероприятиях, курсах повышения квалификации, обучающих тренингах внутри и вне организации.

Добровольческая волонтерская деятельность не только оказывает помощь лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, но и способствует личному совершенствованию волонтеров, приобретению ими новых знаний и навыков, проявлению способностей и возможностей, самореализации.

В соответствии с принципом демократического управления деятельность волонтерских объединений осуществляется на основе демократических процедур и взаимного уважения, наличия единых правил и подходов для всех участников добровольческой деятельности. Члены волонтерского объединения, вовлеченные в деятельность организации, информированы о ее задачах, правовых условиях деятельности, источниках финансирования, своих правах и обязанностях. Волонтерские объединения открыты для всех, кто разделяет их цели и задачи, а также готов участвовать в выработке и реализации долгосрочных программ в сфере противодействия распространению наркомании, незаконному потреблению иных психоактивных веществ¹.

Принцип многоаспектности заключается в разнообразии способов (форм) участия волонтеров в проведении мероприятий в сфере антинаркотической профилактики: лекции, беседы; проведение групповых занятий, тренингов, конференций; выпуск плакатов, газет, листовок, буклетов; оформление информационных стендов; проведение массовых акций, выставок, ситуационных игр; изготовление видеороликов; мониторинг (социологические опросы) ситуации в сфере профилактики наркомании и другие.

В соответствии с принципом комплексности и систематичности волонтерская антинаркотическая деятельность осуществляется в согласованном взаимодействии с учреждениями, отвечающими за различные аспекты государственной системы противодействия не-

медицинскому потреблению психоактивных веществ, с участием специалистов различных профессий (воспитатели, преподаватели учебных заведений, психологи, врачи-наркологи, социальные педагоги, работники подразделений по делам несовершеннолетних и др.). Профилактическая работа с лицами, потребляющими психоактивные вещества, аргументированно указывает Н.А. Агеева, должна вестись систематически, а для этого все принимаемые меры должны быть сведены в единую систему, где каждая отдельная мера согласуется с другой (последующей), не противоречит ей, вытекает одна из другой [1, с. 718].

Важным направлением развития добровольческого (волонтерского) движения является реализация принципа «волонтерство через всю жизнь», предусматривающего обеспечение возможностей для участия в добровольческой (волонтерской) деятельности всех возрастных групп населения – молодежи, взрослых людей и лиц старшего возраста.

В соответствии с принципом инновационности волонтерские формирования в своей деятельности постоянно ищут новые идеи и подходы совместно с государственными структурами, общественными благотворительными и некоммерческими организациями, средствами массовой информации и сообществом в целом для повышения эффективности осуществляемых мер в сфере противодействия наркомании и наркопреступности [2, с. 17].

Одним из принципов волонтерской антинаркотической деятельности является преемственность. Данный принцип включает в себя три взаимосвязанных аспекта: во-первых, согласованность (координированность) профилактических мероприятий, проводимых волонтерами; во-вторых, анализ, обобщение и использование уже существующих технологий профилактики наркомании; в-третьих, изучение деятельности отечественных и зарубежных общественных волонтерских организаций с целью обобщения и распространения эффективных практик (опыта) в сфере ан-

1 Стандарт работы организатора добровольческой/волонтерской деятельности / Ассоциация волонтерских центров. М., 2021. 149 с.

тинаркотической профилактики. Указанный принцип дает возможность строить каждый новый этап процесса совершенствования добровольческих навыков с опорой на предыдущий опыт волонтерства в сфере антинаркотической профилактики.

Полагаем, что добровольческая волонтерская деятельность по решению проблемы распространения наркомании в обществе

– это не альтернатива антинаркотической политики государства, а одна из форм по налаживанию взаимодействия активной и равнодушной части населения страны с государственными структурами в целях повышения эффективности осуществляемых мер по противодействию наркотизму в российском обществе.

Библиографический список

1. Агеева, Н.А. Профилактика алкоголизма и наркомании как неотъемлемая часть работы по формированию доминант здорового образа жизни у россиян / Н.А. Агеева // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – N 3 (59). – С. 711-720.
2. Алексеев, Д.Е. Антинаркотическое волонтерское движение / Д.Е. Алексеев, М.Н. Богданов, Р.И. Иваняков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – N 3. – С. 17-19.
3. Багреева, Е.Г. Социокультурные ценности и правовая основа волонтерства / Е.Г. Багреева // Научные горизонты. – 2020. – N 7. – С.12-19.
4. Беседина, Е.В. Волонтерская деятельность против наркомании / Е.В. Беседина // Среднее профессиональное образование. – 2017. – N 5. – С. 12-14.
5. Вакуленко, О.В. Специфика организации волонтерского движения молодежи на уровне субъекта административного управления / О.В. Вакуленко // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2013. – N 52. – С. 9-14.
6. Мнение населения о развитии наркоситуации в субъектах Российской Федерации, расположенных в пределах Сибирского федерального округа (по результатам социологического исследования за 2013 год) : отчет о НИР N 11/5/3/2842 от 08.11.2013 / Д.Д. Невирко, П.В. Тепляшин, С.А. Ступина [и др.]. – Красноярск: ФСКН России, 2014.
7. Невирко, Д.Д. Особенности наркоситуации в субъектах Сибирского федерального округа и основные направления антинаркотической профилактической деятельности в современных условиях (по результатам социологических исследований) / Д.Д. Невирко, П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2014. – N 4 (17). – С. 96-105.
8. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : монография / В.Е. Шинкевич, Е.Н. Бен, Н.В. Лисихина [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
9. Сушко, В.А. Проявление волонтерства в современном российском обществе / В.А. Сушко // Теория и практика общественного развития. – 2017. – N 11. – С. 43-46.
10. Троценко, Л.А. Распространение принципов и практики волонтерства российскими СМИ / Л.А. Троценко, М.Ю. Троценко // Эпоха науки. – 2022. –N 30. – С. 378-381.
11. Фесикова, О.В. Волонтерство как проявление доброй воли / О.В. Фесикова, Ю.В. Полегенько // Научный альманах. – 2019. –N 4/3(54). – С. 204-206.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.98

Юрий Петрович ГАРМАЕВ,

профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ), профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор

garmaeff1@mail.ru

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ И МОДЕРНИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PRIORITIES OF STATE POLICY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT AND MODERNIZATION OF CRIMINALISTIC METHODS OF CRIME INVESTIGATION

В статье актуализируется проблема совершенствования существующих и формирования новых криминалистических методик расследования преступлений. Их необходимо создавать и/или модернизировать с учетом приоритетов государственной политики, изложенных в руководящих документах, таких как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия экономической безопасности Российской Федерации и других. На примере положений из первого документа отмечены четыре стратегических приоритета в борьбе с преступлениями – хищениями бюджетных средств и коррупционными посягательствами. Соответственно, предложены 4 типа приоритета-рекомендаций, которые необходимо внедрить в соответствующие криминалистические методики и практику правоохранительных органов. Речь идет: 1) о приоритете предупреждения преступлений, а не только борьбы с ними, 2) о необходимости выявления совокупностей общественно опасных деяний, поскольку хищения зачастую сопровождаются криминальной коррупцией, 3) о приоритете предупреждения и борьбы с преступлениями, совершаемыми при реализации национальных проектов и гособоронзаказа, 4) о приоритете возмещения ущерба по уголовным делам, своевременного ареста преступных активов.

The problem of improving existing and formation of new forensic methods of crime investigation is being actualized in the article. They need to be created and/or modernized taking into account the priorities of state policy set out in the governing documents, such as the National Security Strategy of the Russian Federation, the Economic Security Strategy of the Russian Federation and others. Using the example of the provisions from the first document, four strategic priorities in the fight against crimes such as embezzlement of budget funds and corruption encroachments are noted. Accordingly, four types of priority recommendations are proposed, which must be implemented in the relevant forensic techniques and practice of law enforcement agencies. They are: 1) on the priority of preventing crimes, and not only combating them, 2) on the need to identify aggregates of socially dangerous acts, since embezzlement is often accompanied by criminal corruption, 3) on the priority of preventing and combating crimes committed during the implementation of national projects and state defense orders, 4) on the priority of compensation for damage in criminal cases, timely arrest of criminal assets.

Ключевые слова: методология криминалистических методик, приоритеты государственной политики, эффективность расследования, хищения бюджетных средств, коррупционные преступления, принципы расследования, направления расследования, защита предпринимателей, незаконное уголовное преследование.

Keywords: *methodology of forensic techniques, priorities of state policy, effectiveness of investigation, embezzlement of budget funds, corruption crimes, principles of investigation, directions of investigation, protection of entrepreneurs, illegal criminal prosecution.*

Вполне очевидно, что наряду с процессом совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства одновременно и самым решительным образом следует модернизировать криминалистические методики расследования отдельных видов и групп преступлений. Необходимо сделать их более эффективными и соответствующими новым вызовам современности. Один из бесспорных критериев такой эффективности – соответствие основным приоритетам государственной политики. Причем не по форме и аннотациям, а по содержанию.

Можно ли утверждать, что многочисленные имеющиеся криминалистические методики расследования отражают в своем содержании основные приоритеты государственной политики? В самом общем виде, без глубокого погружения в предмет положительный ответ напрашивается сам собой. Так, изучая диссертации по криминалистической методике расследования, а это порядка 70% всех докторских диссертаций по криминалистике и не менее половины кандидатских, мы уже во введениях, как правило, находим непрекращаемые по значимости суждения и цитаты.

Например, в докторской диссертации, посвященной методике расследования экологических преступлений, уже на первых страницах и далее в тексте отмечается, что решение задачи по защите природы в современных условиях должно реализоваться в соответствии с Указами Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2015 г.) и «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025

года» (2017 г.), а также постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, изданными во исполнение данных указов [2, с. 5-6].

Во введении к работе, посвященной методологическим основам совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики [5, с. 4], справедливо утверждается, что решение задачи по снижению доли теневого и криминального секторов экономики в современных условиях должно реализоваться в соответствии с Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», а также постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, изданными во исполнение данных указов.

Казалось бы, эти нормативные положения, устанавливая некие стратегические приоритеты государственной политики в соответствующих областях, сферах деятельности, должны найти отражение не только во введениях, но и в текстах, в самом духе проделанной ученым-криминалистом работы и в ее результате – прикладной разработке по криминалистической методике. Цитирование нормативных документов не должно превращаться в пустой ритуал, в традицию оформления официальных докладов и предисловий к научным работам, как это было когда-то в советскую эпоху.

Не столько буква, сколько дух этих положений должен обозначаться красной нитью

любого научного исследования, посвященного прикладным аспектам противодействия преступности. Думается, однако, что пока эти аксиомы не реализуются. В подавляющем большинстве изученных нами работ по криминалистической методике мы не встречаем такого подхода.

Смешно и грустно читать пособия по расследованию, например, коррупционных преступлений, в которых на первой странице дана ссылка на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, а в тексте описаны в основном лишь средства борьбы с незначительными по размерам, единичными фактами взяточничества в среде учителей, врачей и рядовых сотрудников ДПС. И в этом не только и не столько вина авторов пособий. Одна из причин видится в том, что не разработана методология, исследовательская программа использования приоритетов государственной политики в научно-криминалистическом исследовательском процессе.

Задача этой публикации – предложить основы, концепцию такой методологии. Необходимо таким образом использовать нормативные и декларативные положения о приоритетах государственной политики, чтобы сначала ими проникся ученый-разработчик¹, а в результате каждый обучаемый – следователь, оперативный сотрудник, а также студент, любой адресат смог проникнуться духом этих принципиальных положений. Чтобы он:

- мог реализовать их в своей ежедневной профессиональной деятельности,
- не допускал отступлений от этих приоритетов,
- знал меру личной ответственности за такие отступления.

Например, в июле 2021 г. Президентом РФ В.В. Путиным была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»² (далее – Стратегия). Как отмечается в литературе, «это уже пятый

главный доктринальный документ России в сфере национальной безопасности и третий, в названии которого использовано слово «стратегия». В.К. Белозёров верно отмечает, что сфера национальной безопасности и ее обеспечения представляет собой постоянно усложняющийся и расширяющийся, многоаспектный, фактически безбрежный феномен. В силу этого его осмысление требует постоянного внимания со стороны специалистов-практиков и исследователей, постоянной теоретической проработки [1]. Для начала проанализируем некоторые из ключевых таких приоритетов.

Так, в Стратегии отмечается, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной в том числе на решение задач *предупреждения* (здесь и далее курсив мой. – Ю.Г.) и пресечения преступлений *коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием*, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также *возмещения ущерба*, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение. Анализ текста документа применительно, например, к криминалистическим методикам расследования хищений бюджетных средств, нецелевого их расходования и коррупционных преступлений, показывает, что:

1) стратегическим приоритетом следует признать предупреждение, а не только и не столько пресечение хищений бюджетных средств;

2) разработчики Стратегии рассматривают коррупционные преступления и нецелевое использование, хищения бюджетных средств как тесно взаимосвязанную, наибо-

1 Под учеными-разработчиками в заданном контексте следует понимать авторов разнообразных криминалистических методик, авторские коллективы и в особенности – их руководителей, ответственных редакторов учебников, пособий и т.п. Разработкой рекомендаций занимаются также ответственные сотрудники аппаратов следственных и иных правоохранительных органов. Предметом разработки являются не только печатные, но и видео-, аудиоразработки, компьютерные программы, мобильные приложения и т.п.

2 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // СПС «КонсультантПлюс».

лее общественно опасную преступную деятельность;

3) абсолютно верно, что наиболее общественно опасна та преступная расхитительская деятельность, что реализуется в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе (и особенно) – при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа.

4) Стратегия подсказывает правоприменителю, что если уж преступную деятельность не удалось предупредить, то приоритет в борьбе с ней – это возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, а затем уже – повышение уровня ответственности за их совершение.

Как эти четыре пункта могут быть реализованы в соответствующей криминалистической методике? Ниже – наши гипотезы и предложения по перечисленным пунктам. Их можно рассматривать как часть методологической программы исследователя-разработчика.

По п. 1 – приоритету предупреждения – в соответствующих трех криминалистических методиках (либо в объединяющей их разработке) должен быть раздел о принципах расследования коррупционных преступлений и хищений [3; 12, с. 71-72].

Первый такой принцип можно кратко и доступно изложить так: «Следователь, руководитель следственного органа, сделай все возможное, чтобы прежде всего предупредить хищения бюджетных средств!». Традиционно разделы (главы) о профилактике располагаются в конце пособий и учебников, посвященных методикам расследования. Такова некая неписанная традиция. Пусть так, но это должны быть полноценные разделы, наполненные множеством практически выверенных и эффективных рекомендаций по криминалистической профилактике преступлений [4, с. 163-176; 11, с. 170-181].

По п. 2 – уже в первой главе своей методики автор (авторы) должны указать, что они понимают под хищениями бюджетных средств. Изучение реальной криминальной практики (а не только уголовных дел) по-

казывает, что это далеко не только преступления, предусмотренные ст. 159-160 УК РФ и другие хищения. Нужно уведомить, предупредить читателя, что наиболее опасные хищения совершаются в совокупности с коррупционными посягательствами [10]. Криминалистическая характеристика анализируемых преступлений должна содержать типичные способы, следы, обстановку не только собственно хищений (ст. 159-160 УК РФ и др.), но и сопутствующих им коррупционных преступлений (ст. 290-291.2 УК РФ и др.), данные о личности не только типичных расхитителей, но и их соучастников-коррупционеров, сведения о типичных организованных преступных формированиях. Отсюда для следователей и оперативников, а главное – их руководителей, должен быть обозначен приоритет, иначе – основное направление расследования. Это приоритет выявления и пресечения не единичных, а совокупности перечисленных посягательств, совершаемых серийно, а зачастую и организованно.

По п. 3 – в криминалистических методиках должен быть установлен приоритет активного, наступательного раскрытия и расследования, предупреждения коррупционных хищений, реализуемых в органах публичной власти и организациях с государственным участием, особенно при реализации национальных проектов и выполнении государственного оборонного заказа. Криминалистическая характеристика этих преступлений должна быть изложена особенно подробно и наглядно. Среди типичных следственных ситуаций и версий приоритетными должны определяться те, что связаны с возможностью предотвратить или пресечь прежде всего эти преступления. Тактика проведения следственных действий, вопросы назначения экспертиз и т.п. должны быть ориентированы на этот приоритет.

По п. 4. – приоритет возмещения ущерба, причиненного хищениями и криминальной коррупцией, должен быть не только упомянут в принципах методики наряду с иными принципами. Информационный блок «Особенности тактики наложения ареста на имущество и возмещения ущерба», вероятно, мог

бы быть ключевым параграфом методики. В криминалистической же характеристике, кстати, должно быть подробно описано, где и как расхитители и коррупционеры прячут преступно нажитые активы. В разделе о первоначальных следственных действиях, а точнее, даже в рамках доследственной проверки и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) до возбуждения уголовного дела должны быть заложены ОРМ и следственные действия с рекомендациями о скорейшем перехвате и блокировке (аресте) этих активов, включая криптовалюту, о недопустимости вывода активов за рубеж, как это делают наиболее опасные преступники-расхитители и коррупционеры [9].

В типичных следственных ситуациях, когда активы своевременно арестовать не удалось, оперативному сотруднику, следователю и прокурору должны быть предложены советы о том, как в том числе методами компромисса [8, с. 111-129, 179-206] убедить преступников вернуть украденное государству [7, с. 141-148].

Можно выделить и ряд иных направлений совершенствования криминалистических методик в заданном контексте, то есть на основе положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Пожалуй, это предмет более глубокого исследования.

В содержание криминалистической методики также должно быть заложено и некое предупреждение для ее «пользователей». Например, если правоприменитель или целый правоохранительный орган, соответствующее его подразделение:

- игнорирует профилактику хищений бюджетных средств;
- раскрывает и расследует преимущественно единичные хищения, особенно если они мелкие по суммам ущерба и совершаются рядовыми гражданами,
- не выявляет или крайне редко выявляет сопутствующие наиболее опасные хищения, коррупционные преступления;
- причиненный ущерб по уголовным делам не возмещается или возмещается не в полном объеме. В частности, меры по наложению ареста преступно нажитых активов

принимаются несвоевременно, а по остаточному принципу,

то должны следовать так называемые оргвыводы о том, что такой правоприменитель (орган, подразделение) работает не эффективно (недостаточно эффективно), то есть не в соответствии с приоритетами государственной политики.

В криминалистической методике могут и должны быть описаны примеры такого рода неэффективной работы. Они должны быть поданы именно как негативные факты, факты несоблюдения указанных приоритетов, примеры того, как по возможности не надо работать.

Заметим, что предложенная в самом общем виде методологическая, исследовательская программа заведомо неполна. Она направлена на разработку научных положений и прикладных рекомендаций, посвященных реализации стратегических приоритетов, изложенных только в одном документе – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Но ведь таких руководящих документов несколько.

Соответственно, нашу методологическую программу можно и нужно развивать далее. Например, перейдем к еще одному нормативному документу – Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года [6]. В п. 22 документа к числу основных задач по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, обозначено снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, связанных с возможностью использования формальных поводов для ее остановки, а также недопущение избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

В развитие этого и многих иных нормативных положений Президент России, выступая на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума в июне 2022 года, предложил пойти на кардинальный шаг и полностью отменить большинство плановых проверок российских компаний,

работа которых не связана с высоким риском причинения вреда. После введения моратория на проверки количество нарушений снизилось, что говорит о зрелости бизнеса, заметил Президент РФ. По его словам, необходимости проверять всех подряд сейчас нет, должен работать риск-ориентированный подход¹.

Президент России также утвердил перечень поручений по итогам реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. Согласно документу, Правительству РФ совместно с палатами Федерального Собрания, Верховным Судом, Генеральной прокуратурой, Следственным комитетом, МВД России и при участии ведущих деловых объединений предпринимателей с учетом ранее данных поручений необходимо обеспечить внесение в законодательство изменений, направленных на декриминализацию деяний, совершаемых в связи с осуществлением предпринимательской деятельности².

В заданном контексте характерен комментарий научного руководителя департамента социологии НИУ ВШЭ А.Ю. Чепуренко. По его мнению, заявление об отказе от плановых проверок, по сути, означает, что власти наконец решились шире применять риск-ориентированный подход. Но не исключено, что это очередное обещание из серии «пора перестать кошмарить бизнес», исполнение которого потом замотают исполнители, добавил он.

Однако в развитие обозначенного главой государства важного приоритета государственной политики, в частности, введен в действие приказ Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности»³.

Одна из наиболее жестких норм ведомственного нормативного акта звучит как явная угроза – предупреждение об уголовной

ответственности. То есть при установлении признаков уголовно наказуемых деяний, повлекших причинение ущерба предпринимателям и государственным интересам в результате неправомερных действий должностных лиц, в том числе правоохранительных органов, прокурорам надлежит выносить мотивированное постановление о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (п.п. 7 п. 1 приказа).

Итак, идея «перестать кошмарить бизнес» высказана и подтверждена неоднократно и на самом высоко уровне. Она же обеспечена угрозой привлечения к уголовной ответственности врагов предпринимательства на уровне приказа главного надзорного органа.

Однако реализована ли она на дидактико-прикладном уровне – уровне криминалистической методики? Думается, что не в полной мере. Ни в одной публикации монографического характера, пособии, памятке о расследовании хищений, иных экономических и коррупционных преступлений мы не нашли строгих предупреждений в адрес следователей, оперативных сотрудников, иных правоохранителей, описание «красных флажков», за которые не вправе выходить правоприменители в отношении предпринимателей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

А ведь можно и нужно было бы сформулировать:

– типичные следственные ситуации риска незаконного причинения вреда предпринимателям должностными лицами правоохранительных органов;

– типичные ситуации, фабулы дел, точнее, обстоятельств, когда состав преступления и/или полноценная доказательственная база в деянии предпринимателя отсутствуют, даже при наличии отдельных признаков обозначенного состава и отдельных доказательств обвинения;

1 Путин пообещал бизнесу свободу. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/06/17/927240-putin-biznesu-svobodu>. (дата обращения: 10.01.2024).

2 Президент утвердил перечень поручений по итогам реализации Послания Федеральному Собранию. URL: <http://duma.gov.ru/news/56606/>. (дата обращения: 15.01.2024).

3 Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности : приказ Генерального прокурора РФ от 31.08.2023 N 581 // СПС «КонсультантПлюс».

– пути эффективного разрешения этих ситуаций;

– варианты квалификации преступлений правоохранителей;

– негативные примеры привлечения к уголовной ответственности следователей и оперативных сотрудников.

Такого рода рекомендаций в известных нам криминалистических методиках нет. Отчасти поэтому весьма незначительно количество уголовных дел против правоохранителей за деяния, повлекшие причинение ущерба предпринимателям.

В заключение вновь заметим, что предложены лишь отдельные элементы методологической исследовательской программы, направленной на разработку или модернизацию не только упомянутых, но и любых иных криминалистических методик, учитывающей необходимость реализации стратегических государственных приоритетов. Эту программу необходимо уточнять и дополнять, придавать ей системный и комплексный характер.

Недопустима закономерность, когда государство и общество требуют от правоохранительных органов системной работы по противодействию наиболее опасным видам преступной деятельности, соблюдения определенных приоритетов, а в подавляющем большинстве учебников и пособий по криминалистике, криминалистической методике, эти приоритеты в основном игнорируются.

Методология криминалистической методики, конкретные методы-инструменты в руках разработчика прикладных рекомендаций должны быть эффективными, а также краткими и доступными для исследователя. Они должны учитывать, прежде всего, названные приоритеты, а также все современные тенденции криминальной и криминалистической деятельности. И тогда связь теории и практики восстановится в надлежащем качестве, а эффективность противодействия преступной деятельности будет обеспечена на должном уровне.

Библиографический список

1. Белозёров, В.К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации / В.К. Белозёров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 2 (843). – С. 20-35.

2. Васильева, М.А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений : дис. ... докт. юрид. наук / М.А. Васильева. – М., 2022. – 519 с.

3. Гармаев, Ю.П. Специальные принципы расследования коррупционных преступлений / Ю.П. Гармаев, Е.В. Гулина // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конф. / отв. ред. Г.М. Меретуков. – Краснодар : КубГАУ, 2019. – С. 187-193.

4. Гулина, Е.В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Гулина. – Улан-Удэ, 2019. – 230 с.

5. Журавлев, С.Ю. Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики : дис. ... докт. юрид. наук / С.Ю. Журавлев. – Нижний Новгород, 2022. – 520 с.

6. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года / С.С. Серебренников, Е.В. Моргунов, С.М. Мамаев [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28.

7. Поляков, Н.В. Особенности методики расследования незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств : дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Поляков. – Красноярск, 2021. – 241 с.

8. Попова, Е.И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ) / Е.И. Попова ; науч. ред. д.ю.н., проф. Ю.П. Гармаев. – М.: «Юрлитинформ», 2017. – 216 с.
9. Филичев, М.Ю. Предъявление исковых требований о взыскании неосновательного обогащения с граждан – получателей похищенных безналичных денежных средств / М.Ю. Филичев // Законность. – 2023. – N 7. – С. 28-29.
10. Чумаков, А.В. К вопросу об эффективности методики расследования хищений бюджетных средств / А.В. Чумаков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – N 3. – С. 204-208.
11. Чумаков, А.В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Чумаков. – Барнаул, 2018. – 239 с.
12. Шмонин, А.В. Методология криминалистической методики : монография / А.В. Шмонин. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 416 с.

УДК 343.13

Наталья Павловна КИРИЛЛОВА,

профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
kirillova59@mail.ru

Александр Дмитриевич НАЗАРОВ,

профессор кафедры уголовного процесса и крими-
налистики Санкт-Петербургского государственного
университета, заведующий и профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики Сибирского
федерального университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
anazarov61@mail.ru

**ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА
И ПРИМЕНЕНИЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

**PROTECTION OF PROPRIETARY RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS AND APPLICATION OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL
COERCION**

В статье рассматривается механизм защиты имущественных прав потерпевших и иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Акцентируется внимание на дискуссионных вопросах, касающихся заявления и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе. Дается анализ судебной практики, в том числе практики наложения ареста на имущество, предлагаются рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

The article considers the mechanism of protection of proprietary rights of victims and other persons involved in criminal proceedings. Emphasis is placed on discussion issues relating to the application and consideration of civil claim in criminal proceedings. Set of recommendations for improving the criminal procedure legislation provided by the analysis of judicial practice of seizure of property.

Ключевые слова: право собственности, потерпевший, обвиняемый, гражданский иск, наложение ареста на имущество.

Keywords: *proprietary rights, victim, accused person, civil claim, seizure of property.*

В уголовном судопроизводстве одной из важных задач является возмещение ущерба от преступления, который был причинен преступными действиями обвиняемого. Разрешение этого вопроса в определенных случаях происходит в судебном заседании одновременно с рассмотрением уголовного

дела по существу, но ряд процессуальных действий к такому разрешению имущественных вопросов в суде необходимо провести в ходе предварительного расследования уголовного дела.

В процессе осуществления уголовного судопроизводства право собственности мо-

жет быть ограничено. Это касается прежде всего подозреваемых и обвиняемых. Это ограничение имеет целью защиту права собственности и иных имущественных прав потерпевших от совершения преступления [2, с. 564]¹. В уголовном судопроизводстве должен быть соблюден баланс интересов участников процесса, основанный на правильном применении норм, ограничивающих право собственности. Этому вопросу в уголовно-процессуальной науке посвящен ряд научных исследований [3-10].

Как известно, потерпевший осуществляет защиту своих имущественных интересов путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе. Такие исковые требования обеспечиваются применением такой меры уголовно-процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество. Законность, обоснованность и своевременность применения такого ареста способствуют восстановлению нарушенного права потерпевшего.

В соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданским истцом считается лишь лицо, которому вред причинен преступлением непосредственно. Это исключает возможность признания гражданскими истцами в уголовных делах лиц, обратившихся с регрессным требованием о возмещении сумм, выплаченных им потерпевшему или иным лицам в силу закона или договора до рассмотрения уголовного дела (пособия по временной нетрудоспособности, суммы, выплаченные по договорам страхования, перевозки, хранения, охраны и т.д.). К регрессным требованиям относятся и притязания о взыскании с осужденного затрат, понесенных гражданским истцом на похороны лица, погибшего в результате преступления (ст. 1094 ГК РФ), а также средств, затраченных, к примеру, учреждением здравоохранения на лечение потерпевшего.

Определенные трудности при определении статуса гражданского истца на практике вызывают случаи, когда вред причинен имуществу, находившемуся в момент совершения преступления не у его собственника, а у иного законного владельца – арендатора, нани-

мателя, перевозчика, хранителя и т.д. В этой ситуации возникают вопросы: а кто здесь может быть признан гражданским истцом – собственник или титульный владелец имущества? вправе ли они оба быть признаны гражданскими истцами или это может быть лишь кто один из них?

На наш взгляд, гражданский иск в связи с утратой или повреждением имущества в результате преступных действий (иск из причинения вреда) может быть предъявлен лишь собственником имущества, так как именно его имуществу причинен материальный вред (ч. 2 ст. 15 ГК РФ). Титульный же владелец может понести убытки лишь опосредованно – через договорные обязательства перед собственником (если, конечно, законом или договором о предоставлении данного имущества предусмотрено, что риск его гибели несет титульный владелец). Важно также понимать, что титульный владелец непосредственно в результате преступных действий может понести убытки, связанные не с утратой или повреждением имущества, а с дополнительными его расходами на перевозку или охрану поврежденного имущества, аренду или наем другого необходимого ему имущества и т.д., а также с упущенной выгодой. В этой части он также может быть признан гражданским истцом.

Если имущественный вред причинен совместными действиями нескольких лиц, то гражданский истец вправе предъявить исковые требования к обоим. Однако такой иск может быть удовлетворен в уголовном деле в полном объеме лишь при условии, что все эти лица привлечены по данному делу в качестве обвиняемых. В противном случае суд может на основании ч. 2 ст. 1080 ГК РФ возложить на лиц, привлеченных по данному делу в качестве обвиняемых, определенную долю ответственности, а в остальной части оставить иск без рассмотрения. В пределах указанной доли обвиняемые по этому уголовному делу могут отвечать солидарно.

При рассмотрении гражданского иска в уголовном судопроизводстве применимы не только нормы УПК РФ, но и гражданско-про-

¹ Речь идет о специальных мерах процессуального принуждения, применяемых к определенным участникам уголовного процесса.

цессуальные правила, если соответствующие отношения не урегулированы уголовно-процессуальным законодательством. К примеру, ч. 2 ст. 250 УПК РФ дает суду право при неявке в судебное разбирательство гражданского истца или его представителя оставить гражданский иск без рассмотрения. Однако уголовно-процессуальный закон оставляет без ответа вопрос: как должен поступить суд, если отсутствие гражданского истца вызвано тем, что его должным образом не известили о времени и месте судебного заседания, либо он не явился по уважительным причинам. Потерпевший, законный представитель, представитель, а также гражданский истец и его представитель, согласно статьям 42, 44, 45 УПК РФ, вправе принимать участие во всех судебных заседаниях по рассматриваемому делу для защиты своих прав и законных интересов. В этих целях председательствующий обязан известить их о дате, времени и месте судебных заседаний, а при отложении разбирательства дела разъяснить названным лицам право на участие в последующих судебных заседаниях и последствия отказа от использования этого права, что должно быть отражено в протоколе судебного заседания. Неучастие этих лиц в последующих после отложения разбирательства дела судебных заседаниях должно носить добровольный характер.¹

Права и обязанности гражданского истца близки к правам и обязанностям потерпевшего. Вместе с тем некоторые из них требуют дополнительного пояснения. Так, ведя речь о праве гражданского истца давать показания, свидетельствовать против себя и других лиц (п.п. 5, 7 ч. 4 ст. 44 УПК), законодатель признает возможность его допроса. Однако в ч. 2 ст. 74 УПК показания гражданского истца не названы в числе доказательств. Полагаем, что по отношению к общей норме о доказательствах норма о правах и обязанностях в процессе доказывания отдельного участника процесса имеет специальный характер, и потому при толковании ей необходимо отдавать предпочтение. Поэтому показания

гражданского истца следует признавать доказательствами.

Наиболее действенной мерой уголовно-процессуального принуждения, позволяющей защитить имущественные права потерпевшего, гражданского истца, является наложение ареста на имущество обвиняемого. Нарушения уголовно-процессуального закона при применении этой меры может повредить как потерпевшему (например, несвоевременность наложения ареста на имущество), так и обвиняемому и даже иным лицам (когда, например, арест наложен на имущество, не принадлежащее обвиняемому или на имущество, вообще не подлежащее аресту).

Наложение ареста на имущество лишает подозреваемого и обвиняемого права распоряжаться арестованным имуществом, хотя в ряде случаев он может им пользоваться. Законодательством предусмотрены ситуации, когда аресту подлежит имущество не только подозреваемого и обвиняемого, но имущество других лиц, несущих материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной преступной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Арест на имущество может быть обжалован в суд в порядке гражданского судопроизводства заинтересованными лицами по разным основаниям (об ошибочности наложения ареста, неправильном определении стоимостного размера арестованного имущества некоторых случаях, спорные вопросы пользования имуществом по закону и по договору, а также имуществом при процедурах банкротства, об освобождении имущества из-под ареста и др.).

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17, п.12 // Российская газета. 2010. 7 июля. N 147.

В категорию «имущества» входят также денежные средства на банковских счетах, ценные бумаги, имущество и денежные средства, принадлежащие лично бизнесмену (предпринимателю). В ст. 116 УПК РФ предусмотрены особые правила наложения ареста на ценные бумаги, а вот особого регулирования ареста банковских счетов и бизнес-состояния в уголовно-процессуальном законодательстве не имеется. А ведь чтобы подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик не сумел «списать» с себя свои денежные средства в банках, принадлежащие ему деньги и имущество в бизнесе, преследуя цель уйти от ответственности по гражданскому иску, необходимо все эти деньги, имущество своевременно и оперативно выявить в полном объеме, арестовать. На практике в этой ситуации субъекты, ведущие уголовный процесс, руководствуются по аналогии теми же правилами, которые предусмотрены для ареста классического движимого и недвижимого имущества, наличных денег и ценностей, тем более, что и безличных денег в банках на счетах подозреваемого, обвиняемого, его деньги и имущество в бизнесе отвечают всем критериям категории «имущество», хотя при этом приходится учитывать и такие правовые дефиниции, как банковская, коммерческая тайны.

Еще в советское время З.З. Зинатуллин, подчеркивая важность своевременного наложения ареста на имущество, предлагал про-

водить его одновременно с такими неотложными следственными действиями, как обыск и выемка (даже предлагал при этом составлять общий процессуальный документ – протокол обыска (выемки) и наложения ареста на имущество, сопровождая арест на имущества составлением его подробной описи и сохранной расписки) [1, с. 95-99]. С учетом того, что в настоящее время изъятие предметов и вещей (выемка) возможно и до возбуждения уголовного дела на стадии доследственной проверки, то вполне возможно законодателю допустить на этой стадии проведение такого процессуального действия, как наложение ареста на имущество. К сожалению, во многих случаях (особенно по делам о преступлениях экономической направленности) стадия возбуждения уголовного дела длится бесконечно долго и своевременное, оперативное наложение ареста на имущество было бы гарантом возмещения потерпевшему причиненного ему преступлением имущественного вреда.

Таким образом, такое процессуальное действие, как арест имущества (в широком смысле этого понятия), является важной мерой уголовно-процессуального принуждения и гарантией выполнения основного назначения уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Библиографический список

1. Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики) / З.З. Зинатуллин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1981. – 136 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
3. Лившиц, Ю. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе / Ю. Лившиц, А. Тимошенко // Российская юстиция. – 2002. – N 10. – С. 43-45.
4. Новикова, Ю.Г. Гражданский иск в уголовном процессе как правовой институт, имеющий двойственную правовую юридическую природу / Ю.Г. Новикова // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – N 2. – С. 140-146.
5. Сенин, Н.Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением в уголовном процессе : дис. ...канд. юрид. наук / Н.Н. Сенин. – Томск. 2004. – 213 с.

---

6. Смирнова, Е.В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России : дис. ...канд. юрид. наук / Е.В. Смирнова. – Волгоград, 2017. – 280 с.

7. Сушина, Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике / Т.Е. Сушина // Журнал российского права. – 2016. – N 3 (231). – С. 136-147.

8. Тарнавский, О.А. Современное состояние и тенденции развития процессуального статуса гражданского истца в уголовном судопроизводстве / О.А. Тарнавский // Lex Russica (Русский закон). – 2012. – N 5. – С. 992-1001.

9. Тимошенко, В.А. Гражданский иск в уголовном процессе – понятие, правовая природа и особенности реализации / В.А. Тимошенко // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – N 1(42). – С. 209-213.

10. Чурляева И. В. Правовые способы возмещения вреда потерпевшему в результате совершения преступления // Философия права. – 2016. – N 2. – С. 112.

УДК 343.9

Елена Ильинична ПОПОВА,
профессор кафедры криминалистики
Уфимского университета науки и технологий,
доктор юридических наук, доцент
popovaelena03@yandex.ru

Сергей Николаевич САЛИШЕВ,
заместитель директора
Новосибирского юридического института (филиала)
Томского государственного университета
salishev.s.n@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОМОЩНИКА СЛЕДОВАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTION OF PUBLIC ASSISTANT INVESTIGATOR OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF RUSSIA

Институт общественного помощника следователя имеет большое значение в деятельности Следственного комитета Российской Федерации в силу целого ряда причин: подготовка будущих кадров, помощь нынешним следователям и прочее. Авторы обращают внимание на то, что в деятельности как самих общественных помощников, так и их наставников имеется целый ряд проблем. На основе данных интервьюирования этих субъектов обозначаются основные группы проблем, возникающих при реализации института общественных помощников. Обращается внимание на необходимость создания системы научно обоснованных рекомендаций по организации труда общественных помощников, оптимизации их деятельности со следователями-наставниками.

The institution of a public assistant investigator is of great importance in the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation for a number of reasons: training of future personnel, assistance to current investigators, etc. The authors draw attention to the fact that there are a number of problems in the activities of both public assistants themselves and their mentors. Based on the data of interviewing these subjects, the main groups of problems arising from the implementation of the institution of public assistants are identified. Attention is paid to the need to create a system of scientifically based recommendations for organizing the work of public assistants and optimizing their activity with investigator-mentors.

Ключевые слова: общественный помощник, следователь, расследование, кадровая политика, проблемы квалификации, наставничество, профессиональные компетенции, юридическое образование.

Keywords: public assistant, investigator, investigation, personnel policy, qualification problems, mentoring, professional competencies, legal education.

Привлечение общественности к расследованию преступлений трудно переоценить. Одна из позиций целого ряда ученых-криминалистов (Р.С. Белкин, М.А. Берестнев и др.) по этому поводу может

быть выражена словами Е.П. Ищенко. Автор дает следующее определение участию общественности в раскрытии и расследовании преступлений – «это добровольная гласная или негласная, основанная на гражданском

сознании деятельность общественных организаций или отдельных граждан по оказанию помощи правоохранительным органам в раскрытии преступлений, розыске виновных лиц, в выявлении и устранении причин и условий, способствовавших их совершению» [3, с. 504]. В.Т. Томин верно обращает внимание на то, что к «расследованию уголовных дел может и должен быть привлечен любой гражданин, который в состоянии оказать помощь» [5, с. 130]. Безусловно, если к подобного рода деятельности привлекается пусть молодой, но целеустремленный, знающий основы юриспруденции человек, ценность использования его помощи возрастает. Наряду с этим институт общественных помощников является одним из эффективных инструментов получения будущими юристами опыта профессиональной деятельности. Это направление деятельности в Следственном комитете Российской Федерации регулируется одним из приказов руководителя этого ведомства – приказом Следственного комитета Российской Федерации от 4 мая 2011 года N 74 «Об организации работы с общественными помощниками следователя в системе Следственного комитета Российской Федерации» (далее – Приказ от 4 мая 2011 года N 74). К сожалению, в других правоохранительных органах, несмотря на негласное привлечение в качестве общественных помощников студентов юридических факультетов, соответствующие акты нормативного характера до настоящего времени приняты не были, в связи с чем обучающиеся, фактически выполняя функции общественных помощников, соответствующего официального статуса не имеют (в то время как в Следственном комитете Российской Федерации они, как известно, назначаются на должность официально и получают документ, это удостоверяющий).

Ценность института общественных помощников вряд ли можно переоценить. Вероятно, поэтому в Приказе от 4 мая 2011 года N 74 в числе основных положений отмечается необходимость «развивать и совершенствовать институт общественных помощников следователей в системе Следственного комитета Российской Федерации» (ст. 1). При этом подчер-

кивается, что такой институт введен «в целях реализации кадровой политики, направленной на обеспечение отбора квалифицированных кадров, повышение эффективности практической подготовки резерва кадров, более полного изучения кандидатур лиц, зачисляемых в резерв кадров Следственного комитета Российской Федерации, а также успешной профессиональной адаптации кандидатов к следственной работе» (ст. 1). Вовлечение студентов-юристов в профессиональную деятельность без отрыва от учебы высоко оценивается и профессорско-преподавательским составом юридических факультетов.

Проведенный нами анализ профильной литературы позволяет заключить, что авторы практически не уделяют внимание проблемам, связанным с деятельностью общественных помощников. Имеющиеся к настоящему времени немногочисленные публикации по обозначенной тематике в основном содержат рекомендации по оптимизации деятельности общественных помощников, взаимодействия их с наставниками – работниками Следственного комитета Российской Федерации [1; 2, с. 47; 4]. На проблемах, с которыми сталкиваются эти субъекты, авторами практически внимание не концентрируется. А между тем, как показало проведенное нами интервьюирование студентов, имевших опыт работы в качестве общественных помощников, а также следователей, их курирующих, имеет место целый ряд типичных проблемных ситуаций, которые в большинстве благополучно разрешаются, но зачастую методом проб и ошибок, что, несомненно, требует достаточно большого количества временных и моральных ресурсов. Считаем целесообразным обозначить соответствующие проблемы, условно сгруппировав их следующим образом.

Проблемы при трудоустройстве общественного помощника:

– достаточно длительный процесс официального трудоустройства в качестве общественного помощника (растягивается от нескольких месяцев до полугода и более). В этот период студенты выступают в качестве неофициальных общественных помощников, что затрудняет выполнение ими различно-

го рода задач – они не могут подтвердить свою принадлежность к Следственному комитету Российской Федерации, в результате субъекты, с которыми им приходится взаимодействовать, могут просто игнорировать молодых людей (например, при получении запросов, истребовании документации по поручению следователя и проч.);

– в ряде регионов уже на этапе трудоустройства требуется прохождение полиграфических исследований в отношении претендента на должность общественного помощника (ранее эту процедуру проходили лица, трудоустраивающиеся на должность следователя). В результате молодые люди «отсеиваются» на основе информации, носящей лишь ориентирующий характер, и не получают необходимого опыта, который мог бы им приходиться не только для работы в Следственном комитете Российской Федерации, но и в других правоохранительных органах;

– работа «на общественных началах», без оплаты. Конечно, отдельные следователи-наставники в ряде случаев могут возмещать расходы общественных помощников на проезд в общественном транспорте, обед и т.п. Однако, так бывает не всегда;

– в дальнейшем при назначении на должность следователя Следственного комитета могут предложить работу в районе (в том числе и отдаленном), далеко от дома, к чему молодой специалист зачастую не готов.

Проблемы, с которыми сталкивается общественный помощник:

– недостаточные навыки в области уголовно-правовой квалификации, уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, делопроизводства и пр. Как следствие, некомпетентность в выполнении задач наставника-следователя – в составлении проектов процессуальных и иных документов, получении объяснений и проч.

– сложности при взаимодействии со следователем. Здесь можно указать на несколько основных проблем. Во-первых, «притирка» между студентом и его наставником может

быть достаточно «болезненной», что зависит от личностных особенностей и того, и другого субъекта (хотя зачастую «общий язык» находится достаточно быстро). Для обозначения следующей проблематики приведем мнение опрошенных общественных помощников: следователи несколько злоупотребляют наличием общественного помощника, расслабляются, «не видят грани», многое «сваливают» на помощника. Например, все материалы – помощнику, а следователь занимается уголовными делами. Мотивировка – «ну ты же пришел научиться, это тебе нужно, а не мне»¹;

– следователь, курирующий помощника, не дает ему работу с определенным уровнем ответственности. Например, дает поручения о выполнении только заданий технического характера (копирование, сканирование, опись), в то время как помощнику для дальнейшего трудоустройства необходимо получить определенные навыки в проведении проверок, расследовании уголовных дел.

Проблемы, с которыми сталкивается наставник общественного помощника:

– необходимость уделить время на обучение общественного помощника проведению следственной работы. Не зря отмечается, что «главная проблема – в уровне подготовки общественного помощника» [1]. Так, если следователь не объяснил, каким критериям по структуре и содержанию должны отвечать процессуальные документы, при составлении помощником данного документа может получиться несвязный текст, он (помощник) может допустить целый ряд ошибок (изложение текста неграмотно, нарушение требований к обязательным атрибутам протокола допроса, изложение ненужной информации и проч.). Или же, например, следователь поручил «собрать» по томам уголовное дело, однако не пояснил, как это делать. В результате общественный помощник может сформировать материалы, распределив на каждый не по 250 страниц (что предусмотрено по общему правилу), а по большему или меньшему их числу;

– совершение помощником ошибок ввиду небольшого опыта работы, которые необхо-

1 Данные получены при интервьюировании общественного помощника, работающего в Новосибирской области.

димо исправлять; поручение ответственной работы, с которой помощник не справился в установленные сроки;

– не оценив личностные характеристики общественного помощника, следователь чрезмерно нагружает его большим объемом работ. В результате типична ситуация, когда молодой человек теряет интерес к следственной работе, «перегорает» и «бросает» заниматься деятельностью общественного помощника;

– смежные проблемы с теми, что названы в предыдущем блоке информации в отношении общественного помощника.

Это далеко не полный перечень проблем, возникающих при реализации института общественных помощников.

С учетом вышесказанного мы согласны с мнением А.В. Бычкова и Ю.П. Гармаева: имеет место необходимость создания системы научно обоснованных рекомендаций по организации труда общественных помощников, оптимизации их деятельности со следователями-наставниками [1].

Библиографический список

1. Бычков, А.В. Криминалистическое обеспечение деятельности общественного помощника следователя и практиканта: коллеги, предлагаем сотрудничество! / А.В. Бычков, Ю.П. Гармаев. – URL: <https://www.iaaj.net/node/871> (дата обращения: 13.09.2023).
2. Гармаев, Ю.П. Криминалистическое обеспечение деятельности общественного помощника следователя: постановка проблемы / Ю.П. Гармаев // Вестник криминалистики. – 2011. – Вып. 3(39). – С. 46-52;
3. Ищенко, Е.П. Криминалистика : учебное пособие / Е.П. Ищенко. – М., 2000. – 751 с.
4. Руководство для следователя и его общественного помощника : учебно-практическое пособие / отв. ред. Ю.П. Гармаев. // СПС «КонсультантПлюс», 1992-2023 (дата обращения: 13.09.2023).
5. Тomin, В.Т. О понятии «общественность» и круге задач, решаемых в уголовном процессе с ее помощью / В.Т. Тomin // Сибирские юридические записки. Проблемы борьбы с преступностью. – Омск, Иркутск, 1973. – Вып. 3. – С. 122-142.

УДК 343.16

Татьяна Павловна БУТЕНКО,
заведующий кафедрой уголовного права Амурского
государственного университета (г. Благовещенск),
кандидат юридических наук, доцент
butanya1979@yandex.ru

Максим Геннадьевич ПЕТРОВ,
судья Воронежского областного суда
maxpetrov070@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОВЕДЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ДО СВЕДЕНИЯ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

FEATURES OF BRINGING EVIDENTIARY INFORMATION TO THE ATTENTION OF JURORS

В статье на основе анализа примеров судебной практики обращено внимание на разноплановую оценку судами сведений, представляемых присяжным заседателям, с точки зрения их допустимости и относимости к фактическим обстоятельствам предъявленного подсудимому обвинения. Авторы работы призывают при трактовке частей 7-8 статьи 335 УПК РФ более широко использовать критерий разумности и устранить формальный подход к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей, при котором законные права и интересы сторон неизбежно подвергаются необоснованному ограничению.

Based on the analysis of examples of judicial practice, the article draws attention to the diverse assessment by the courts of the information presented to jurors in terms of their admissibility and relevance to the actual circumstances of the charge against the defendant. The authors of the work urge, when interpreting parts 7-8 of Article 335 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to use the criterion of reasonableness more widely and eliminate the formal approach to considering criminal cases with the participation of jurors, in which the legitimate rights and interests of the parties are inevitably unreasonably restricted.

Ключевые слова: допустимость доказательств, присяжные заседатели, информация, судебное следствие.

Keywords: *admissibility of evidence, jurors, information, judicial investigation.*

Вопрос о пределах информации, доведение которой до сведения присяжных заседателей разрешено законом, представляет особый интерес и практическую значимость.

Не угасает внимание к данному вопросу и в научной среде. Так, В.А. Насонов предлагает шире использовать практику предварительной проверки относимости и допустимости новых доказательств, представляемых

сторонами, дает положительную оценку использованию сторонами на этапе прений различных средств визуализации своих доводов, в том числе в электронной форме [1].

На недопустимость доведения до сведения присяжных заседателей вопросов, связанных с допустимостью доказательств, а также информации, способной вызвать у них предубеждение к качеству работы предварительного следствия и государственного обвинения, отрицательно повлиять на их беспристрастность при вынесении вердикта по делу, обращает внимание А.П. Рыжаков [5].

А.Е. Хорошева, наоборот, предлагает снять запрет на обсуждение в присутствии присяжных заседателей вопроса о допустимости доказательств [6].

Обращаясь к проблематике исследования фактической стороны доказательств, представляемых участниками процесса присяжным заседателям, необходимо отметить следующее.

По общему правилу в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей могут быть исследованы только фактические обстоятельства уголовного дела, связанные с разрешением вопросов, перечисленных в ч. 1 ст. 334 УПК РФ.

Исходя из этого данные о личности подсудимого подлежат исследованию с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в которой это необходимо для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а равно иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Запрещается оглашать в присутствии присяжных заседателей те же данные и в отношении потерпевшего. Обстоятельства, не относящиеся к факту вмененного подсудимому деяния, также не подлежат исследованию в судебном заседании в присутствии присяжных.

Как справедливо утверждают А. О. Машовец и Д. С. Иванов, в ч. 8 ст. 335 УПК РФ речь идет о свойстве допустимости доказательств, а не свойстве относимости [4].

Обращаясь к рассматриваемой теме, авторы научных работ зачастую выражают убеждение в необходимости более широкого понимания очерченных законом границ. Например, Е.Г. Зейдлиц полагает, что если данные о личности подсудимого (в том числе и негативно его характеризующие, формально выходящие за рамки предъявленного подсудимому обвинения) связаны с установлением мотива преступления, наличия у него навыков, раскрывающих способ совершения преступления, то такие сведения надлежит озвучивать при присяжных, поскольку это помогает им с полным пониманием ответить на поставленные перед ними вопросы [2].

В то же время нельзя не отметить и обратную тенденцию – тяготение правоприменителя к максимально узкому пониманию положений закона о пределах доказательственной информации, исследование которой допустимо в присутствии присяжных заседателей.

К примеру, при рассмотрении судебной коллегией по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции уголовного дела в отношении К., осужденного приговором Завитинского районного суда Амурской области с участием присяжных заседателей от 20 ноября 2019 г. по ч. 1 ст. 139, п. «з» ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 105 УК РФ с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима, с ограничением свободы сроком на 1 год, суд кассационной инстанции констатировал существенное нарушение требований уголовно-процессуального законодательства, выразившееся в изложении свидетелями в присутствии присяжных заседателей показаний в объеме, выходящем за рамки предъявленного подсудимому обвинения.

Согласно кассационному определению от 10 июня 2020 г. в качестве основания к отмене вышеуказанного приговора от 20 ноября 2019 г. и апелляционного определения от 25 февраля 2020 г. в отношении К. суд кассационной инстанции сослался на то, что вопреки требованиям ч. 7 ст. 335 УПК РФ, несмотря на то, что К. не вменялось избиение сви-

детелей «1» и «2», указанное обстоятельство подробно выяснялось при допросе указанных лиц в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей (куда ударил, зачем, были ли обращения по этому поводу). Председательствующим судьей соответствующие вопросы не снимались, присяжным заседателям не разъяснялось, что эти обстоятельства выходят за рамки вопросов, на которые им предстоит ответить. Напротив, в напутственном слове председательствующего эти обстоятельства были вновь озвучены¹.

Допущенные нарушения уголовно-процессуального закона, выразившиеся в представлении присяжным заседателям сведений о совершении других противоправных деяний, не относящихся к предъявленному обвинению, но способных вызвать предубеждение у присяжных заседателей в отношении подсудимого, судебная коллегия сочла существенными, повлиявшими на исход уголовного дела, в связи с чем приговор и апелляционное определение в отношении К. отменены с передачей уголовного дела на новое рассмотрение судом с участием присяжных заседателей.

Формально такая точка зрения выглядит убедительной. Однако же в данном случае свидетели сообщали суду не какие-либо отвлеченные, не соотносимые с обстоятельствами настоящего уголовного дела сведения, а рассказывали об обстоятельствах совершения подсудимым преступления как об одном и том же (нераздельном) событии, происшедшем в одно и то же время и в одном и том же месте (согласно показаниям свидетелей «1» и «2» К., находясь с ними и потерпевшим в одном жилом помещении, сначала нанеся удары им, а затем переключился на потерпевшего, нанеся ему телесные повреждения, от которых последний скончался), при том, что обвинение в нанесении побоев свидетелям «1» и «2» не могло быть предъявлено К. ввиду установленных действующим уголовно-процессуальным законодательством особенностей порядка привлечения к уголовной

ответственности по делам частного обвинения – в связи с нежеланием свидетелей «1» и «2» обратиться с заявлением о привлечении К. к уголовной ответственности по поводу их избиения.

На наш взгляд, правильность определения судом кассационной инстанции пределов информации, доведение которой до сведения присяжных заседателей разрешено законом, в данном случае можно поставить под сомнение, поскольку, как было отмечено выше, никакие сведения, не соотносимые с фактическими обстоятельствами вмененного подсудимому преступления, свидетелями перед присяжными не раскрывались.

Достаточно обосновано критикует диспозицию ч. 8 ст. 355 УПК РФ С. П. Щерба, отмечая, что «обозначенные предписания ограничивают гарантированное ст. 333 УПК РФ право присяжных заседателей участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела, а также не указывают на то, какие конкретно «иные данные» способны вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого» [7].

Д.С. Иванов указывает на тот факт, что положение ч. 8 ст. 335 УПК РФ сужает предмет доказывания, согласно которому данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется [3].

Для более четкого понимания рассматриваемой проблемы целесообразно провести параллель с рассмотрением уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, – данные уголовные дела в случае обвинения лица по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ при наличии соответствующего ходатайства обвиняемого также подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Довольно часто в процессе доказывания совершения лицом противоправных действий

1 Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 N 77-329/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

в сфере незаконного оборота наркотических средств по таким делам используются результаты оперативно-розыскных мероприятий. Как следует из разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данного в п. 14 постановления от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с последующими изменениями), оперативно-розыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

Кроме этого согласно устоявшимся правовым позициям осуждение лица за действия, направленные на распространение наркотических средств, возможно лишь в том случае, если умысел такого лица на совершение преступления сформировался независимо от деятельности сотрудников правоохранительных органов, проводивших оперативно-розыскные мероприятия.

Убежденность в этом может базироваться на содержащихся в материалах уголовного дела сведениях о причастности обвиняемого к иным фактам незаконной деятельности в сфере оборота наркотиков – то есть на показаниях свидетелей и иных доказательствах, формально не относящихся напрямую к предъявленному обвинению и, соответственно, выходящих за его пределы.

В данном случае узкое (или формальное) понимание пределов информации, доведение которой до сведения присяжных заседателей разрешено законом, существенным образом ограничивало бы компетенцию присяжных заседателей, не позволяя им получить полное восприятие события, являющегося предметом судебного разбирательства, тогда

как разрешение вопроса о виновности подсудимого возложено на них, как судей факта, законом.

Также нельзя не заметить, что по уголовным делам, по которым оперативно-розыскные мероприятия не проводились, доказывание умысла на незаконный сбыт наркотических средств предполагает исследование доказательств, которые могут свидетельствовать о причастности подсудимого к совершению иных (косвенным образом связанных с предъявленным обвинением, но не отраженных в нем) действий в сфере незаконного оборота наркотических средств.

В этой связи предпочтительной представляется позиция, выраженная судом апелляционной инстанции по уголовному делу в отношении В., осужденного приговором Благовещенского городского суда Амурской области от 24 сентября 2021 г., постановленным с участием присяжных заседателей, по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 16 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима¹.

Давая оценку доводам апелляционных жалоб осужденного В. и его защитника о недопустимости исследования в присутствии присяжных заседателей доказательств, судебная коллегия по уголовным делам Амурского областного суда в апелляционном определении от 31 января 2022 г. отметила, что исходя из установленной законом компетенции присяжных заседателей, определенной в ч. 1 ст. 334 УПК РФ, и принимая во внимание то обстоятельство, что В. обвинялся органом предварительного расследования в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, судебная коллегия не может согласиться с доводами апелляционных жалоб осужденного и его защитника о незаконности исследования в присутствии присяжных заседателей по ходатайству государственного обвинителя доказательств, содержащих сведения о возможной причастности В. к деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, поскольку такие све-

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 31.01.2022 N 22-123/22 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области.

дения подлежали оценке присяжными заседателями в связи с необходимостью разрешения ими вопроса о наличии у В. указанной в обвинительном заключении, по версии органа предварительного следствия, цели совершения инкриминируемого ему преступления – и в этой связи названные доказательства являются относимыми к предъявленному В. обвинению.

Лишение государственного обвинителя возможности представить присяжным заседателям доказательства, подтверждающие, по мнению стороны обвинения, наличие у В. умысла на незаконный сбыт наркотических средств, ограничивало бы право стороны обвинения на представление присяжным заседателям доказательств, лишая, в свою очередь, и присяжных заседателей возможности оценить представленные сторонами доказательства в их совокупности и на основе произведенной оценки доказательств разрешить поставленные перед ними вопросы, предусмотренные п.п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ.

Значительный научный интерес в рамках освещаемой проблемы представляет ситуация, когда в ходе судебного заседания с участием присяжных заседателей «запрещенные» законом сведения, формально свидетельствующие против той или иной стороны, соответствующая сторона желает использовать в своих интересах.

К примеру, Воронежским областным судом с участием присяжных заседателей рассмотрено уголовное дело, по которому Ш.А.А. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, ч. 5 ст. 33, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а К.Д.О. и К.В.В. – в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

По данному делу К.Д.О. и К.В.В. в числе прочего обвинялись в убийстве К.А.И. при пособничестве Ш.А.А. с целью хищения находящихся на банковском счете потерпевшей денежных средств и иного ценного имущества, принадлежащего потерпевшей.

Согласно предъявленному обвинению, совершить нападение на К.А.И. и ее убийство подсудимые планировали в безлюдном месте, куда К.А.И. должна была проследовать совместно с К.Д.О., К.В.В. и Ш.А.А. по предложению последнего под вымышленным предлогом совместного отдыха. Доступ к банковскому счету потерпевшей с целью изъятия с него денежных средств подсудимые должны были получить после убийства К.А.И. и завладения принадлежащим ей мобильным телефоном.

В ходе судебного следствия Ш.А.А. изложил перед присяжными заседателями версию о том, что совершить хищение денежных средств с банковского счета потерпевшей планировал только он, не ставя в известность других подсудимых (для чего и организовал совместный с подсудимыми и потерпевшей выезд в другой населенный пункт), а убийство К.А.И. совершил К.Д.О. в результате ссоры с потерпевшей.

Для обоснования данной версии Ш.А.А. и его защитник планировали довести до сведения присяжных заседателей информацию о том, что Ш.А.А. ранее уже похищал денежные средства с банковского счета потерпевшей К.А.И. с использованием ее мобильного телефона, за что был осужден приговором Борисоглебского городского суда Воронежской области от 23 декабря 2020 г. Таким образом, как утверждали подсудимый и его защитник, у Ш.А.А. не было никакой необходимости убивать потерпевшую, ему было достаточно лишь завладеть ее мобильным телефоном, используя который он мог осуществить денежный перевод со счета К.А.И., что он успешно проделывал и ранее.

Выяснив в отсутствие присяжных заседателей мнение участников судебного процесса по данному вопросу, председательствующим судьей принято следующее решение по вопросу представления доказательств присяжным заседателям, отраженное в протоколе судебного заседания: «Поскольку подсудимый Ш.А.А. и его защитник – адвокат С. связывают то обстоятельство, что ранее Ш.А.А.

1 Уголовное дело N 2-7/2023 (2-23/2022) // Архив Воронежского областного суда.

уже совершал хищение денежных средств с банковского счета потерпевшей К.А.И. при помощи принадлежащего ей мобильного телефона, со способом планируемого повторного хищения принадлежащих К.А.И. денежных средств, тем самым обосновывая утверждение о непричастности Ш.А.А. к убийству К.А.И., – с учетом закрепленного в ч. 1 ст. 15 УПК РФ принципа осуществления уголовного судопроизводства на основе состязательности сторон и несогласия подсудимого Ш.А.А. и его защитника – адвоката С. с предъявленным Ш.А.А. обвинением – исследование с участием присяжных заседателей отдельных обстоятельств, связанных с похищением Ш.А.А. ранее денежных средств с банковского счета потерпевшей К.А.И. и его осуждением за это, допустимо и не противоречит предписаниям ст. 335 УПК РФ.

Если сторона защиты пожелает воспользоваться данной возможностью, имеющаяся в материалах дела копия приговора Борисоглебского городского суда Воронежской области от 23 декабря 2020 г. в отношении Ш.А.А. может быть оглашена в присутствии присяжных заседателей лишь в части фактических обстоятельств совершенного преступления, установленных судом».

В данном случае решение о доведении до присяжных заседателей информации, с формальной точки зрения, способной вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого, принято исходя из позиции самих подсудимого и его защитника, пожелавших использовать данную информацию для защиты от выдвинутого против подсудимого обвинения.

Несмотря на установленный в ч. 8 ст. 335 УПК РФ запрет, сведения о прежней судимости в отношении подсудимого могут исследоваться в присутствии присяжных заседателей и в том случае, если они необходимы для установления мотива преступления или отдельных его признаков, – к примеру, при рассмотрении судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению группы лиц в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, если в основу вмененных подсудимым при-

знаков сплоченности и устойчивости сформированной организованной группы положены данные об их отношениях, связанных с совместным отбыванием уголовного наказания ранее, а также о возникших на этой почве общих жизненных ценностях, стремлениях и целях.

Таким образом, положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ неразрывно связаны с обстоятельствами и условиями рассмотрения конкретного уголовного дела.

В этой связи возможно выдвинуть научную гипотезу о наличии «гибких императивов» в сфере правового регулирования рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, допускающих варианты действий, отличные от строго обозначенных в законе, но в то же время соответствующие критерию разумности и предполагающие неукоснительное соблюдение законных прав и интересов сторон.

Правомерность доведения доказательств до сведения присяжных заседателей характеризуется их допустимостью (то есть соответствием требованиям закона) и относимостью (то есть соотношением с предъявленным обвинением). И если первый критерий не вызывает особых затруднений в правоприменительной деятельности, то к вопросу относимости доказательств следует подходить максимально взвешенно и разумно.

В результате представляется, что предмет доказывания для присяжных заседателей содержательно более сужен по сравнению с предметом доказывания для профессиональных судей, так как нормы чч. 7, 8 ст. 335 УПК РФ исключают из предмета доказывания ряд обстоятельств. Вместе с тем присяжные заседатели проводят исследование личности подсудимого (не процессуальное, а по внутренним убеждениям), которое так или иначе отражается на вердикте, например, при разрешении вопроса о снисхождении. В связи с этим предлагаем рассмотреть вариант иного изложения диспозиции ч. 8 ст. 335 УПК РФ, что впоследствии позволит исключить ограничение в получении информации присяжными и обеспечит справедливое судебное разбирательство.

Библиографический список

1. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «НОРМА», «ИНФРА-М», 2023.
2. Зейдлиц, Е.Г. Исследование в суде присяжных данных о личности подсудимого и мотивах совершенного им деяния / Е.Г. Зейдлиц // Уголовный процесс. – 2024. – N 1. – С. 41-44.
3. Иванов, Д.С. Особенности предмета доказывания при производстве в суде с участием присяжных заседателей / Д.С. Иванов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2022. – Т. 22. – N 2. – С. 12-16.
4. Машовец, А.О. Особенности оценки доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей / А.О. Машовец, Д.С. Иванов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21. – N 1. – С. 30-36.
5. Рыжаков, А.П. Права, обязанность и ответственность защитника. Комментарий к статье 53 УПК РФ / А.П. Рыжаков // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
6. Хорошева, А.Е. Некоторые особенности оценки заключения эксперта в суде с участием присяжных заседателей / А.Е. Хорошева // Российский следователь. – 2020. – N 2. – С. 27.
7. Щерба, С.П. Основания и правовые последствия признания подсудимого заслуживающим снисхождения / С.П. Щерба // Законность. – 2020. – N 12. – С. 50-56.

УДК 343.985.44

Андрей Леонидович КАРЛОВ,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

dys_karlov@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ
ПО ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**ON SOME RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCH
ON THE ISSUES OF APPLICATION OF THE INSTITUTE OF PRE-TRIAL AGREEMENT
ON COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

В статье приведены некоторые выводы по результатам научного исследования института досудебного соглашения о сотрудничестве. Автор приходит к выводу, что по своей сущности данный институт является «расширенным» вариантом смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, который реализуется посредством применения прескрипто-конвенциональной формы соглашения. За счет предварительного письменного закрепления характера и объема содействия подозреваемого (обвиняемого) расследованию первоначальный поощрительный характер взаимодействия сторон преобразуется в средство доказывания; отношения «содействия» переходят на новый уровень, предусматривающий дополнительные правовые гарантии. Опыт эффективной реализации досудебных соглашений по уголовным делам позволяет расширить сферу его применения. Обозначенные в работе критерии допускают заключение соглашений в рамках других правовых институтов, позволяющих добиться позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление.

The article presents some conclusions based on the results of a scientific study of the Institute of Pre-trial Cooperation Agreement. The author comes to the conclusion that this institution in its essence is an «extended» version of the mitigating circumstance provided for in paragraph «i» of Part 1 of Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is implemented through the use of a prescriptive-conventional form of the agreement. Due to the preliminary written confirmation of the nature and extent of the suspect's (accused) assistance in the investigation, the initial encouraging nature of the interaction between the parties is transformed into a means of proof; relations of «assistance» transfer to a new level, providing for additional legal guarantees. The experience of the effective implementation of pre-trial agreements in criminal cases allows to expand the scope of its application. The criteria outlined in the article allow the conclusion of agreements within the framework of other legal institutes that make it possible to achieve positive post-criminal behavior of the person who committed the crime.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, смягчающие обстоятельства, содействии расследованию, особый порядок судебного разбирательства.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, mitigating circumstances, assistance in the investigation, special procedure for trial.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве существует в российском законодательстве уже более 14 лет и за этот период многократно исследовался учеными различных областей юридической науки: уголовно-процессуального права, уголовного права, криминалистики и др. В силу применения специфичного для каждой отрасли научного инструментария, а также разных «углов зрения» единого подхода к определению правовой природы рассматриваемого института до настоящего времени не сложилось, в связи с чем мы поставили перед собой задачу проследить путь его развития, найти истоки, на основе чего выделить те его элементы, которые являются действительно новыми для отечественного законодательства, а также показать перспективу их развития в системе действующих правовых положений.

В первую очередь необходимо отметить, что появление досудебного соглашения о сотрудничестве является результатом устоявшейся тенденции дифференциации процессуальной формы, на что указывают многие авторы [1, с. 9; 3, с. 191; 4, с. 46]. Видится, что еще точнее вести речь о структурной дифференциации, которой присуще выделение новых подсистем, реализующих уже существующие функции.

Процесс дифференциации сам по себе обусловлен определенными детерминантами, которые определяют ее динамику, задают вектор развития отдельных положений закона или появления новых правовых юридических конструкций. Результаты исследования данного вопроса показывают, что появление досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе было обусловлено целым рядом детерминант.

1. Социальные детерминанты выражаются в качественном преобразовании общества, преобладании идей культурного многообразия современного мира, плюрализма, разнообразия [6, с. 126], определяющих переход от идеалов установления объективной истины к доказанности.

2. Экономические детерминанты проявляются в финансовой рационализации, раз-

умной экономии сил и средств в сфере публично-правовой деятельности.

3. Политические детерминанты представляют собой выработанную государством линию (направленность) борьбы с преступностью, отдельные элементы идеологии гуманизации, усиления процессуальных гарантий для лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам.

4. Материально-правовые детерминанты формируются на основе указанных выше факторов и выражаются в концепции поощрения позитивного посткриминального поведения.

5. Процессуально-правовые детерминанты обусловлены назначением, целью и задачами уголовного судопроизводства, а также степенью сложности установления обстоятельств совершенных преступлений.

Взяв за основу приведенные детерминанты, мы пришли к выводу, что досудебное соглашение о сотрудничестве является «расширенным» вариантом смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, то есть в своей материально-правовой сущности рассматриваемый институт нельзя признать новым. На это указывают как практически совпадающие формулировки положений закона, регламентирующие досудебное соглашение и данное смягчающее обстоятельство, схожие правила назначения наказания, так и общая последовательность реализации, при которой предварительно оказанное содействие оценивается на завершающих этапах расследования уголовного дела и по итогу учитывается при назначении судом наказания. Однако, как мы указали, соглашение о сотрудничестве шире как по форме (поскольку допускает содействие и после осуждения), так и по содержанию (так как содействие не ограничивается относительно расследуемого преступления и самого подозреваемого (обвиняемого)).

Что же касается процессуального механизма реализации досудебного соглашения, то в отличие от указанного смягчающего обстоятельства он предполагает предварительное (до совершения каких-либо действий)

письменное согласование позиций сторон, которое мы предлагаем именовать прескрипто-конвенциональной формой согласования (от лат. *pre scriptum* – предварительно написанный, *conventionalis* – соответствующий договору, согласованный). Применение законодателем данной формы фактически преобразует содействие подозреваемого (обвиняемого) расследованию преступления в отношении сотрудничества (содействие на контрактной основе), «сдвигает акцент» от материально-правового поощрения к уголовно-процессуальному установлению обстоятельств преступления, по существу превращая институт досудебного соглашения о сотрудничестве в способ обеспечения процесса доказывания по уголовному делу. В этом значении соглашение обеспечивает получение необходимых следствию доказательств в целях изобличения лиц в совершенных преступлениях.

В связи с этим нами был изучен еще один проблемный аспект, связанный с персональной направленностью такого сотрудничества, поскольку существует мнение, что недопустимо заключать досудебные соглашения с лицами, совершившими преступления в одиночку [2, с. 85]. Верховный Суд РФ занимает противоположную позицию, указывая, что прокурор вправе подтвердить активное содействие обвиняемого следствию в изобличении и уголовном преследовании не только других соучастников преступления, в котором обвиняется это лицо, но и участников иного преступления, совершенного без участия подсудимого¹. Исследование показало, что практика по этому вопросу предлагает компромиссный вариант, предполагающий обязательное содействие в изобличении соучастников совершенного преступления либо иных лиц, совершивших связанные с расследуемым преступлением (например, заключение соглашения с приобретателем наркотиков,

при реализации которого он содействует установлению и изобличению сбытчика).

Значительное число проблем в рассматриваемой сфере деятельности вызвано тем, что законодатель предусматривает особый порядок судебного разбирательства в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. К ним можно отнести обязательное выделение уголовного дела в отдельное производство и связанное с ним появление нового участника уголовного процесса (ст. 56.1 УПК РФ), запрет на заключение соглашений с несовершеннолетними, запрет на реализацию соглашения с лицами, которые не согласны (или не в полной мере согласны) с предъявленным обвинением и др. На сегодняшний день можно констатировать, что «борьба» с большим количеством уголовных дел, рассматриваемых судом в особом порядке, привела к снижению числа заключенных досудебных соглашений², что также является негативным фактором. Полагаем необходимым предусмотреть альтернативное рассмотрение судом уголовного дела в особом порядке в зависимости от волеизъявления лица, заключившего соглашение, с пропорциональным изменением правил назначения наказания.

Также не разрешенным до настоящего времени остается вопрос об основаниях для изменения досудебного соглашения. Законодатель в ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ перечисляет случаи, при которых досудебное соглашение подлежит изменению или расторжению, при этом не разграничивает их в зависимости от принимаемого решения. Примечательно, что все эти случаи прямо или косвенно связаны с неисполнением обязательств и несоблюдением условий соглашения подозреваемым (обвиняемым), в связи с чем считаем довольно спорной позицию, согласно которой требуется перезаключить (изменить) досудебное соглашение в случае, если обвинение, предъ-

1 О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16 (ред. от 29.06.2021), п. 9.1.

2 Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, число уголовных дел, поступивших в суды с досудебным соглашением о сотрудничестве в 2017 г. составило 4381, в 2018 г. – 4001, в 2019 г. – 3319, в 2020 г. – 3099, в 2021 г. – 3188, в 2022 – 3271. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.02.2024).

явленное после его заключения, ухудшает положение обвиняемого (новые эпизоды, более тяжкое преступление) [5, с. 304, 308; 6, с. 448-449]. Действующая редакция постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» также опровергает обозначенную позицию.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что фактическим основанием для изменения досудебного соглашения о сотрудничестве являются сведения о неисполнении подозреваемым (обвиняемым) отдельных обязательств или условий соглашения по не зависящим от него причинам при том, что фактически оказанное содействие является достаточным для реализации положений гл. 40.1 УПК РФ. Применение предложенного основания предполагает исключение из текста соглашения таких обязательств или условий для обеспечения вывода об их полном соблюдении и выполнении подозреваемым (обвиняемым).

Как было указано выше, в институте досудебного соглашения о сотрудничестве законодатель впервые использовал прескриптивно-конвенциональную форму согласования, которая, по нашему мнению, имеет очевидную перспективу реализации в рамках других правовых институтов, при этом для определения того, в каких случаях это целесообразно и оправданно, нами были разработаны соответствующие критерии:

1) относительная определенность нормы закона, ее дискреционность (предполагающая значительный уровень усмотрения правоприменителя). В таком случае сторонам «есть что согласовывать», имеется предмет для «диалога». Посредством соглашения происходит конкретизация содержания нормативных предписаний в привязке к обстоятельствам уголовного дела. Данному критерию, на наш взгляд, не соответствует специальная форма деятельного раскаяния, предусмотренная ч. 2 ст. 28 УПК РФ (примечания к статьям Особой части УК РФ, предусматриваю-

щие действия, влекущие прекращение уголовного преследования), в связи с чем такие действия не могут быть определены в качестве обязательств сторон досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) взаимосвязь механизма реализации нормы с предстоящими действиями участников уголовного судопроизводства либо, наоборот, с несовершением ими каких-либо действий;

3) целесообразность (позитивная перспектива) предварительного согласования, когда достижение соглашения по отдельным вопросам между сторонами может повлиять на их дальнейшие юридически значимые действия. Само соглашение при этом должно носить не констатирующий, а прогностический характер, то есть его действие всегда должно быть направлено в будущее.

В связи с этим видится оправданным применение письменной формы предварительного согласования для конкретизации таких положений, как активное содействие раскрытию и расследованию преступления (для применения п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), содействие раскрытию и расследованию преступления, влекущее утрату общественной опасности лица (для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ), возмещение или загладивание причиненного преступлением вреда (для последующего применения положений о судебном штрафе).

Полагаем, что предложенная концепция будет стимулировать подозреваемых (обвиняемых) к позитивному посткриминальному поведению в целях реализации как частных, так и публичных интересов в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог, необходимо констатировать, что научный анализ положений закона и практики применения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также предложенные в настоящей работе выводы позволяют по-новому взглянуть на правовую природу досудебного соглашения, разрешить некоторые частные проблемы правоприменения, а также открывают поле для научной дискуссии и возможных нормативных преобразований.

Библиографический список

1. Боярская, А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Боярская. – Томск, 2012. – 22 с.
2. Великий, Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Д.П. Великий // Журнал российского права. – 2010. – N 2. – С. 84-90.
3. Лошкобанова, Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Я.В. Лошкобанова. – Краснодар, 2015. – 228 с.
4. Пиюк, А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Пиюк. – Томск, 2017. – 469 с.
5. Русман, Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / Г.С. Русман. – Челябинск, 2023. – 564 с.
6. Тисен, О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / О.Н. Тисен. – Оренбург, 2017. – 487 с.
7. Ярыгина, Л.А. Предпосылки к упрощению уголовно-процессуальной формы / А.Л. Ярыгина // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3. – N 2. – С. 125-129.

**Екатерина Константиновна
КОРНИЕНКО,**

судья Арбитражного суда Красноярского края,
кандидат юридических наук
Kdubets@yandex.ru

**Светлана Александровна
СТУПИНА,**

доцент кафедры судебной экспертизы
Сибирской пожарно-спасательной академии
ГПС МЧС России (г. Железногорск),
кандидат юридических наук, доцент
sstupina@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН
НА ЖИЛИЩЕ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВАНИЙ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЖИЛОГО
ПОМЕЩЕНИЯ КАК ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ**

**ISSUES OF OBSERVING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS
TO HOUSING WHEN DETERMINING THE GROUNDS FOR EXCLUDING RESIDENTIAL
PREMISES AS THE ONLY HOUSING IN BANKRUPTCY CASES**

В статье рассматриваются вопросы содержания конституционного права на жилище в Российской Федерации через призму его регулирования и защиты в рамках отраслевого законодательства при определении пределов действия исполнительского иммунитета единственного жилья гражданина-должника в деле о банкротстве. На основе комплексного анализа положений Конституции Российской Федерации, гражданского, жилищного и исполнительного права и правового регулирования института банкротства, а также с учетом современной правоприменительной практики определено, что основополагающим критерием обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника при определении жилого помещения, подлежащего исключению в деле о банкротстве в качестве единственного жилья при наличии в собственности должника нескольких жилых помещений, выступает такой, как приоритет защиты конституционного права на жилище.

The article considers the issues of the content of the constitutional right to housing in the Russian Federation through the prism of its regulation and protection within the framework of sectoral legislation when determining the limits of the executive immunity of the only housing of a debtor citizen in a bankruptcy case. Based on a comprehensive analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, civil, housing and enforcement law and the legal regulation of the institution of bankruptcy, as well as taking into account modern law enforcement practice, it is determined that the fundamental criterion for ensuring a fair balance between the property interests of creditors and the personal rights of the debtor in determining residential premises to be excluded in bankruptcy proceedings as the only housing in the presence of several residential premises in the debtor's ownership, is a priority for the protection of the constitutional right to housing.

Ключевые слова: конституционное право на жилище, судебная защита, банкротство гражданина, исполнительский иммунитет, единственное жилье, злоупотребление правом, баланс интересов должника и кредиторов.

Keywords: constitutional right to housing, judicial protection, bankruptcy of a citizen, executive immunity, the only housing, abuse of right, balance of interests of the debtor and creditors.

Конституционное право граждан на жилище относится к основным правам человека и заключается в том числе в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением лицами, занимающими его на законных основаниях, гарантированности неприкосновенности жилища, исключения случаев произвольного лишения граждан жилища (статьи 25, 40 Конституции РФ).

Конституционное право на жилище является одной из важнейших гарантий гражданского общества. Оно обеспечивает каждому гражданину право на жизнь в достойных условиях, с учетом его потребностей и возможностей. Органы государственной власти и органы местного самоуправления создают условия для осуществления права на жилище, что включает в себя в том числе как разработку эффективной жилищной политики, строительство жилья, так и предоставление доступных кредитов для приобретения жилья.

Заметим, что развитие рынка кредитования, в том числе и ипотечного, в России стало в последние годы приобретать как позитивные изменения, так и негативные. Последние связаны с увеличением числа должников по таким обязательствам. Например, число неплательщиков по банковским кредитам в первом полугодии 2023 г. выросло на 3,3 млн, до 17,7 млн человек. Фактически речь идет о каждом восьмом жителе страны¹. Из данных Банка России следует, что задолженность по ипотечным жилищным кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам (далее – ИЖК), по состоянию на 1 ноября 2023 г. составила 17,4 трлн рублей, увеличившись по сравнению с предыдущим месяцем на 2,9% (+4,1% месяцем ранее). В октябре годовой темп прироста портфеля ИЖК возрос до 30,6% (в сентябре – 29,1%). В структуре задолженности по кредитам физических лиц доля по ИЖК, как и ранее, составляла более половины – 53,3%².

С января по июнь 2023 г. суды признали банкротами 162,9 тыс. россиян. Этот показатель на 34,3% превысил данные за аналогичный период 2022 г.³

Приведенные данные не могут не обращать на себя внимание в контексте постановки вопроса о соблюдении гарантированного Конституцией РФ права на жилище при разрешении вопроса об изъятии жилого помещения у гражданина-должника в деле о банкротстве.

Как справедливо отмечается специалистами, «на конституционном уровне право на жилище определяется как право каждого гражданина на получение жилья. Однако указанное право не будет реализовано (и обеспечено) в полной мере без коррелирующего ему конституционного права собственности на жилище, регулируемого отраслевым законодательством. Конституционные нормы должны быть более детально защищены правовыми гарантиями отраслевого законодательства, в частности гражданского, жилищного, арбитражно-процессуального и т.п. [1, с. 13].

Конституционное право на жилище также предусматривает и защиту от незаконных действий, в том числе и по незаконному изъятию жилого помещения у гражданина-должника. Граждане имеют право на справедливое, учитывающее их конституционные права, рассмотрение судом таких споров.

Согласно ч. 4 ст. 3 Жилищного кодекса РФ никто не может быть выселен из жилища или ограничен в праве пользования жилищем, в том числе в праве получения коммунальных услуг, иначе как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ЖК РФ, другими федеральными законами.

Часть 4 ст. 3 ЖК РФ конкретизирует положение ч. 1 ст. 40 Конституции РФ. Лишение жилого помещения в судебном порядке и на основании закона не является произвольным. Лишение жилища, о котором гово-

1 Каждый восьмой россиянин оказался злостным неплательщиком по кредитам. URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/08/22/kazhdyyu-vosmoyu-rossiyanin-okazalsya-zlostnym-neplatelshhikom-po-kreditam.html> (дата обращения: 11.12.2023).

2 Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1023/ (дата обращения: 11.12.2023).

3 Алмакунова Р. Обновили дефолт: за полгода банкротами стали 163 тыс. россиян. URL: <https://iz.ru/1541690/roza-almakunova/obnovili-defolt-za-polgodu-bankrotami-stali-163-tys-rossiian> (дата обращения: 11.12.2023).

рится в названной статье, связано с принудительным выселением из него. Иные случаи лишения жилища, например, в результате его разрушения либо переселения в другое жилое помещение, к рассматриваемому случаю отношения не имеют [8, с. 32].

В контексте содержательного сущностного понимания конституционного права на жилище немаловажное значение, как уже нами отмечалось выше, придается отраслевому законодательству, которое устанавливает критерии и возможности определения пределов осуществления такого права, а также регламентирует обеспечение баланса интересов должника и кредитора по вопросу об обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника.

Вопросы определения жилого помещения, подлежащего исключению в деле о банкротстве в качестве единственного жилья при наличии в собственности должника нескольких жилых помещений активно обсуждаются в научной литературе [5-7; 9], поскольку современная правоприменительная практика в этой сфере не имеет универсального и единообразного варианта для разрешения такой дилеммы.

В п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» указано, что при рассмотрении дел о банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, суды должны учитывать необходимость обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника.

Соответственно, баланс таких прав и интересов и выступает вектором целеполагания установленного в Российской Федерации института банкротства и одновременно является индикатором справедливости при соблюдении прав и законных интересов в рамках реализации принципа судебной защиты.

Вместе с тем существующее правовое регулирование института банкротства не отве-

чает в полной мере требованиям правовой действительности и, соответственно, не обеспечивает всестороннее достижение указанной цели, что связано в том числе и с тем, что на практике часто возникает проблема определения жилого помещения, подлежащего исключению в деле о банкротстве в качестве единственного жилья, при наличии в собственности должника нескольких жилых помещений, т.е. имеет место проблема определения пределов действия исполнительского иммунитета единственного жилья гражданина-должника.

Среди ученых-специалистов также нет единого мнения в отношении приведенной проблематики, поскольку ряд авторов выступает за необходимость сохранения имущественного (исполнительского) иммунитета в полном объеме [4, с. 39], другие допускают, что его можно ограничить для соблюдения законных имущественных прав и интересов кредитора [1, с. 12-18; 2, с. 69; 3, с. 64; 10, с. 31].

Согласно разъяснениям, изложенным Верховным Судом РФ в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» в деле о банкротстве у суда широкие полномочия, при наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, обеспечения указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав.

При этом в деле о банкротстве права граждан-должников существенно ограничены, одним из важнейших для должника и его кредиторов вопросов является определение квартиры, подлежащей исключению в

качестве единственного жилья при наличии в собственности должника нескольких жилых помещений. При этом в соответствии с сформированной позицией Верховного Суда РФ необходимо соблюсти баланс интересов должников и кредиторов, обеспечить как конституционное право должника на жилище, так и права кредиторов на справедливое распределение конкурсной массы.

Рассмотрим анализируемый нами вопрос на примере одного из дел, по которому установлено, что у должника имеются две квартиры – в городе А и в городе Б. При этом должник в качестве места жительства указывает село в районе города Б. Данный адрес указан и при подаче заявления о признании должника банкротом, и при подаче заявления об исключении в качестве единственного жилья квартиры в городе А.

Подобные дела, связанные с необходимостью определения единственного жилья, не являются редкостью, и встречаются не только в делах о банкротстве, но и при рассмотрении исков об обращении взыскания на имущество должников в ходе исполнительного производства. В данной категории дел, очевидно, интерес должника состоит в сохранении более дорогостоящей недвижимости, а интерес кредитора – в обращении на нее взыскания. В настоящее время судами наработана значительная практика по разрешению подобных споров с учетом разъяснений Конституционного Суда РФ¹.

При этом для определения того, какое именно жилое помещение подлежит исключению, используются следующие критерии: пригодность для проживания, использование для проживания должником и членами его семьи, нахождение в населенном пункте, где проживает должник, соответствие площади

жилого помещения социальной норме для данного региона, отсутствие признаков роскошного жилья и пр.

Так, отменяя решения нижестоящих судов об отказе в удовлетворении иска об обращении взыскания на недвижимое имущество должника в связи с тем, что оно является для него единственным пригодным жилым помещением, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что суды не дали оценки совокупности установленных обстоятельств того, что дом является объектом незавершенного строительства, его площадь составляет 416,3 кв. м, а должник и его семья зарегистрированы по месту жительства в другом городе. Материалы дела не содержат никаких сведений о том, пригоден ли данный объект для проживания, проживают ли там должник и его семья, и в силу каких обстоятельств суды пришли к выводу, что общая площадь дома в 416,3 кв. м не является избыточной².

Очевидно, что если жилое помещение не пригодно для проживания, является роскошным, то такое жилое помещение не подлежит передаче должнику. Вместе с тем зачастую существуют несколько жилых помещений, пригодных для проживания должника и его семьи и формально подходящих под признаки единственного жилого помещения. В подобных делах у суда широкие дискреционные полномочия, связанные с необходимостью оценки значительного количества объективных (например, стоимость, площадь, место нахождения квартиры) и субъективных (например, близость к школе, где учатся дети должника, привычный район проживания в городе) факторов.

В вышеуказанном деле более дорогостоящей и большей по площади является квартира

1 По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова : постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ, 2012. N 4; По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова: постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П // Собрание законодательства РФ, 2021. N 19. Ст. 3290.

2 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2022 N 16-КГ22-15-К4 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, 2023. N 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. N 11.

в городе А. Должником заявлено об исключении ее из конкурсной массы, в обоснование заявления должник указывает, что фактически в ней проживает со своей семьей. Кредиторами заявлены возражения в отношении исключения данной квартиры из конкурсной массы, они указывают, что квартира в черновой отделке, не пригодна для проживания, должник проживает в ином месте. Возражая против доводов кредиторов, должник представляет доказательства того, что в период реализации имущества должником и членами его семьи частично сделан ремонт в спорной квартире.

Очевидно, что в данном деле первоначально необходимо установить фактическое место жительства должника и членов его семьи. В случае, если должник действительно проживает в квартире в городе А и площадь квартиры не превышает (незначительно превышает) социальную норму, то исключению из конкурсной массы подлежит данная квартира. Если должник проживает в квартире в городе Б (и по площади она подходит для должника и его семьи), то, вероятно, необходимо исключать данную квартиру.

При этом достаточно интересен случай, когда должником будут представлены убедительные доказательства того, что он планирует переезд, им совершены необходимые приготовления, и это не совершено исключительно во вред кредиторам. Например, в случае, когда ребенок должника планирует поступление в вуз в региональном центре, где должником приобретена квартира. На момент введения реализации имущества ребенок уже поступил, но переезд еще не состоялся. Представляется, что в данном случае с учетом дискреционных полномочий суда, определенных в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», учитывая заслуживающие защиты законные интересы, суд вправе исключить из конкурсной массы квартиру, в которой должник и члены его семьи еще не проживают.

Однако необходимо заметить, что данный пример неприменим для вышеуказанного нами для пример дела: должник изначально

ссылаясь на проживание в квартире в городе А, и если будет установлено, что фактически он и члены его семьи проживают в ином месте, но планируют переезд в город А, суд не должен защищать такие интересы должника, а изменение позиции должен квалифицировать как недобросовестное поведение (применить эстоппель – утрату права на возражение, о чем Верховный Суд РФ разъясняет в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В соответствии с пунктом 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», в случае когда на должника возложена обязанность представить те или иные документы в суд или финансовому управляющему, судами при рассмотрении вопроса о добросовестности поведения должника должны учитываться наличие документов в распоряжении гражданина и возможность их получения (восстановления). Если при рассмотрении дела о банкротстве будет установлено, что должник не представил необходимые сведения суду или финансовому управляющему при имеющейся у него возможности либо предоставил заведомо недостоверные сведения, это может повлечь неосвобождение должника от обязательств (абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)»).

Таким образом, в деле о банкротстве к должнику применяются повышенные требования в отношении добросовестности, и сообщение суду, финансовому управляющему недостоверных сведений может повлечь для должника существенные негативные последствия. Как минимум, в данном деле в случае, если будет установлено, что должник вводил суд в заблуждение, суд должен отказать в защите заявленного интереса должника. Вместе с тем, как отмечает Конституционный Суд РФ в постановлении по делу о проверке кон-

ституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова, определение судом единственного жилого помещения не должно использоваться как карательная санкция (наказание). Следовательно, даже в случае, если должник вводил суд в заблуждение, нельзя полностью лишить его права на единственное жилое помещение.

В деле о банкротстве возможны случаи, когда злоупотребление со стороны должника приводит к утрате имущества, на которое может быть обращено взыскание (вследствие вывода имущества из конкурсной массы). В таких ситуациях возможен отказ от исполнительского иммунитета, как, например, в деле А56-7844/2017, в определении по которому Верховный Суд РФ указал, что действия по смене регистрации супруги и детей должника являлись недобросовестными, совершенными исключительно с целью распространения исполнительского иммунитета на четырехкомнатную квартиру, суд первой инстанции правомерно квалифицировал поведение должника как злоупотребление правом, что позволяло применить к последнему предусмотренные законом последствия такого злоупотребления – отказать в применении к четырехкомнатной квартире исполнительского иммунитета (пп. 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации)¹.

Вместе с тем полагаем, что принятое судом решение всегда должно соответствовать поведению должника (степени допущенных нарушений или злоупотреблений). В случае, если должник просто вводит суд в заблуждение о месте жительства, сообщая недостоверные сведения для убеждения суда в необходимости сохранения предпочтительного

жилого помещения, суд не вправе отказывать в защите конституционного права на жилище, а лишь может отказать в принятии изменения позиции (применить эстоппель, как было указано выше) в случае, если такое изменение позиции будет иметь место.

Представляется, что даже в ситуации, если фактически должник не проживает ни в одной из принадлежащих ему квартир, он имеет право на сохранение жилого помещения (кроме случаев, когда у должника имеется право на проживание в жилом помещении, ему не принадлежащем, например, должник фактически проживает в квартире в соответствии с завещательным отказом – ст. 1137 ГК РФ).

Относительно приведенного нами вначале примера необходимо отметить, что даже в случае, если судом будет установлено, что должник не проживает ни в одной из принадлежащих ему квартир, а, например, по адресу, который указывает в заявлениях, – в селе в районе города Б, судом должна быть определена квартира, которая подлежит передаче должнику, исходя из всех заслуживающих внимание правомерных интересов и по вышеуказанным критериям (площадь помещения, пригодность для проживания, близость к месту фактического проживания должника и т.п.)

Таким образом, при разрешении вопроса по определению жилого помещения, подлежащего исключению в деле о банкротстве в качестве единственного жилья при наличии в собственности должника нескольких жилых помещений, необходимо руководствоваться тем, что, независимо от поведения должника (кроме случаев явного злоупотребления, когда возможен отказ в защите права) и имущественных интересов кредиторов, защита конституционного права на жилище является приоритетной.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2021 N 307-ЭС21-8025 по делу N А56-7844/2017 // СПС «Гарант».

Библиографический список

1. Карасев, А.Т. Защита конституционного права на жилище в исполнительном производстве / А.Т. Карасев, В.А. Мещерягина // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – N 5. – С. 12-18.
2. Колбина, В.А. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве / В.А. Колбина, Е.Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17. – N 1. – С. 69-81.
3. Лагунова, Е.А. О действии принципа исполнительского иммунитета в делах о банкротстве граждан в аспекте конституционных положений о защите семьи и праве на жилище / Е.А. Лагунова // Российский судья. – 2021. – N 10. – С. 60-64.
4. Мандрыка, Е.В. Защита конституционного права на жилище при обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника в контексте правоприменения / Е.В. Мандрыка, Н.Н. Мандрыка // Семейное и жилищное право. – 2021. – N 3. – С. 38-41.
5. Марценюк, А.Г. Защита единственного жилья при банкротстве гражданина: проблемы правоприменения / А.Г. Марценюк // Пролог: журнал о праве. – 2022. – N 2(34). – С. 57-64.
6. Плешаков, Е.А. Новые гарантии защиты прав гражданина при изъятии единственного жилья в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) / Е.А. Плешаков, М.И. Просвирнина // Вестник арбитражной практики. – 2023. – N 3(106). – С. 60-65.
7. Плешанова, О.П. Единственное или не единственное: два режима заложенного жилья при банкротстве гражданина / О.П. Плешанова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – N 10. – С. 13-23.
8. Прудникова, А.Е. Принцип недопустимости произвольного лишения жилища: реализация и отражение в судебной практике / А.Е. Прудникова, П.И. Ургарчева // The Scientific Heritage. – 2020. – N 56-5(56). – С. 31-34.
9. Слабоспицкий, А.С. Исполнительский иммунитет при банкротстве должника / А.С. Слабоспицкий, Д.А. Соловьева // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2023. – N 3(39). – С. 31-38.
10. Харитонова, Ю.С. Исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота / Ю.С. Харитонова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – N 5. – С. 26-31.

УДК 34(091) (470) : 351.74

Сергей Петрович ШАТИЛОВ,
доцент кафедры гражданского и уголовного права
Сибирского государственного университета путей
сообщений (г. Новосибирск), доцент кафедры
правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин института
истории, социальных коммуникаций и прав
Алтайского государственного педагогического
университета (г. Барнаул),
кандидат юридических наук, доцент
shatilov_sp@mail.ru

Оксана Анатольевна ШАТИЛОВА,
доцент кафедры гражданского и уголовного права
Сибирского государственного университета путей
сообщений (г. Новосибирск),
кандидат исторических наук, доцент
shatilova_oa@mail.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ,
НАПРАВЛЕННАЯ НА БОРЬБУ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ,
БЕЗНАДЗОРНОСТЬЮ И ПРЕСТУПНОСТЬЮ, В 1944-1946 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

**THE ACTIVITIES OF STATE BODIES AND THE SOCIETY AIMED AT COMBATING
CHILD HOMELESSNESS, NEGLECT AND CRIMINALITY IN 1944-1946.
(BASED ON MATERIALS FROM THE ALTAI TERRITORY)**

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ деятельности органов государственной власти и общественности, направленной на борьбу с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, в Алтайском крае в последние годы Великой Отечественной войны и начале послевоенного периода, рассматриваются основные формы и методы, применяемые при решении задач минимизации детской беспризорности и безнадзорности в крае, а также результаты указанной деятельности.

Based on archival materials, the authors provide a historical and legal analysis of the activities of state authorities and the society aimed at combating child homelessness, neglect and crime in the Altai Territory in the last years of the Great Patriotic War and the beginning of the post-war period; the authors examine the main forms and methods for minimizing child homelessness and neglect in the Altai Territory, as well as the results of such activity.

Ключевые слова: органы государственной власти, беспризорность, безнадзорность, детские приемники-распределители, детские комнаты милиции, детские учреждения, детские дома, Великая Отечественная война.

Keywords: public authorities, homelessness, neglect, children's distribution centers, police children's rooms, children's institutions, orphanages, the Great Patriotic War.

Как нам представляется, одним из важных аспектов изучения органов государственной власти является проведение исследования пограничных исторических этапов их деятельности. Вне всякого сомнения, одним из таких периодов являются последние годы Великой Отечественной войны и переход к мирной жизни.

Деятельность государственных органов в чрезвычайных условиях была направлена на создание условий, способствовавших победе Союза Советских Социалистических Республик над фашистской Германией. При переходе к мирной жизни деятельность государственных органов подверглась существенной корректировке в различных сферах государственной деятельности.

Органы государственной власти принимали активные меры, направленные на помощь детям, оставшимся без родителей. Советское государство проводило взвешенную и, как следствие, эффективную политику по взаимодействию государственных органов и общественности в области оказания помощи детям и их поддержке. В исследуемый период борьба с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью продолжала оставаться одним из приоритетных направлений деятельности государства.

Данное направление деятельности государственных органов и общественности регулировалось нормативными правовыми актами, принятыми как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период: постановлениями СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»¹, от 15 июля 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»², приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 25 июня 1945 г. «С объедине-

нием положения о детских приемниках-распределителях НКВД»³ и др.

В нормативных правовых актах указывался ряд субъектов, осуществлявших деятельность, направленную на борьбу с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью: правоохранительные и партийные органы, учебные и досуговые учреждения, трудовые коллективы и т.д. Именно эффективное их взаимодействие, направленное на улучшение профилактической работы, заключающейся в выявлении беспризорных и безнадзорных детей, помещении их в специализированные учреждения, окружении заботой, по мере возможностей материальным обеспечением, в конечном итоге их трудоустройстве, способствовали снижению уровня детской беспризорности, безнадзорности и преступности в Алтайском крае. Так, в 1944 г. были задержаны 7370 детей разных возрастов, из них беспризорных – 2615 и безнадзорных 4955 человек, а в 1945 г. число задержанных снизилось до 4550 человек⁴.

При этом следует учитывать, что на снижение уровня детской беспризорности, безнадзорности и преступности повлияли внешние факторы, а именно: реэвакуация детских учреждений в освобожденные регионы СССР, где они размещались до войны, а также возвращение на Родину семей, имевших в том числе несовершеннолетних детей. Так, сеть детских домов и интернатов по сравнению с 1944 г. по Алтайскому краю уменьшилась с 122 до 111 с наличием в них 11803 детей за счет реэвакуации 11 детских домов. Данные обстоятельства, в свою очередь, привели к снижению побегов из детских домов и интернатов. В 1944 г. были зарегистрированы 667 побегов, в 1945 г. – всего 130⁵.

В рассматриваемый период произошло сокращение ремесленных училищ: по краю к

1 Справочник по законодательству для исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся / ред. Д.С. Карев, Н.Б. Свирская. М.: Госюриздат, 1955. Т.2. С. 321.

2 Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. – 1 мая 1943 г. / Народ. Комиссариат юстиции СССР. М.: Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1943. С. 127.

3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 188. Л. 180-191 об.

4 Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУВД по АК). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1-469. Л. 59.

5 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 217.

началу 1944 г. их насчитывалось 17, к концу года – 12, школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) к началу 1944 г. насчитывалось 12, а к концу года – 11. Общий контингент учащихся составил 4583 человек. По ремесленным училищам и школам было зарегистрировано побегов: в 1944 г. – 353, в 1945 г. – 305¹.

Вне всякого сомнения, важнейшая роль в борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью в рассматриваемый период продолжала принадлежать УНКВД по Алтайскому краю.

По инициативе УНКВД проводились совещания, на которых рассматривались вопросы улучшения бытовых условий и учебно-воспитательной работы. По этим вопросам принимались решения по линии крайисполкома, обязывающие райисполком контролировать работу детдомов, ремесленных училищ, школ ФЗО, оказывая им одновременно с этим всестороннюю помощь по воспитанию детей².

При УНКВД по Алтайскому краю продолжал функционировать отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, одним из направлений его деятельности было проведение обследований учреждений Наркомпросса и трудовых резервов. В результате такой работы определялись материально-бытовые условия учащихся, о чем информировались крайком ВКП(б) и крайисполком³.

В рассматриваемый период детские приемники-распределители продолжали выполнять следующие задачи: занимались всесторонним изучением детей в целях их дальнейшего устройства; осуществляли воспитательную работу с детьми; повышали санитарно-гигиеническую и бытовую культуру; проводили работу по розыску родителей, иных родственников, а также опекунов и попечителей, кроме того создавали условия для возвращения детей в семью; выявляли лиц, занимающихся подстрекательством к

совершению преступлений и вовлечением детей в занятия беспризорностью и безнадзорностью, сообщали об этом органам прокуратуры и милиции с целью их привлечения к юридической ответственности; вели учет прибывших детей; устанавливали причины детской беспризорности, безнадзорности и принимали меры к их устранению [3, с. 12].

Деятельность приемников-распределителей в исследуемый период выглядела следующим образом: прибыли в 1944 г. 3619 человек, в 1945 г. – 2690, в том числе беспризорных в 1944 г. – 2163, в 1945 г. – 939, безнадзорных в 1944 г. – 1456, в 1945 г. – 1751; выбыли в течение года в 1944 г. 889 человек, в 1945 г. – 710, из них переданы родным в 1944 г. 889 человек, в 1945 г. – 710, направлены в трудовые воспитательные колонии в 1944 г. 182 человека, в 1945 г. – 71, в детские дома в 1944 г. – 1258, в 1945 г. – 1229, трудоустроены в колхозы и совхозы в 1944 г. – 39, в 1945 г. – 69, трудоустроены в промышленные предприятия в 1944 г. – 762, в 1945 г. – 193, направлены в ремесленные училища и школы ФЗО в 1944 г. – 250, в 1945 г. – 217 человек, направлены в другие учреждения в 1944 г. – 132, в 1945 г. – 65; умерли в 1944 г. – 3, в 1945 г. – 2; бежали в 1944 г. – 109, в 1945 г. – 59⁴.

Приведенные данные говорят об уменьшении количества лиц, поступивших в детские приемники-распределители в течение 1945 г. по сравнению с 1944 г.

Техническое состояние всех детских приемников-распределителей (наличие в них комнат для занятий, красных уголков, медицинских стационаров, бань-прачечных) вполне соответствовало своему назначению для работы детских учреждений.

В течение 1945 г. детские приемники-распределители Алтайского края обеспечивались вполне удовлетворительно вещевым довольствием. В основном обеспечение проходило за счет нарядов отдела центра. Про-

1 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 219.

2 Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУВД по АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 7а. Л. 75.

3 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1-469. Л. 67.

4 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 122.

дуктами питания все детские приемники-распределители были обеспечены в полном объеме. Однако культспортинвентарь имелся в недостаточном количестве, художественной литературы также не хватало, так как в годы войны библиотеки не пополнялись, а многие книги имели большой износ. В целом в детских приемниках-распределителях имелось в наличие от 80 до 200 книг¹.

Учебно-воспитательная работа с воспитанниками строилась на основе месячных планов, содержание ее сводилось к следующему: проведение бесед о знаменательных датах календаря, биографические очерки вождей партии и правительства, беседы врача о режиме дня и правилах внутреннего распорядка, работа различных кружков, оформление стенных газет.

Детскими приемниками-распределителями составлялись характеристики на воспитанников, которые передавались в детские дома и для трудоустройства.

Детей во время их пребывания в детских приемниках-распределителях обучали различным видам трудовой и хозяйственной деятельности.

При поступлении детей в детприемник с целью изучения их личности проводили опрос и на основании установленных данных немедленно направляли запросы в соответствующие отделения милиции, Советы Депутатов трудящихся. При установлении адреса и места жительства родителей ребенок возвращался в семью. Всего за 1944-1945 г. были переданы родителям 1599 детей².

Аналогичные запросы направлялись в детские дома, ремесленные училища, школы ФЗО. Детские приемники-распределители поддерживали постоянную связь с трудоустроенными детьми. Бывшие воспитанники в праздничные и нерабочие дни часто посещали детские приемники-распределители. В

Бийском и Барнаульском детских приемниках-распределителях ежемесячно было от 6 до 8 таких посещений. Поддерживалась связь и с бывшими воспитанниками, выбывшими из детских приемников-распределителей, посредством переписки. Особенно много писем получал Бийский детский приемник-распределитель от бывших воспитанников, которые уже стали взрослыми, вполне самостоятельными людьми. Письма получали также и от родителей, с благодарностью за воспитание их детей. Неоднократно в местной печати г. Бийска отражались положительные отзывы о детских приемниках³.

Немаловажная роль в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью принадлежала детским комнатам милиции. Только в 1944 г. через детские комнаты милиции прошли 1152 человека, из них беспризорных – 260, безнадзорных – 892⁴. В 1945 г. в Алтайском крае действовали 5 детских комнат милиции в городах Барнауле, Бийске, Славгороде, Рубцовске, Ойрот-Туре⁵.

У органов государственной власти вызвала большую озабоченность криминализация подростковой среды. Основными причинами правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, являлись беспризорность или безнадзорность, тяжелое материальное положение в семье, отсутствие контроля со стороны родителей, опекунов и работников учебных учреждений, подстрекательство взрослых, которые использовали неустроенных детей в преступных целях, и др. [1, с. 166]

Во исполнение постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. N 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» в областных и краевых НКВД стали создаваться отделения (группы) по борьбе с детской преступностью и хулиганством [2, с. 85]. Так, в Алтайском крае приказом начальника УНКВД от 14

1 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 92.

2 Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД по Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУВД по АК). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1-469. Л. 174.

3 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 176.

4 Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД по Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУВД по АК). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1-469. Л. 78.

5 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 149.

июля 1943 г. № 1022 в г. Барнауле было создано отделение по борьбе с детской преступностью и хулиганством в составе отдела уголовного розыска управления милиции УНКВД Алтайского края¹. В этот же день другим приказом УНКВД Алтайского края – № 1924 – была создана группа по борьбе с детской преступностью и хулиганством в Бийском горотделе милиции УНКВД Алтайского края².

На отделения (группы) по борьбе с детской преступностью и хулиганством возлагалось выполнение следующих задач: предотвращать преступность среди несовершеннолетних всеми законными средствами; проводить работу по недопущению организации преступных группировок среди несовершеннолетних; постоянно проводить анализ состояния уголовной преступности среди несовершеннолетних; устанавливать причины и принимать меры к их устранению; разрабатывать мероприятия, направленные на предупреждение и ликвидацию детской преступности; проводить превентивные меры, а также пресекать готовящиеся и раскрывать совершенные преступления. При подготовке мероприятий по борьбе с детской преступностью и хулиганством отделениям (группам) необходимо было взаимодействовать с другими правоохранительными органами [подр.: 4]. Данные подразделения продолжали работу и в исследуемый период.

В процессе этой деятельности сотрудниками уголовного розыска, участковыми уполномоченными использовался агентурный аппарат для выявления преступных лиц, склонных к организации преступлений несовершеннолетних. Весь комплекс этих мероприятий позволил снизить рост беспризорности и безнадзорности, а также сократить количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Как свидетельствуют архивные материалы, важным итогом работы милиции является тот факт, что среднегодовой удельный вес детской преступности в Алтайском крае снижался. Так, за 1944 г. были зарегистрированы 1044 преступления, совершенных несовершеннолетними, по которым были привлечены к уголовной ответственности 750 человек, а в 1945 г. – 387 преступлений, по которым привлечены к уголовной ответственности 369 несовершеннолетних³. Если в 1944 г. имелись факты участия несовершеннолетних в разбое, сопряженном с убийством, в крупном групповом организованном хищении социалистической собственности, то в 1945 г. таких серьезных преступлений со стороны несовершеннолетних зарегистрировано не было.

В 1944 г. были зарегистрированы 263 случая совершения учащимися преступлений, в том числе 69 случаев – учащимися школ Наркомпроса, остальные – учащимися школ трудового резерва⁴. За 1945 г. были зарегистрированы только 38 случаев преступлений, совершенных учащимися школ Наркомпроса, и 97 случаев – учащимися школ трудовых резервов⁵.

Снижение роста детской беспризорности, безнадзорности и преступности было обусловлено в первую очередь усилением репрессивных мер в отношении лиц, подстрекающих детей к беспризорности и совершению преступлений. За 1944 г. были привлечены к юридической ответственности 1948 таких лиц, в том числе к уголовной ответственности 177 человек, в 1945 г. – 1690 человек, из них преданы суду 178 человек⁶.

Прокуратура Алтайского края также уделяла пристальное внимание работе, направленной на борьбу с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, осуществляя общий надзор за соблюдением

1 Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУВД по АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 7а. Л. 153.

2 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7а. Л. 167.

3 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7а. Л. 139.

4 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7а. Л. 141.

5 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 138.

6 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 227.

законности и правильностью действий правоохранительных органов, в том числе и органов милиции в данном направлении деятельности. В 1945 г. народными следователями прокуратуры г. Бийска были расследованы 5 уголовных дел с участием несовершеннолетних, 11 – уголовных дел милицией, из 16 дел прокурор города участвовал при рассмотрении в суде 13 уголовных дел¹. Прокурор края требовал от подчиненных активизировать борьбу с преступностью среди несовершеннолетних путем проведения профилактических мероприятий по предупреждению преступлений путем постановки принципиальных вопросов перед директивными органами, осуществлять надзор за деятельностью органов милиции по выполнению постановления ЦК ВКП(б) и СНК от 31 мая 1935 г. «Об усилении борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью», обращая особое внимание на выполнение ст. 18, 20 данного нормативного правового акта, где говорилось о том, что органы милиции обязаны штрафовать родителей за хулиганские проступки, совершаемые их детьми, и информировать об этом общественные организации по месту работы родителей².

Органы прокуратуры осуществляли постоянный надзор за законностью в деятельности работников милиции при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних. При необходимости требовали обеспечивать расследование уголовных дел этой категории качественно в установленные сроки в соответствии с законодательством³.

Прокуратура Алтайского края также проводила работу по надзору за соблюдением законности органами опеки и попечительства, детскими домами, комиссией по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и т.д.

Кроме того, в своих приказах прокурор Алтайского края требовал от городских и районных прокуратур ежемесячно проверять работу комиссии по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью при райгорисполкомах, осуществлять надзор за законностью в деятельности органов опеки и попечительства, детских домов, при необходимости оказывать им практическую помощь.

Требовалось также систематически проводить надзорную деятельность за законностью расходования продовольственных и промышленных товаров, проступавших для воспитанников детских домов (на основании приказа Прокурора СССР от 28 июля 1945 г.), а также за правильным воспитанием детей в детских домах⁴.

Прокуратурой края постоянно проверялось исполнение Указа Президиума Верховного Совета от 14 июля 1942 г. «О продолжительности рабочего дня для подростков от 14 до 16 лет»⁵. Так, сотрудниками прокуратуры г. Бийска в течение 1945 г. были проверены условия труда несовершеннолетних на 7 предприятиях⁶.

Немаловажная роль в борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних принадлежала краевому комитету ВКП(б). Так, решением от 10 марта 1945 г. N 387 он обязал краевые, городские, партийные и общественные организации включиться в работу по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, усилить воспитательную работу среди учащихся с привлечением к этой работе и родителей⁷.

Одними из эффективных мер предупреждения детской беспризорности, безнадзорности являлась работа детских внешкольных учреждений: домов пионеров, которых в крае насчитывалось 2, кукольных и детских теа-

1 Архив прокуратуры Алтайского края. Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 8. Л. 210.

2 Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 8. Л. 211.

3 Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 8. Л. 296.

4 Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 8. Л. 211.

5 Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 8. Л. 186.

6 Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 8. Л. 210.

7 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 223.

тров, кинотеатров, которые имелись во всех городах края (общих для взрослых и детей), в этих кинотеатрах проводились специальные детские сеансы в дневное время, в крае работали 2 детские технические станции, в городах Бийске, Барнауле.

Все эти меры увеличили охват детей работой внешкольных учреждений, в 1944 г. всего были охвачены 15250 человек, в 1945 г. – 20100, в 1946 г. – 29240¹.

В целях предупреждения детской беспризорности, безнадзорности и преступности в крае проводился ряд мероприятий партийными, советскими, комсомольскими, профсоюзными и другими общественными организациями.

Для более широкого привлечения общественности к участию в работе по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в обсуждении докладов на совещаниях директоров ремесленных, железнодорожных училищ, школ привлекались секретари партийных и комсомольских организаций.

Кроме того, вопросы по снижению детской беспризорности, безнадзорности и преступности обсуждались на заводах № 17, 77, 662, стройгаз, меланжевом комбинате. В г. Бийке был озвучен по радио доклад «О борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью»².

Через органы народного образования и торговые организации было произведено обеспечение детей, нуждающихся в одежде и обуви, что привело к сокращению не обучающихся детей школьного возраста. Количество не охваченных школьным обучением детей в 1944 г. составило 18374 человека, в 1945 г. их уже было 10921 человек³.

В работе по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности в Алтайском крае активное участие принимала краевая комиссия по устройству детей. В состав комиссии входили представители крайисполкома, УНКВД, милиции, районо, крайздраотдела, прокуратуры и трудовых резервов. Помимо устройства детей комиссия занималась вопросом борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Аналогичные комиссии были созданы в районных центрах и городах.

Краевой комиссией в течение 1944-1946 гг. были проведены 17 заседаний, на которых были заслушаны отчеты райкомиссий: Топчихинской, Барнаульской, Тальменской и др.⁴ По решению этих заседаний была оказана помощь патронированным детям, выделено 100 тысяч рублей для приобретения одежды и обуви, 10000 метров мануфактуры, а также различных вещей в количестве 31163 шт.⁵

Все вышеизложенное дает нам основание сделать вывод о том, что к снижению детской беспризорности, безнадзорности и преступности привели эффективная профилактическая работа, проводимая сотрудниками правоохранительных органов, сотрудничество в вопросах взаимодействия органов публичной власти и общественности в данном направлении деятельности, улучшение воспитательной работы в учебных заведениях и трудоустройстве детей, улучшение материально-бытовых условий детей, чему в исследуемый период уделялось большое внимание руководством страны.

1 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 226.

2 Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУВД АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 94.

3 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 98.

4 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 109.

5 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 128.

Библиографический список

1. Ашин А.А. Особенности исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних (1941-1945 гг.) / А.А. Ашин // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – №3. – С.164-169.
2. Зауторова, Э.В. Уголовно-исполнительная политика Российского государства в отношении несовершеннолетних осужденных в годы Великой Отечественной войны / Э.В. Зауторова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – N 1(29). – С. 83-86.
3. Индриков, З.Я. Организация и деятельность детских комнат милиции как органов социальной профилактики правонарушений несовершеннолетних (1935-1937) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.Я. Индриков. – М., 1981. – 20 с.
4. Шатилов, С.П. Органы милиции в реализации правоохранительной функции Советского государства в период Великой Отечественной войны : монография / С.П. Шатилов. – Барнаул, 2008. –255 с.

УДК 341

Олег Павлович ГРИБУНОВ,
первый проректор-проректор по научной работе
Байкальского государственного университета
(г. Иркутск),
доктор юридических наук, профессор
gribunov@mail.ru

Елена Евгеньевна СТЕПАНОВА,
заведующий отделом научной информации,
издательской деятельности
и библиографического обеспечения
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
kanuzelena@inbox.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

POLICE ACTIVITY IN IRKUTSK PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Статья посвящена исследованию вопросов становления полицейской службы в регионах нашей страны, обусловленному спецификой внедрения законодательных актов в отдаленных районах российского государства и наличием дополнительных условий для работы полицейских органов Иркутской губернии в связи с тем, что данный регион был местом уголовной и политической ссылки. Результаты исследования позволили определить факторы отставания полицейских реформ и преобразований на территории Сибири в XIX – начале XX вв. и в Иркутской губернии в частности, выявить неоднородную структуру полицейских органов в период от начала их формирования до революционных событий 1917 года. Обосновывается вывод о влиянии недостаточной материальной обеспеченности деятельности полицейских структур, удаленности Иркутской губернии от европейской части России, наличия ссылных и противодействия местных чиновников и влиятельных лиц изменениям, оказавшемся решающим в вопросе формирования полицейских структур в XIX – начале XX вв. Отмечается запаздывание повышения эффективности деятельности полицейских Иркутской губернии и освобождение их от административно-хозяйственных функций по сравнению с аналогичными структурами европейской части России.

The article is devoted to the study of issues of the formation of the police service in the regions of our country, due to the specifics of the implementation of legislative acts in remote areas of the Russian state and the presence of additional conditions for the work of the police bodies of the Irkutsk province due to the fact that this region was a place of criminal and political exile. The results of the study made it possible to determine the factors of lagging in police reforms and transformations in Siberia in the 19th – early 20th centuries and in the Irkutsk province in particular, to show the heterogeneous structure of police bodies in the period from the beginning of their formation to the revolutionary events of 1917. The conclusion is substantiated about the influence of insufficient material support for the activities of police structures, the remoteness of the Irkutsk province from the European part of Russia, the presence of exiles and the opposition of local officials and influential persons to the changes that turned out to be decisive in the formation of police structures in the 19th – early 20th centuries. It is noted that there is a delay in increasing the efficiency of the activities of police officers in the Irkutsk province and their release from administrative and economic functions in comparison with similar structures in the European part of Russia.

Ключевые слова: Иркутская губерния, полицейские органы, полиция, Сибирь, жандармерия, казачество, пожарная служба, полицейская реформа.

Keywords: Irkutsk province, police bodies, police, Siberia, gendarmerie, the Cossacks, fire service, police reform.

Рассматривая вопрос формирования полицейских органов, в том числе и в Иркутской губернии, надлежит отметить, что его дореволюционный характер отличается отсутствием четкого отделения исполнительной власти от административной и от действия правоохранительных органов. Для регионов российского государства и по сей день остается вопрос наполнения полицейских органов профессиональными кадрами и их достойного материального обеспечения. Профессионализм кадров тесно связан с вопросом формирования полиции как отдельного, самостоятельного органа с четко определенными функциями и задачами. Кроме того, вторая половина XIX в. для России стала началом формирования правового государства, что в том числе не могло не отразиться и на правоохранительных структурах.

Рассмотрим формирование полицейских органов в свете следующих аспектов:

– переход от феодальной организации охранительных структур к полиции, формируемой на профессиональной основе;

– влияние на деятельность полицейских органов использования Иркутской губернии в качестве места ссылки;

– вопросы материального обеспечения полиции и формирование профессиональных навыков ее сотрудников.

Для Иркутска правовое оформление полицейских органов начинается с середины XVIII в. с появлением Сенатского указа от 17 октября 1757 г., и Главная полицмейстерская контора утверждает секунд-майора Якутского полка И.И. Замошикова в качестве первого иркутского полицмейстера. Каких-либо официальных актов, указывающих на существование полицейских органов до этого периода, не найдено, есть только

отдельные свидетельства о существовании таковых в 30-е гг. XVIII века [9, с. 208]. Укомплектование полицейской команды происходило из числа иркутских мещан. Деятельность И.И. Замошикова характеризовалась как положительными, так и отрицательными отзывами. Например, И.И. Замошиков отстаивал интересы купечества, выступая против злоупотреблений сенатского ревизора П.Н. Крылова, действовал решительно, но в отношении простых граждан мог быть суров [1, с. 25]. В своей должности первый полицмейстер пробыл не более 6 лет, так как по документам о приобретении городским общественным управлением пожарной трубы, построенной по требованию И.И. Замошикова, он уже не служил в иркутской полиции¹.

Изменения в административном делении Иркутска и Иркутской губернии отражались и на полиции ввиду еще неполного отделения полицейских функций от административных. Так, разделение Иркутска на части именованное указом Павла I от 27 декабря 1797 г., утвердившим соответствующее распоряжение иркутского коменданта, повлекло и реорганизацию полицейских органов. Отсутствие центрального органа управления полицией в начале XIX в. было причиной многообразия организации органов с полицейскими функциями, однако уже к середине XIX в. формируется административно-полицейская вертикаль власти: безопасность в губернии была под контролем губернатора и губернских правлений.

Следующим важным правовым актом стало «Сибирское учреждение» 1822 г., подготовленное по предложению М.М. Сперанского, который хотел «дать Сибири особое управление» [3, с. 31].

М.М. Сперанский занялся вопросом упорядочивания сибирской ссылки: под его

1 Государственный архив Иркутской области. Ф. 70. Оп. 1. Д. 5. Л. 533.

руководством были разработаны Уставы 1822 г.¹ о ссыльных и об этапах, которые выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу [7, с. 159].

К началу второй половины XIX в. по-прежнему оставалась разница и в организации, и в обеспечении полицейского аппарата Сибири и европейской части России. Структура полиции в Иркутской губернии была сформирована подразделениями общей полиции, жандармерии, горно-полицейской стражи и казачьего дивизиона. Городские полицейские управления существовали во главе с иркутским полицмейстером, а окружные полицейские управления – во главе с исправниками.

Что касается казаков, то отсутствие военных действий закономерно привело к передаче им ряда полицейских функций, и в 1892 г. Иркутский казачий дивизион был передан под управление Министерства внутренних дел, которое стойко сопротивлялось попыткам военных и гражданских властей упразднить данное формирование [4, с. 5].

Негативные факторы в длительности полиции к середине XIX века были следующими:

- полиция Иркутской губернии была наделена достаточно большим объемом административно-хозяйственных полномочий;
- малочисленность состава полицейских органов относительно обслуживаемой ими территории: на один уезд, который по размерам мог превосходить губернию в Европейской части страны, был один исправник с помощником и несколькими земскими заседателями;
- низкие оклады, отсутствие социальных гарантий.

Несмотря на низкую эффективность окружных управлений, их упразднение затягивалось. В 1862 г. были приняты, но не распространены на Сибирь «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по Общему Учреждению управле-

ных»². И только в 1867 г. законом «О преобразовании полиции в Сибири» упразднились Общие окружные управления. С этого года стали действовать полицейские управления Восточной и Западной Сибири. Одной из целей данного закона, помимо повышения эффективности полицейских органов, было приближение их структуры к общероссийской. По-прежнему оставалась проблема выполнения полицией не свойственных ей функций и низкая оплачиваемость полицейской работы. Данный закон никоим образом не касался вопросов подчиненности и предметов ведомства, распределения обязанностей и порядка действий полицейских органов.

В 1873 г. сформировалась практика комплектования полицейских и пожарных команд на основе свободного найма, ранее для этого привлекались лица из городских казаков. Этому способствовал императорский именной указ «Об установлении нового порядка комплектования полицейских и пожарных команд»³.

Следующими значительными, но затянувшимися по сравнению с европейской частью России преобразованиями в полицейском аппарате Сибири стали:

- введение в 1898 г. института земских начальников (в центральных губерниях это было сделано на 10 лет раньше), что позволило упростить взаимодействие полиции с крестьянским населением;
- учреждение в трех из пяти уездах Иркутской губернии полицейской стражи только к 1916 г. (в европейской России полицейская стража формировалась в 1903 г.).

В начале XX в. начинает нарастать социальная напряженность в российском обществе, что приводит к усилению криминогенной обстановки. В этот период принимается и распространяется на всю Россию закон 1908 г. «Об организации сыска части». Непосредственно в Иркутской губернии было создано сыское отделение третьего разряда [2, с. 12].

1 Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. 38. N 29128. С. 433.

2 Там же. Собрание 2. Т. 37. Ч. 2. СПб., 1876. N 39087. С. 588.

3 Там же. Собрание 2. Т. 48. Ч. 2. СПб., 1876. N 52438.

В составе полиции можно выделить специализированные формирования, деятельность которых имела большое значение для обеспечения общественного порядка. Так, до 1900 г. за счет денежных средств золотопромышленников содержалась казачья полиция. Вместо нее была сформирована горно-полицейская стража, которая:

– комплектовалась добровольцами, прошедшими службу в армии, что формировало достаточно высокую эффективность в вопросах обеспечения безопасности и общественного порядка;

– имела основную обязанность в виде пресечения и расследования хищений золота.

Одной из главных целей формирования горно-полицейской стражи было выведение полиции из материальной зависимости от золотопромышленников, однако и выполнение полицейских функций этим формированием было на высоком уровне.

В составе городской полиции вплоть до 1917 г. просуществовали пожарно-полицейские формирования. Непосредственно для Иркутской губернии в ее укомплектовании использовались ссыльные. Годом основания противопожарной команды Иркутской губернии стал 1814 г., когда 10 июня генерал-губернатор Николай Иванович Трескин подписал указ «О содержании пожарной части в губернском городе Иркутске». К концу XIX в. в Иркутске существовали 4 пожарно-полицейские части и только в 1914 г. пожарные команды были выведены из состава полиции.

После событий 1905 г. штат полиции был увеличен, однако проблема финансирования легла на местный бюджет, который не был к этому готов. Циркуляр от 24 мая 1908 г. обязал губернаторов и градоначальников расходы на содержание новых полицейских формирований покрывать за счет средств местного бюджета. В обязанности городских властей входило квартирное довольствие, вооружение и лечение сотрудников полиции [8, с. 56].

Существование проблемы материальной обеспеченности сотрудников полиции поро-

ждало коррупцию в ее рядах. Очень долго переходу к профессиональной деятельности полиции мешала некавалифицированность кадров, теснейшим образом связанная с невозможностью обеспечения достойного материального, социального и образовательного уровня сотрудников полиции. Высокий уровень коррупции в Сибири объяснялся также необыкновенно сильной бюрократизацией системы полицейского управления и особым социальным составом населения [5, с. 35].

Проблемы финансирования отражались и на деятельности пожарных команд. Так, первое помещение для данной структуры было построено только в 1860 г., а проблему обеспечения деятельности данной структуры в составе полиции начали плотно решать только после пожара 1879 г. силами городских властей и купцов [6, с. 110].

В марте 1917 г. в связи с революционными событиями в Российском государстве полиция была упразднена. Было объявлено о ее замене на народную милицию, включая избираемые должности в руководящем составе. Положение «Об учреждении милиции» было утверждено правительством 17 апреля 1917 г.¹ Сотрудники полиции были разжалованы и направлены на фронт. Распространилась волна преступности, чему способствовала амнистия, предоставленная Временным правительством. Все уголовники различных категорий были освобождены из тюрем как «жертвы самодержавия» по решению правительства.

Рабочая милиция полностью и исключительно подчинялась Совету рабочих и солдатских депутатов. Военные и гражданские власти были обязаны оказывать поддержку в вопросах вооружения и технического обеспечения рабочей милиции. В указании не предусматривались единые организационные формы для милицейского аппарата. 12 октября 1918 г. НКВД РСФСР утвердил инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», закрепившую правовые основы функционирования милиции как штатного государственного органа

1 О рабочей милиции : постановление НКВД РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. 1 дек. (N 1).

по поддержанию общественного порядка. В 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет «О советской рабоче-крестьянской милиции», а в 1920 г. было представлено первое положение о ней.

В период с 1917 по 1920 гг. милиция прошла эволюцию от добровольной, выборной и непрофессиональной структуры, представленной рабочей милицией, к профессиональному штатному государственному органу, ответственному за обеспечение общественного порядка.

10 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение, регулирующее деятельность рабоче-крестьянской милиции, в котором был обобщен и закреплён законодательный опыт формирования милиции как органа исполнительной власти. Процесс документирования деятельности советской милиции достиг нового уровня.

Закреплялся статус милиции как «вооружённых частей особого назначения со всеми соответствующими правами и обязанностями». Народный комиссариат по военным делам имел право привлекать милиционеров к участию в боевых операциях на фронтах. После окончания военных действий на территории района они возвращались к выполнению своих прямых обязанностей. В Положении о милиции подчеркивалось, что обеспечение продовольствием, снаряжением, униформой, вооружением и поддержка семей милиционеров осуществлялись за счёт государственного бюджета.

Состав рабоче-крестьянской милиции включал в себя:

- городскую и уездную;
- промышленную (фабрично-заводскую, лесную, горнопромышленную и другие);
- железнодорожную;
- водную (речную, морскую);
- розыскную.

В Положении о рабоче-крестьянской милиции были установлены принципы формирования персонала милиции, который впервые был классифицирован на две группы: персонал командного состава, включающий

следователей, агентов розыска, младших и старших милиционеров, и вспомогательный состав, представленный канцелярскими и техническими работниками, не входившими в численность милиции. Принимались на службу в милицию только те лица, которые достигли 21 года. Каждый принимаемый в милицию гражданин обязывался отслужить не менее года и при поступлении подписывал обязательство честно и добросовестно исполнять свои обязанности, а также безусловно следовать всем поручениям и приказам.

Из доклада 1922 г. начальника управления Иргуброзыска: «Рассматривая деятельность Губрозыска за истекший период времени, начиная с 1 сентября 1921 г., приходится констатировать, что годичная работа протекла интенсивно... По указанным штатам на все Управление Губрозыска и на Уголовно-Розыскной его аппарат, по обслуживанию г. Иркутска, со всеми предместьями, а также всего Иркутского уезда, положено сотрудников всего лишь в количестве 30-ти человек. Из означенного числа 12 чел. положено на канцелярию Управления, а остальные 18, включая в последнее число и командно-административный состав, заключающий в себе: начальника Губрозыска, его помощника, инспектора и помощника последнего, должны нести в себе всю остальную оперативно-розыскную часть работы. Количество агентов по указанным штатам определяется всего в 14 человек, из них 6 агентов должны быть ... Оперативная работа обслуживалась свыше чем 50-ю сотрудниками»¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в первой половине XIX в. предпринимались меры, направленные на централизацию управления полицейскими подразделениями, их специализацию и социальное обеспечение (формирование льгот и преимуществ). Процесс реформирования полицейских органов в Иркутской губернии затянулся до начала XX в., в том числе и по причине противодействия преобразованиям влиятельными чиновниками на местах.

1 Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-56. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 5.

Библиографический список

1. Головачев, П.М. Иркутское лихолетье 1758–1760 гг. / П.М. Головачев ; Издание А.В. Касьянова. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1904. – 45 с.
2. Грозин, С.Ю. Полицейские формирования МВД Иркутской губернии XIX – начала XX веков / С.Ю. Грозин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – N 3 (86). – С. 9-15.
3. Дамешек, И.Л. Сперанский М.М. в Иркутске. 1819-1822 / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 48 с.
4. Качуров, С.Ю. Полицейские формирования МВД в Восточной Сибири XIX – начала XX века (на примере Иркутской губернии) / С.Ю. Качуров. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 106 с.
5. Коновалов, И.А. Кадровое обеспечение и служебная подготовка сотрудников полиции в Сибири в дореволюционный период / И.А. Коновалов // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2015. – N 1 (42). – С. 29-35.
6. Сергеев, М.Д. Иркутск: историко-краеведческий словарь / М.Д. Сергеев. – Иркутск: Сибирская книга, 2011. – 596 с.
7. Сперанский М.М: сибирский вариант имперского регионализма : монография / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Т.А. Перцева [и др.]. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 263 с.
8. Тушемилов, М.В. Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.) / М.В. Тушемилов // Сибирская ссылка : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Иванов, Б.С. Шостакович. – Вып. 5(17). – Иркутск: Оттиск, 2003. – С. 123-135.
9. Шободоев Е.Б. Иркутский полицмейстер И.И. Замошиков // Силовые структуры как социокультурное явление: история и современность : материалы международной научно-практической конференции 7 мая 2001 г. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2001. – С. 208-209.

УДК 343.9

Сергей Геннадьевич ЕРЕМЕЕВ,
ветеран МВД России (г. Красноярск),
кандидат психологических наук, доцент
eremeev.krsk@mail.ru

«СИНИЙ СУИЦИД», СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

«BLUE SUICIDE», CURRENT STATE AND TRENDS

В статье определена сущность «полицейского суицида» и его отдельного проявления – «синего суицида», их соотношение. Рассмотрены предпосылки совершения «синего суицида». Сформирована и представлена типология лиц, прибегающих к «синему суициду». Представлены типовые ситуации, которыми может воспользоваться суицидент при «синем суициде». Представлена характеристика лиц, способных совершить «синий суицид». Обобщены и представлены факторы, способствующие принятию решения о смерти посредством «синего суицида». Предложены перспективные направления исследований по заявленной тематике.

The essence of «suicide by cop», its specific manifestation, the so called «blue suicide» and their relationship are defined in the article. The prerequisites for committing a «blue suicide» are considered. A typology of persons resorting to «blue suicide» is formed and presented. Typical situations which can be used by a suicide to commit a «blue suicide» as well as characteristics of persons capable of committing «blue suicide» are presented in the article. The factors contributing to the decision to die through «blue suicide» are summarized and presented. Prospective directions of research on the topic under consideration are offered by the author.

Ключевые слова: «полицейский суицид», «синий суицид», профилактика суицида, суицид с помощью полицейского, личность лица, совершившего суицид, предотвращение суицида.

Keywords: «suicide by cop », «blue suicide», suicide prevention, suicide with the help of a police officer, personality of the person who committed suicide.

В отечественной науке длительное время разрабатывалось учение о суициде как одном из социально и юридически значимых явлений, имеющих глубокую психологическую природу. В классическом представлении рассматривались общие вопросы суицида и проблема суицида в отдельных профессиях или социальных группах [5; 6].

В отечественной науке, особенно с формированием и становлением психологической службы в органах внутренних дел, уделялось существенное внимание само-

убийствам в органах внутренних дел. Среди ведущих ученых, исследующих данную проблему можно выделить М.И. Марьина, А.Ф. Караваева, Е.В. Петухова, В.Н. Смирнова и др. [3; 4] Авторами исследовались причины суицида, его динамика, способы совершения, разрабатывались способы профилактики и предотвращения самоубийств среди сотрудников органов внутренних дел.

Зарубежная наука также уделяла внимание проблеме суицида в полицейской среде. Термин «полицейское самоубийство»

(или «синий суицид») появился в зарубежных источниках еще во второй половине XX века [8]. Ученые и полицейское сообщество было обеспокоено фактами, когда полицейские лишали себя жизни [1]. В подавляющем большинстве случаев это было вызвано кризисными состояниями, постоянным воздействием стресса, отсутствием своевременной квалифицированной психологической поддержки.

Следует отметить, что к стрессорам, влияющим на принятие решение о самоубийстве, относят не только профессиональные, но и внешние факторы: политические, социальные, экономические и др. Многолетняя статистика указывает на то, что показатели суицида в полицейской профессии превышают аналогичные показатели иных профессий. Отличительной особенностью «полицейского самоубийства» является отсутствие длительного предсуицидального периода и борьбы с негативными состояниями. Наоборот, интенсивность действующих раздражителей в профессиональной сфере (вид жертв, страданий, трупов, лишений и т.д.) стремительно разрушает защитные личностные механизмы и приводит к негативным последствиям, крайним проявлением которых становится суицид.

Отличительной особенностью отечественного подхода от зарубежного, является то, что работа с самоубийствами носит корпоративный характер. Имеющаяся сегодня система мероприятий основана на функционировании исключительно внутри системы. Зарубежный подход берет вектор на привлечение общественности, политических и социальных институтов¹. Не вдаваясь в подробности, можно указать на то, что оба подхода имеют сильные и слабые стороны.

В последние годы вопросы, связанные с «полицейским суицидом», вновь вызвали значительный интерес общественности и научного сообщества за рубежом. Причиной этому послужило привлечение внимания к проблеме возросшего числа самоубийств граждан с «использованием» полиции [7]. Такой способ самоубийства определяется поведением человека, решившего покончить жизнь самоу-

бийством, который умышленно провоцирует полицейского на собственное убийство, создавая условия или демонстрируя поведение, в котором полицейский вынужден убить провокатора. Именно такое поведение в зарубежных источниках последних лет стали обозначать как «синий суицид» (синий – от цвета формы полиции), отделив его от «полицейского суицида», разделив, таким образом, термины, которые ранее использовались как идентичные по содержанию.

В классическом представлении подход, в котором человек провоцирует полицейского на убийство, не является самоубийством. Самоубийство – это умышленное лишение себя жизни. Однако комплексный анализ поведения лиц, спровоцировавших полицейских на убийство, позволяет говорить о выборе такого способа (инструмента) самоубийства, как провокация сотрудника полиции. С психологической точки зрения такой способ схож с табельным оружием, удавкой, лезвием, приемом лекарств и т.д.

Имеющаяся практика позволяет сформировать типологию лиц, прибегающих к «синему суициду».

1. Лица, принявшие решение о совершении суицида. Такие лица обдумывают совершение суицида и выбирают способ совершения – провокация полицейского. К такому способу чаще всего прибегают люди, которые не могут самостоятельно совершить задуманное самоубийство, сделать «последний шаг», либо у них были неудачные попытки самоубийства в прошлом и они не доверяют иным методам. Зачастую их желание легко диагностируется после смерти (оружие оказывается не снаряжено боеприпасами или не является боевым), а некоторые открыто объявляют о желании умереть, а в ряде случаев, и о готовности убить при этом как можно больше людей.

2. Лица, не думающие о совершении суицида. Чаще всего к таким лицам относятся преступники, застигнутые на месте совершения преступления. Пытаясь скрыться от полиции или избежать наказания, они принимают

¹ Национальная горячая линия по предотвращению самоубийств : URL: <https://www.bluesuicide.org/> (дата обращения 13.05.2023)

для себя решение, что не хотят оказаться в местах лишения свободы (из-за прошлого негативного опыта либо по иным причинам) и оказывают сопротивление полиции вплоть до их ликвидации. Разновидностью такого типа лиц могут быть заключенные, отбывающие наказание, не имеющие возможности совершить суицид иными способами из-за жестких условий содержания и контроля со стороны администрации и принимающие решение о провокации сотрудников исправительных учреждений на их убийство. Такие лица могут предпринять попытку побега или напасть на сотрудника исправительного учреждения. Выявление желания таких лиц покончить с собой с помощью полицейских представляет большую сложность на этапе, предшествующем реализации их замысла. Такая диагностика требует проведения дополнительных исследований и подготовки рекомендаций действующим сотрудникам по действиям в ситуациях возможной провокации «синего суицида».

Лица, принявшие решение об использовании полицейского в качестве «инструмента» самоубийства, рассчитывают на их типовую реакцию в условиях профессиональной деятельности. К таким ситуациям можно отнести:

- угроза оружием полицейскому или обычному гражданину. При этом в качестве оружия может быть использован макет пистолета, газовое, травматическое или охотничье оружие, нож или заточка, муляж взрывного устройства, учебное оружие, которые внешне не различимы с боевым оружием и в контексте происходящих событий могут восприниматься как источник реальной угрозы;

- непосредственное нападение с оружием на полицейского либо иного человека, а также попытка причинить им вред иным способом без использования оружия. Например, толкнуть под проходящий транспорт в метро, на перроне железнодорожного вокзала или на остановке общественного транспорта, опрокинуть с моста, совершить наезд с помощью транспортного средства и др.

- совершение подготовительных действий к причинению смерти окружающим и игнорирование законных требований сотрудни-

ков правоохранительных органов прекратить эти действия. Например, снаряжение или приведение в готовность взрывного устройства, разлитие горюче-смазочных материалов в опасной близости или непосредственно на людей и (или) их имущество, открытие или повреждение газопровода и др.

Обобщение разрозненных данных позволяет составить усредненную характеристику лиц, совершающих «синий суицид». Так, более 90% составляют мужчины, при этом более 40% из них достигли возраста 35 лет. Число женщин составило менее 6%.

Их личность можно характеризовать следующим образом. Они часто переживают цикличность депрессивных состояний, при этом интенсивность их может быть различна. У таких лиц могут наблюдаться нарушения сна, проблемы с саморегуляцией, расстройство питания, пониженный жизненный тонус. Однако в моменты подъема энергетического и эмоционального потенциала возможны попытки суицида.

В группе риска находятся люди, которые в недавнем времени пережили потери, страдания, фрустрирующие состояния. Чаше всего в таких случаях принятию решения о суициде предшествует чрезмерное употребление алкоголя, возможно, наркотиков, им присуща социальная деградация, разрушение или отрицание социальных норм и ценностей.

Такие люди часто пытаются отыскать дефекты в своей личности, «черствеют» к чужому горю, у них может развиваться чувство неполноценности. В некоторых случаях на принятие решения о суициде влияет поведение и оценка идеализированной личности, которую для себя выбрал человек, склонный к суициду. При этом сам идеал может об этом не догадываться и даже не знать о существовании суицидента. Например, в качестве идеала может быть выбран политический деятель, актер, спортсмен и т.д. Принятие решения о совершении суицида зачастую связано с возникновением яркого аффективного переживания. Ослабленная психика не в состоянии адекватно обработать нахлынувшие интенсивные раздражители, интеллектуальная сфера оказывается подавленной, реше-

ния принимаются на основе ситуационных реакций, эмоционально, без прогноза дальнейших последствий [подр.: 2].

На решение о выборе способа лишения себя жизни посредством сотрудников полиции могут повлиять:

- слабая волевая сфера, когда лицо не уверено, что сможет довести самоубийство до конца без посторонней помощи;

- страх остаться инвалидом. Лицо может изучать способы совершения самоубийства и при этом узнать, к каким последствиям для собственного здоровья это может привести в случае не удавшейся попытки;

- недоступность тех или иных способов совершения самоубийства и их эффективность. Например, отсутствие оружия, невозможность приобретения сильнодействующих лекарственных препаратов и т.д.;

- желание предать суициду публичность. Убийства, совершенные полицейскими, всегда ярко обзвораются в различных средствах массовой информации, что придает «синему суициду» дополнительную привлекательность.

Представленный обзор проблемы позволяет сделать вывод, что наряду с достаточно глубоко исследованным в отечественной и зарубежной науке «полицейским суицидом», когда речь идет о самоубийстве полицейских, широкое распространение в настоящее время получило новое ответвление, которое все чаще именуется как «синий суицид», при котором лица, склонные к суициду, выбирают в качестве «инструмента» самоубийства полицейских, провоцируя их на соответствующие действия в типичных для этого условиях и ситуациях.

«Синий суицид» выходит за рамки корпоративной полицейской проблемы. Профилактика и противодействие ему требует

консолидации усилий не только правоохранительных органов, но и социально-политических институтов, общественных организаций. Успешный опыт такого взаимодействия есть в ряде зарубежных государств, требует детального изучения, возможно, адаптированного к отечественным реалиям заимствования.

Ввиду того, что проблеме «синего суицида» не посвящено сколько-то значимых научных исследований в отечественной науке, перспективными направлениями междисциплинарного научного исследования данной проблемы в ближайшее время видятся:

- выявление, изучение и анализ паттернов или индикаторов поведения лиц, которые без явно выраженной демонстрации пытаются совершить «синий суицид»;

- разработка методических рекомендаций для полицейских по действиям в случае возникновения ситуации, которая может быть определена как «синий суицид»;

- разработка алгоритма взаимодействия отдельных полицейских подразделений и общественных организаций при возникновении угрозы «синего суицида»: привлечение переговорщиков, специализирующихся на данной проблеме, привлечение специальных подразделений, имеющих более высокий уровень специальной подготовки, для нейтрализации лица, покушающегося на «синий суицид» без летального исхода для последнего, принятие либо более широкое внедрение специальных средств нелетального воздействия (электрошокер, резиновые пули, сети ловушки и др.);

- реабилитация или психологическая поддержка полицейских, ставших «инструментом» «синего суицида»;

- разработка инструментов профилактики «синего суицида» и их внедрение через общественные организации.

Библиографический список

1. Андреева, И.А. Проблема суицида в национальной полиции Франции / И.А. Андреева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – N 3 (50). – С. 73-76.
2. Еремеев, С.Г. Информационно-психологическая безопасность личности / С.Г. Еремеев // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : материалы XVI международной научной конференции. – М., 2007. – С. 514-519.
3. Караваев, А.Ф. Психогигиена и психопрофилактика кризисных состояний сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / А.Ф. Караваев, Т.Н. Кильмашкина, И.Г. Медведев. – Кемерово, 2003.
4. Марьин, М.И. Профилактика самоубийств в органах и подразделениях органов внутренних дел : методическое пособие / М.И. Марьин. – М., 2004.
5. Скулшутинг в России: взгляд на проблему исследователей и обывателей / Н.В. Вяткина, Р.И. Шукина, П. Федотова [и др.] // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2023. – N 1. – С. 120-130.
6. Тепляшин, П.В. Причины и профилактика подросткового суицида : криминологический аспект / П.В. Тепляшин, Н.А. Хныкин // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации : сборник трудов VII Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2017. – С. 245-249.
7. Штам, Ф. Новый состав профессионального содействия самоубийству / Ф. Штам // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – N 2. – С. 126-129.
8. Stincelli, Rebecca A. Suicide by cop: victims from both sides of the badge / Rebecca A. Stincelli. – Folsom, Calif: Interviews & Interrogations Institute, 2022.

УДК 345.2

Андрей Викторович БЕЗРУКОВ,
профессор кафедры конституционного,
административного и муниципального права
Юридического института Сибирского федерального
университета (г. Красноярск), профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
abezrukov@bk.ru

Николай Вячеславович СИДОРОВ,
магистрант Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)
nsidorovsfu@gmail.com

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ПРОВОДИМЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

**IMPROVEMENT OF THE SYSTEM
OF REPRESENTATIVE BODIES OF PUBLIC AUTHORITY OF RUSSIA
IN THE CONDITIONS OF ONGOING CONSTITUTIONAL REFORMS**

В статье исследуется сущность и целостность системы представительных органов публичной власти России. На основе анализа Конституции РФ и действующего законодательства определяются принципы и основные направления совершенствования системы представительных органов публичной власти в условиях конституционных преобразований. Обоснована концепция «единства» системы представительных органов публичной власти России. Рассмотрены сущность и формы сотрудничества между представительными органами публичной власти.

The article considers the essence and integrity of the system of representative bodies of public authority in Russia. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation and the current legislation, the principles and main directions of improving the system of representative bodies of public authority in the conditions of constitutional reforms are determined. The concept of «unity» of the system of representative bodies of public authority in Russia is substantiated. The essence and forms of interaction of representative bodies of public authority among themselves are considered.

Ключевые слова: публичная власть, единство публичной власти, система представительных органов, представительные органы, конституционные преобразования.

Keywords: public authority, unity of public authorities, system of representative bodies, representative bodies, constitutional reforms.

Конституционная реформа 2020 г. стала катализатором для совершенствования конституционно-правового регулирования организации и деятельности органов публичной власти в России. В конституционной доктрине активно проводятся исследования и переосмысление формирования и функционирования современной системы органов публичной власти в России [7, с. 21], что обусловило потребность научного осмысления и совершенствования системы представительных органов публичной власти в России.

Современная система представительных органов выстраивается не только внутри законодательной власти, но и простирается на муниципальный уровень публичной власти, где активно формируются, функционируют и взаимодействуют путем сотрудничества между собой и с другими органами публичной власти представительные органы муниципальных образований. Поэтому и система представительных органов публичной власти функционирует, соответственно, на федеральном, региональном (в субъектах Российской Федерации) и муниципальном уровнях публичной власти.

Можно ли сегодня вести речь о единой системе законодательной власти? Или о системе представительной власти? Или возможно ставить вопрос о системе и/или единой системе соответственно законодательных или представительных органов? Насколько эти органы едины, взаимосвязаны, иерархичны и образуют ли единую систему представительной власти?

Обозначенные вопросы, и не только они, обуславливают необходимость проведения исследования такого крупного блока системы публичной власти, актуализируют рассмотрение определения возможности и установления характера системы представительных органов публичной власти и основных направлений ее совершенствования.

Определение наличия, единства и целостности системы представительных органов публичной власти в России способствует совершенствованию единой системы публичной власти в условиях конституционных преобразований как цели настоящего исследования.

Федеральное Собрание Российской Федерации в тексте Конституции РФ называется парламентом, представительным и законодательным органом государственной власти. Вышеназванные понятия не получили легальной дефиниции в действующем федеральном законодательстве России.

Представительная и законодательная власть не равнозначны друг другу, в некоторых случаях данные категории не совпадают. Например, при отсутствии законодательной функции у представительного органа либо при делегированном законодательстве у органов исполнительной власти.

Тем не менее использование категорий «законодательная власть», «законодательный орган» сужает исследование феномена публичной власти, поскольку она не охватывает муниципальный уровень публичной власти и органы местного самоуправления. Следовательно, представительная власть выходит за рамки законодательной власти и должна рассматриваться вне системы разделения властей. Представительный орган, соответственно, есть орган публичной власти, выполняющий нормотворческую, представительную и контрольную функции.

С понятием представительного органа неразрывно связано понятие представительства. В дореволюционной юридической литературе под представительством понималось отношение, в котором за волеизъявлением одного лица признается такое же значение и, следовательно, оно вызывает такие же последствия, как если бы оно было волеизъявлением другого лица. Также различалось представительство по закону (по конституции) и по уполномочию (мандату). Народное представительство относится к представительству по закону [4, с. 71].

Данное определение является широким, и в современном конституционном праве под него попадают, например, Федеральное Собрание РФ, представитель заявителя в Конституционном Суде РФ и представители Президента РФ в федеральных округах.

Кроме того, народным представителем могут быть и другие субъекты.

Еще Ш.-Л. Монтескье говорил о том, что судьи должны избираться народом на срочной основе, то есть представлять народ и даже находиться в одинаковом общественном положении [9, с. 325].

С.А. Авакьян считает, что к представителям народа можно относить Президента Российской Федерации, но в целях собственного исследования он исходит из традиционного толкования народного представительства как совокупности коллегиальных органов, избираемых населением [1, с. 41].

В целом конституционная доктрина различает представительство «в широком смысле» (формирование любого органа путем избрания) и «представительство в собственном смысле» – это выборные органы парламентского типа [8, с. 25].

Исходя из классических воззрений, органы исполнительной власти вряд ли могут называться представительными органами, хотя сквозь призму осуществления власти народом через органы публичной власти можно говорить о представительном характере, но с большой долей условности.

Не отвергая возможность считать некоторых не традиционных для науки конституционного права органов и должностных лиц в качестве представительных органов, полагаем, что использование термина «представительный орган» в том или ином объеме зависит исключительно от контекста.

В данном исследовании применен традиционный подход, представительные органы рассматриваются с учетом принципа разделения властей, но находятся вне ее системы, между тем представительные органы в широком смысле могут охватывать некоторые органы исполнительной и судебной власти.

Представительный орган в узком смысле нами понимается как коллегиальный орган публичной власти, избираемый населением соответствующего территориального образования на определенный срок, основной задачей которого является разработка и принятие законов (нормативных правовых актов) и осуществление контроля за их реализацией.

С данным понятием тесно связано понятие парламента – условного обозначения представительных органов, занимающихся разработкой и принятием законов, а также осуществлением парламентского контроля. Парламент является центральным элементом парламентаризма как способа организации публичной власти при ведущей роли парламента, являющегося одним из направлений конституционной реформы.

Под признаки парламента попадают только законодательные органы России, представительные органы муниципальных образований нельзя назвать парламентами.

Итак, объем понятия «представительный орган» зависит исключительно от контекста, поскольку обилие подходов, сформированных в науке, не дает возможность использовать единственный вариант. Представительная и законодательная власть не тождественные понятия, представительная власть позволяет охватить все уровни публичной власти и выходит за рамки разделения властей. Действующие российские законодательные органы в узком смысле также являются по своему содержанию парламентами, выступая ядром парламентаризма.

Рядом авторов подвергается сомнению точка зрения о существовании системы представительных органов в России, они ссылаются на конституционно-догматические положения об автономности органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления.

Так, Т.Я. Хабриева считает, что «федеральный парламент и парламенты субъектов Российской Федерации не соподчинены, не составляют единого структурированного и организационного механизма» [11, с. 28].

Действительно, каждый уровень такой системы выступает обособленной единицей. Однако в отличие от иерархии в связях между уровнями не наличествуют отношения власти-подчинения.

Разумеется, вышестоящие органы публичной власти в силу своих полномочий могут иметь некую власть, определяя политическое устройство, но осуществление таких полно-

мочий не должно идти вразрез с основами конституционного строя, нерушимыми принципами самостоятельности, которые ограничивают вышестоящие органы власти от произвола.

Необходимо определиться с системообразующими признаками представительных органов России.

Понятие системы в различных источниках сводится примерно к одному содержанию. Так, в словаре С.И. Ожегова под системой понимается определенный порядок в расположении и связи действий, или нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей, или форма организации чего-нибудь¹.

Иными словами, в системе присутствует класс объектов, выстроенных в определенной последовательности и находящихся во взаимосвязи.

Говоря о представительных органах России, мы имеем класс объектов (представительные органы разных уровней: федерального, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований), выстроенных в определенной последовательности (уровни публичной власти) и находящихся во взаимосвязи (формы взаимодействия).

Исходя из понятий системы и представительных органов, можно прийти к выводу о наличии системы представительных органов. Однако вместе с тем немаловажно определить характер данной системы.

Некоторые исследователи полагают, что представительная система, появившаяся после принятия Конституции России 1993 г., стала отражением сетевого управления вместо существовавшей до тех пор сетевой-иерархической (смешанной) системы управления советами [6, с. 87].

В доктрине также имеется альтернативная классификация российской представительной системы как суммативной системы, то есть си-

стемы со слабо выраженной системностью в отличие от прочной, целостной системы. По аналогии с необходимостью внедрения иерархическо-сетевой в российскую представительную систему, высказывается должная возможность приобретения характерных черт целостной системы [10, с. 49-50].

Все большее обоснование получает необходимость создания уникальной модели системы представительных органов. Россия имеет национальные ценностные ориентиры, которые закреплены на уровне стратегических документов². К недостаткам сетевой (децентрализованной) системы, являющийся отражением подхода западной цивилизации, можно отнести отсутствие консолидации публичной власти в выработке и принятии решений. Фактически происходит размывание управления на отдельные части, что исторически было несвойственно российской государственности, ведь именно разобщенность попирала основные постулаты державности.

России необходима своя синтезированная модель, соединяющая оптимальные качества сетевой и иерархической системы, суммативной и целостной, отвечающая особенностям отечественного федерализма и принципу разделения властей, а также солидаризма и парламентаризма, но не отрицающая необходимость согласия для решения общегосударственных задач. С момента введения новой системы представительных органов 1993 г. прослеживается необходимость в качественном укреплении сотрудничества представительных органов федерального, регионального и муниципальных уровней в условиях отсутствия их иерархичности.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» произошла конституционализация категории публичной власти, давшей

1 Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2008. С. 940.

2 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 // СПС «КонсультантПлюс».

импульс для изменения укоренившегося положения системы представительных органов¹.

Представляется, что в создаваемой новой конституционной парадигме наметилась тенденция для формирования некоторых элементов иерархичности в системе представительной власти. Вместе с тем необходимо учитывать принципы демократизма, парламентаризма, а также обеспечение баланса интересов федерации и ее субъектов в рамках осуществления сотрудничества органов публичной власти, установленных концепцией единой системы публичной власти. Видится, что такие изменения должны носить ограниченный характер, не подменять собой самостоятельность местного самоуправления (ст. 12 Конституции РФ).

Понятие единой системы публичной власти введено Федеральным законом «О Государственном Совете Российской Федерации», под ней подразумеваются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства².

Исследователями отмечается, что в целях правовой определенности необходимо разделять структуру единой системы публичной власти и народовластие [5, с. 62].

Нельзя с этим не согласиться, поскольку единая система публичной власти не закан-

чивается на органах, она основана на власти многонационального народа как единственного источника власти и на различных формах народовластия.

Действующая Конституция РФ различает множество систем: единую систему публичной власти, систему органов государственной власти, единую систему органов исполнительной власти и собственные системы органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Также существует судебная система, которая в силу Конституции РФ обладает свойством единства, но также разделена на систему судов общей юрисдикции, арбитражных судов и так далее.

Закономерным является и вопрос о наличии «единой» системы представительных органов. Как было сказано ранее, система представительных органов не является цельной, она состоит в том числе из отдельных не иерархичных элементов. Однако можно ли считать ее единой?

С.А. Авакьян считает, что существование единой системы исполнительной власти и судебной системы Российской Федерации является основанием для объявления о существовании единой системы представительных органов, поскольку там также отсутствует соподчинение между разными уровнями власти [1, с. 32-33].

Стоит согласиться с данной позицией, поскольку исторически именно в исполнительной власти существовала излишняя вольность, порой граничащая с нарушением принципа законности из-за не приведения в соответствие законодательства с федеральным уровнем, а у судебной власти существует институт гарантий деятельности судьи, предполагающий независимость от любых внешних воздействий.

Поэтому аккуратно, но можно вести речь именно о единой системе представительных органов публичной власти, основанной на

1 О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 N 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 О Государственном Совете Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2020 N 394-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

народовластии как основе взаимодействия представительных органов. Однако наряду с принципом единства нельзя забывать о других принципах, действующих при взаимодействии представительных органов различных уровней власти.

Более того, существуют системы внутри уровней, чье существование обеспечивается путем единого конституционно-правового регулирования.

Таким образом, представительные органы России составляют единую систему, а на каждом уровне (федеральный, субъектов Российской Федерации и муниципальный) образуются и функционируют собственные системы. Федеральное Собрание и законодательные органы субъектов Российской Федерации также образуют систему законодательных органов России, которая находится внутри системы государственной власти и является частью системы представительных органов России. Последняя составляет одну из основ единой системы публичной власти в России.

Одним из направлений последующих конституционных преобразований должна стать легализация принципа единства системы представительных органов публичной власти как основы единой системы публичной власти и взаимодействия разноуровневых систем представительных органов.

В рамках представительного подхода к пониманию единой системы публичной власти, сформированного в результате конституционной реформы 2020 г., не были охвачены непосредственные формы публичной власти [подр.: 3, с. 130].

Необходимо постепенно расширять участие народа и при формировании представительных органов и в непосредственных формах публичной власти. Нельзя сводить

народовластие только к деятельности выборных органов публичной власти.

В статье 11 Конституции РФ установлено, что государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

Конституционный Суд РФ указывал, что федеральный закон как нормативный правовой акт общего действия, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, определяет права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти, и тем самым осуществляет разграничение этих полномочий¹, а из федеративной природы взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов вытекает недопустимость произвольного присвоения органами государственной власти Российской Федерации всей полноты полномочий по предметам совместного ведения, т.е. без учета интересов субъектов Российской Федерации и места их органов власти в системе публичной власти².

Также согласно статье 39 и 40 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» органы государственной власти субъекта Российской Федерации участвуют в рассмотрении Государственной Думой проектов федеральных законов по предметам совместного ведения³.

Таким образом, представительный орган Федерации хоть и имеет возможность определять полномочия в рамках предмета совместного ведения между Российской Федерации и ей субъектами, но это вовсе не означает что федеральные органы государственной власти могут забрать все полномочия себе. Субъекты Российской Федерации вовлечены в рассмотрение проектов федеральных за-

1 По делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 N 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

2 По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 N 6-П // СПС «КонсультантПлюс».

3 Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

конов, следовательно, такое взаимодействие позволяет достичь согласие при определении предметов ведения.

Именно такие юридически-взвешенные позиции и нормативные возможности для взаимодействия позволяют создать сбалансированные правила сотрудничества между разными уровнями представительных органов.

Статья 12 Конституции Российской Федерации отделяет органы местного самоуправления от органов государственной власти.

Однако это вовсе не означает противопоставление и тем более отсутствие более сложных юридических конструкций, объединяющих местное самоуправление и государственную власть, а также государственную власть Федерации и ее субъектов. Давно назревшее появление категории «публичной власти» в результате конституционной реформы помогло устранить концептуальные лакуны в регулировании, но в то же время оставить обособленность и самостоятельность данных институций.

По этому поводу Конституционный Суд РФ указывал в одном из своих постановлений, что самостоятельность местного самоуправления в качестве основного принципа его взаимоотношений с органами государственной власти не является абсолютной, она не предполагает отрицания организационного и иных форм взаимодействия; она служит «не только пределом, ограничивающим произвольное вмешательство органов государственной власти в дела местного самоуправления, но и базой для его интеграции в систему публичной власти и поддержания в ней – на основе баланса интересов – межуровневого взаимодействия»¹.

Стоит заключить, что сейчас происходит усиление интегративных процессов в противовес тем коллизиям, существовавшим между федеральным, региональным и муниципальным уровнем, которые возникли с момента принятия Конституции РФ. Поступательное

устранение дефектов правового регулирования в рамках политики укрепления вертикали власти позволило создать устойчивую систему, которая перешла в конституционно-правовую доктрину публичной власти.

Сотрудничество сегодня является основной формой конструктивного взаимодействия представительных органов, при которой органы действуют органично и в согласии решают общие вопросы, во главу угла ставятся не собственные, а общие интересы, то есть происходит кооперация, в отличие от других форм взаимодействия.

То обстоятельство, что одни представительные органы олицетворяют собой государство, а другие местное самоуправление, не исключает, а напротив, в рамках установленной единой системы публичной власти сближает их взаимосвязь. За счет согласования воли представительных органов разных уровней получается претворять в жизнь единую правовую политику на всей территории государства. Достижение такого согласия является залогом устойчивого развития государства вкупе с соблюдением основ конституционного строя России, обеспечением прав и свобод человека и гражданина.

Сотрудничество между представительными органами может регулироваться не только законами, но и соглашениями между ними, которые заключаются также и с парламентами других государств. Такой способ является результатом плодотворного сотрудничества, особенно важно заключать такие соглашения с вышестоящими представительными органами, которые во многом координируют нормотворческую деятельность рассматриваемых органов публичной власти.

Среди основных форм сотрудничества представительных органов России можно выделить: право законодательной инициативы парламентов субъектов Российской Федерации в федеральный парламент и представительного органа муниципального обра-

1 По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 51 статьи 35, частей 2 и 31 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и части 11 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 N 30-П // СПС «КонсультантПлюс».

зования в парламент субъекта Российской Федерации; Совет Законодателей при Федеральном Собрании РФ, в котором состоят председатели законодательных органов субъектов Российской Федерации; участие представителей парламентов субъектов Российской Федерации в одной из ключевых форм парламентского контроля – «правительственном часе»; приглашение на заседание парламентов субъектов Российской Федерации для выступления и ответов на вопросы депутатов и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления и т.д.

Таким образом, представительная власть в отличие от законодательной власти включает в себя все уровни публичной власти. Следовательно, наряду с другими ветвями власти в рамках конституционных преобразований и введения единой системы публичной власти именно использование конструкции «представительной власти» дает основания для установления и легализации категории «единая система представительных органов публичной власти».

Представляется, что назревает необходимость введения в конституционную доктрину синтезированной системы представительных органов. Так, некогда разобщенные федерализмом и принципом разделения властей самостоятельные системы представительных органов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований смогут эффективнее консолидироваться для решения общегосударственных задач. Интегративные процессы между представительными органами, протекающие в разных формах сотрудничества подводят доктрину и законодательство к закреплению принципа единства системы представительных органов.

Тем не менее неоднозначным пока остается понимание понятия «представительный

орган», содержание и наполнение которого зависит исключительно от контекста, поскольку обилие подходов, сформированных в конституционно-правовой науке, не имеет единства. России приемлема синтезированная модель, соединяющая оптимальные качества сетевой и иерархической системы, суммативной и целостной, отвечающая особенностям отечественного федерализма (вертикального деления) и принципу разделения властей (горизонтального деления), а также солидаризма и парламентаризма, но не отрицающая необходимости согласия для решения общегосударственных задач.

Представительные органы России составляют единую систему. Федеральное Собрание и законодательные органы субъектов Российской Федерации также образуют систему законодательных органов России, которая находится внутри системы государственной власти и является частью системы представительных органов России в единой системе публичной власти России.

В настоящее время происходит усиление интегративных процессов в противовес противоречиям, существовавшим между федеральным, региональным и муниципальным уровнями публичной власти. Поступательное устранение дефектов конституционно-правового регулирования в условиях укрепления вертикали власти позволило сформировать устойчивую систему, которая перешла в конституционно-правовую доктрину публичной власти.

Формирование оптимальной модели и продуктивных форм сотрудничества представительных органов в России в рамках последующих конституционных преобразований поспособствует как повышению эффективности их деятельности, так и укреплению единства системы публичной власти в России в целом.

Библиографический список

1. Авакьян, С.А. Народное представительство и парламентаризм / С.А. Авакьян // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – N 9 (61). – С. 37-48.
2. Авакьян, С.А. Федеральное Собрание – парламент России / С.А. Авакьян. – М.: РЮИД, 1999. – 432 с.
3. Безруков, А.В. О представительном подходе к пониманию единой системы публичной власти и его реализации в российском законодательстве / А.В. Безруков, А.Н. Мешеряков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – N 4 (45). – С. 123-132.
4. Гессен, В.М. Основы конституционного права / В.М. Гессен. – 2-е изд. – Пг.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1918. – 445 с.
5. Гражданин и власть : монография / С.А. Авакьян, Д.А. Авдеев, Е.Ф. Гладун и [др.] ; под ред. Г.Н. Чеботарева ; Минобрнауки РФ, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. – 172 с.
6. Коврякова, Е.В. Концепции представительных систем и их практическое воплощение в государственном механизме / Е.В. Коврякова // Lex Russica. – 2016. – N 11 (120). – С. 77-90.
7. Кондрашев, А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года / А.А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – N 11. – С. 15-25.
8. Кравченко, Л.А. Парламент как институт представительной демократии / Л.А. Кравченко // Конституционное и муниципальное право. – 2002. – N 2. – С. 22-28.
9. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. / Ш.-Л. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.
10. Мурычев, К.В. Система представительных органов власти в Российской Федерации / К.В. Мурычев. – М.: Норма, 2011. – 240 с.
11. Парламентское право России : монография / А.И. Абрамова, В.А. Витушкин, Н.А. Власенко [и др.] ; под ред. Т.Я. Хабриевой; Государственная Дума ФС РФ; ИЗиСП при Правительстве РФ. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 400 с.
12. Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – N 5. – С. 403-414.

УДК 343.131

Людмила Викторовна МАЙОРОВА,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Сибирского
федерального университета (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

lumaiorova@mail.ru

Мария Дмитриевна ЛУЩАЕВА,

магистрант Юридического института Сибирского
федерального университета (г. Красноярск)

lusmaria777@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

IMPACT OF INTERNATIONAL TREATIES ON THE IMPROVEMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

В статье анализируется влияние международных договоров на уголовно-процессуальное законодательство. Авторами отмечено, что в настоящее время фокус внимания сместился с изучения роли практики Европейского суда по правам человека на последствия выхода Российской Федерации из Совета Европы. В исследовании в данном аспекте рассмотрены примеры изменений и дополнений, внесенные в УПК РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», и обозначены дальнейшие направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

The article analyzes the impact of international treaties on criminal procedure legislation. The authors state that at present the focus of attention has shifted from studying the role of the practice of the European Court of Human Rights to the consequences of the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe. The study in this aspect considers the examples of changes and additions made to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Federal Law «On Operational-Search Activities» and outlines further directions for improving criminal procedure legislation.

Ключевые слова: международные договоры, изменение законодательства, ратификация, денонсация, коллизии.

Keywords: *international treaties, legislative changes, ratification, denunciation, collisions.*

В 2020 г. в ст. 79 Конституции РФ были внесены изменения, согласно которым решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конститу-

ции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Соответственно, эта позиция учитывается, когда согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ оценивается роль международных договоров России и решается, являются ли они

составной частью ее правовой системы и имеют ли приоритет перед национальными законами в случае коллизии. В свою очередь, в силу ч. 3 ст. 1 УПК РФ международные договоры России являются составной частью законодательства, регулирующего уголовное производство. Формулировка о применении международного договора, если им установлены иные права, чем предусмотрены УПК РФ, повторяет положения Конституции РФ. Оставляя за рамками данного исследования вопросы отличия таких понятий, как «часть правовой системы» и «часть законодательства», отметим лишь, что влияние международных договоров на уголовно-процессуальное законодательство невозможно также и недооценивать.

При этом ранее в доктрине, как правило, основной акцент был сделан на анализ роли Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция 1950 г.) и практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) [1; 6, с. 172-177; подр.: 9, с. 647-649]. Однако выход России из Совета Европы 16 марта 2022 г. сместил фокус внимания в сторону последствий прекращения членства в международной организации. В связи с этим возникают два основных вопроса: 1) влечет ли выход государства из международной организации автоматическое прекращение действия для него всех международных договоров, принятых в ее рамках; 2) обязано ли государство в связи с прекращением действия международного договора внести изменения в национальное законодательство, вернувшись к первоначальной редакции, существовавшей до ратификации соответствующего договора? Поскольку в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года ответов на эти вопросы не содержится, необходимо обратиться напрямую к текстам договоров, заключенных в рамках Совета Европы.

Так, в соответствии со ст. 31 Европейской Конвенции о выдаче 1957 г. любая сторона может ее денонсировать путем направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы; через 6 месяцев после даты получения Генеральным секретарем Совета такого уведомления денонсация вступает в силу¹. Аналогичное положение содержится в ст. 29 Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам 1999 г.² и многих других. Таким образом, можно сделать вывод, что поскольку Российская Федерация не денонсировала данные Конвенции, то они продолжают действовать в отношении нее и подлежат применению на ее территории.

Другие положения содержатся в Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. В ст. 15 прямо указано, что Конвенция теряет силу для государства в случае его выхода из Совета Европы или прекращения его членства в Совете Европы³. В связи с этим данная Конвенция утратила силу автоматически 16 марта 2022 г. Указание ее в Федеральном законе «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» имеет больше формальный характер⁴. Следовательно, ответ на первый из поставленных вопросов будет отрицательным.

Что касается второго вопроса, то здесь все изменения можно условно разделить на две группы: технические (обеспечивающие механизм действия международного договора в Российской Федерации) и содержательные (гарантирующие соответствие национального законодательства международным нормам). К первым из них можно отнести, например, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, в соответствии с которым установление Европейским судом по правам человека нарушений положений Конвенции 1950 г. относилось к основаниям возобновления производства по уголовному делу и который был признан

1 Европейская Конвенция о выдаче от 13.12.1957 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 (с изм. от 08.11.2001) // СПС «КонсультантПлюс».

3 Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27.01.1977 // СПС «КонсультантПлюс».

4 О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28.02.2023 N 43-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

утратившим силу¹. А также п. 3 ч. 4 ст. 414 УПК РФ и ч. 5 ст. 415 УПК РФ – конкретизирующие порядок применения ст. 413 УПК РФ². А ко вторым – принципы уголовного судопроизводства, которые были сформулированы с учетом положений Конвенции 1950 г. и практически не претерпели изменений за последние два года (а внесенные изменения не были связаны с выходом Российской Федерации из Совета Европы). Исходя из этого, только первая группа изменений обязательна, поскольку она обеспечивает стройность и системность законодательства.

Помимо Европейской конвенции 1950 г. на развитие уголовно-процессуального законодательства существенное влияние оказали и другие международные договоры. Развитие системы принципов российского правосудия в науке и законодательстве основано и на отечественном опыте, и на действующих международных обязательствах, и на опыте других правовых систем. Например, принцип судебного разбирательства в разумный срок закреплен в многочисленных международных актах: п. 3с ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах; п. 1 ст. 6 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека; п. 1d ст. 7 Африканской хартии прав человека и народов; п. 2 ст. 47 Хартии Европейского союза об Основных правах; ст.13 Арабской хартии прав человека; п.1 ст.8 Американской конвенция о правах человека и др. и др.

В Международном пакте о гражданских и политических правах (п. 3с ст. 14) закреплено право подсудимого «быть судимым без неоправданной задержки»³. А праву на судебное разбирательство в разумный срок, конечно, должна корреспондировать обязанность государства реально обеспечить осуществление правосудия без неоправданных задержек и волокиты. В решениях ЕСПЧ отражена авто-

номная концепция права на разумный срок при производстве по уголовным делам.

Введение в российское право понятия «разумный срок» как критерия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство было обусловлено необходимостью пересмотра сложившихся российских подходов к значению сроков судебного разбирательства для обеспечения права на судебную защиту по смыслу статьи 46 Конституции РФ. Возникла необходимость не только уточнить сущность и критерии разумных сроков, обосновать ценности, заложенные в основу общеевропейского подхода к определению разумности срока судебного разбирательства, но и выяснить, как данное понятие соотносится с установленными российским законодательством сроками рассмотрения дел.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве данный институт был закреплен в 2010 г.⁴ и постоянно совершенствуется, в том числе решениями Конституционного Суда РФ, постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, а также материалами судебной практики.

Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 июня 2013 г. N 14-П указал: «Одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц. Это означает, что правосудие можно считать отвечающим требованиям справедливости, если рассмотрение и разрешение дела судом осуществляется в разумный срок. Соответственно, устанавливаемые федеральным законодателем институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения, без чего недостижим

1 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 11.06.2022 N 180-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 Там же.

3 Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. // СПС «КонсультантПлюс».

4 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон от 30.04.2010 N 69-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

баланс публично-правовых и частноправовых интересов»¹.

Также необходимо напомнить: многие положения УПК РФ уже разрабатывались с учетом действующих конвенций. Например, особые правила производства процессуальных действий в отношении несовершеннолетних (как несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля, так и несовершеннолетних подозреваемого и обвиняемого) были сформулированы с учетом норм, содержащихся в Конвенции о правах ребенка 1989 г., и ряда международных документов, носящих рекомендательный характер [4]. Однако процесс совершенствования законодательства непрерывен. Так, ратификация Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в 2013 г.² повлекла внесение соответствующих дополнений и изменений³. Более того, доктринально обсуждается, что и актуальная редакция УПК РФ не вполне соответствует международным стандартам. К.В. Муравьев отмечает: несмотря на то, что ч. 2 ст. 423 УПК РФ обязывает в каждом случае при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому обсуждать возможность его отдачи под присмотр, правовая регламентация присмотра содержит существенные недостатки [10, с. 54]. В связи с этим на практике данная мера пресечения применяется реже, чем заключение под стражу, что не позволяет говорить об успешной имплементации п. «б» ст. 37 Конвенции о правах ребенка: «арест, задержание или тюремное

заключение ребенка осуществляются согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени»⁴. Л.И.Лавдаренко также подчеркивает, что особый подход к применению мер принуждения применительно к несовершеннолетним присутствовал в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 393), однако отсутствует в УПК РФ 2001 г.: согласно ч. 1 ст. 423 УПК РФ задержание и заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего производятся в общем порядке, исключения содержатся только в ч. 2 ст. 108 УПК РФ [7]. Еще одной проблемой является то, что ч. 1 ст. 108 УПК РФ содержит закрытый перечень исключительных случаев, а в ч. 2 ст. 108 УПК РФ это понятие является оценочным [7].

Кроме несоответствия национального законодательства международным договорам иногда встречаются коллизии двух правовых систем. И некоторые из них существуют уже значительное время. Еще в 2012 г. профессор Г.В. Игнатенко отмечал, что согласно п. 4 ч. 2 ст. 464 УПК РФ в выдаче может быть отказано, если уголовное преследование лица возбуждается в порядке частного обвинения; в то время как в силу п. «г» ч. 1 ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее – Минская конвенция) в таких случаях выдача не производится⁵, т.е. отсутствует усмотрение государства [5, с. 375]. С 28 июня 2023 г. вместо Минской конвенции в отношении Российской Федерации вступила в силу Кишиневская конвен-

1 По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой : постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 N 14-П // СПС «КонсультантПлюс».

2 О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений : Федеральный закон от 07.05.2013 N 76-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4 Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 // СПС «КонсультантПлюс».

ция 2002 г.¹, однако проблема сохранилась, поскольку п. «г» ч. 1 ст. 89 вышеуказанного международного договора также содержит запрет на выдачу².

В качестве еще одной проблемы можно отметить недостаточную точность законодательства. Так, А. В. Устинов отмечает, что формулировка ст. 455 УПК РФ порождает ряд вопросов, одним из которых является вопрос: в чем отличие международного договора от международного соглашения. Автор приходит к выводу, что указание международного соглашения в этом перечне является излишним, поскольку оно полностью охватывается понятием международного договора в соответствии с п. «а» ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»³ и п. «а» ч. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁴ [13, с. 89-90]. Несмотря на то, что предложенный вариант корректировки статьи и в дальнейшем был упомянут в литературе другими учеными [11, с. 137], соответствующие изменения до сих пор не были внесены в УПК РФ.

Кроме того, международное право, как и любое право, не является единожды сложившимся комплексом норм, оно динамично, постоянно развивается и изменяется. В качестве примера приведем исследование А. Г. Волеводза, который выделил три новых направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: 1) международный розыск, арест и конфискация денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также доходов от преступлений; 2) проведение совместных расследований совместными следственными

группами; 3) использование видеоконференцсвязи [3, с. 312]. Автор указывал на необходимость их имплементации в УПК РФ в связи с ратификацией Россией ряда международных договоров [3, с. 311]. Однако за прошедшее время предложенные замечания были учтены лишь частично: в 2017 г. УПК РФ был дополнен главой 55.1, регулирующей признание и принудительное исполнение приговора суда иностранного государства, касающегося конфискации доходов, полученных преступным путем, находящихся на территории Российской Федерации⁵. По мнению О. Н. Ведерниковой [2], введение данного института связано в первую очередь с ратификацией в июле 2017 г. Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г.⁶

Отдельно хочется сделать акцент на влиянии международных договоров на Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144 «Об оперативно-розыскной деятельности». В ст. 4 данного закона, регулирующей правовую основу оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), нет указаний на общепризнанные принципы и нормы международного права и на международные договоры Российской Федерации (в связи с этим некоторые ученые предлагают внести соответствующие дополнения). Однако в науке при разъяснении и детализации правовой основы ОРД большинство ученых неизменно после Конституции РФ пишут про международные договоры (в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), к которым относятся: Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств 1988 г., Конвенция ООН про-

1 О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Федеральный закон от 30.12.2021 N 452-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 // СПС «КонсультантПлюс».

3 О международных договорах Российской Федерации : Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4 Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 // СПС «КонсультантПлюс».

5 О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 05.12.2017 N 387-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

6 О ратификации Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма : Федеральный закон от 26.07.2017 N 183-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

тив организованной преступности 2000 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и другие [8, с. 50-51; 12, с. 116-118]. Правильность такого подхода иллюстрируют несколько примеров. Если обратиться к терминологии, то можно заметить, что используемое в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» понятие «тайна корреспонденции» не содержится ни в Конституции РФ, ни в других федеральных законах, зато употребляется в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [12, с. 116]. Кроме того, по сравнению с Законом РФ N 2506-1 1992 г. «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» в действующем Феде-

ральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» расширился перечень оперативно-розыскных мероприятий (например, появилась контролируемая поставка, которая регулировалась п. 3 ст. 1, 11 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств 1988 г.) [12, с. 116-117].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что влияние международных договоров на уголовно-процессуальное законодательство не прекратилось. Однако следование международным стандартам, безусловно, должно осуществляться с учетом ценностей национальных интересов и традиций народов нашей страны.

Библиографический список

1. Авхадеев, В.Р. Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации / В.Р. Авхадеев // Адвокат. – 2016. – N 3. – С. 13-24.
2. Ведерникова, О.Н. Право международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве / О.Н. Ведерникова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – N 4. – С. 3-6.
3. Волеводз, А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – N 4. – С. 311-327.
4. Зайцев, О.А. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей-жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России / О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин, Е.П. Гришина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – N 6. – С. 20-33.
5. Игнатенко, Г.В. Международное и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия : сборник научных публикаций за сорок лет (1972-2011 годы) / Г.В. Игнатенко. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 415 с.
6. Качалова, О.В. Уголовно-процессуальный кодекс России: двадцать лет спустя (2001-2021) / О.В. Качалова, В.И. Качалов // Правосудие. – 2021. – N 3. – С. 167-188.
7. Лавдаренко, Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего / Л.И. Лавдаренко // Российский следователь. – 2015. – N 6. – С. 23-27.
8. Ларин, К.Б. Правовое регулирование в сфере оперативно-розыскной деятельности / К.Б. Ларин, С. Владислав // Деятельность оперативных подразделений: теория и практика : материалы всероссийской научно-практической конференции (29 ноября 2019 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ, 2021. – С. 49-53.
9. Лушаева, М.Д. Влияние решений ЕСПЧ на изменения уголовно-процессуального законодательства РФ / М.Д. Лушаева, Т.В. Солонкина // Енисейские правовые чтения : сборник науч-

---

ных статей студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченный к 65-летию Юридического института Сибирского Федерального университета / отв. ред. Г.Л. Москалев, Р.Н. Гордеев. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2020. – С. 646-650.

10. Муравьев, К.В. Меры процессуального принуждения, состоящие в изоляции несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: реализация международных стандартов в отечественном законодательстве / К.В. Муравьев // Уголовная юстиция. – 2020. – N 15. – С. 54-58.

11. Рамазан, М.М. Проблемные аспекты международного сотрудничества в российском уголовно-процессуальном праве / М.М. Рамазан // Закон и право. – 2018. – N 7. – С. 137-139.

12. Смагоринский, Б.П. Оперативно-разыскная деятельность в международном праве / Б.П. Смагоринский, К.А. Ефремов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – N 3. – С. 113-119.

13. Устинов, А.В. Юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства при международном сотрудничестве по уголовным делам / А.В. Устинов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – N 1. – С. 89-98.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 343.1

Тимур Талгатович БАЯЗИТОВ,
аспирант
Сибирского юридического университета
(г. Омск)

Tim_ka_256@mail.ru

МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАННОСТИ ИМУЩЕСТВА И ЖИЛИЩА ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, ЗАДЕРЖАННОГО ИЛИ ЗАКЛЮЧЕННОГО ПОД СТРАЖУ

LEGAL ACTIONS TO ENSURE SAFETY OF THE PROPERTY AND HOME OF A PERSON WHO IS A SUSPECT, AN ACCUSED, DETAINED OR TAKEN INTO CUSTODY

В уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрены конкретные меры, направленные на обеспечение сохранности имущества и жилища лиц, задержанных за совершение преступления, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, есть лишь общее требование о выполнении соответствующих охранительных действий (ч. 2 ст. 160 УПК РФ). На этом фоне правовое регулирование сходных отношений при отбывании наказания осужденным существенно отличается. Оно нашло отражение в ст. 313.1 УПК РФ благодаря принятию Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 9 июля 2020 года N 34-П. В сложившихся условиях ставится проблема применения аналогии закона. Автор рассматривает возможность внесения необходимых изменений в УПК РФ.

The criminal procedural legislation does not provide specific actions to ensure safety of the property and home of persons, apprehended for committing a crime, against who the detention was applied. There is only general requirement to carry out appropriate preventive actions (Part 2 of Article 160 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Concerning this background, the legal regulation of such relations (when a convicted person serves a sentence), is significantly different. It is touched upon in Art. 313.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation thanks to the adoption of the resolution No. 34-P from July 9, 2020 by the Constitutional Court of the Russian Federation. The article deals with applying of the analogy of the law. The author analyzes possibilities to make the necessary changes in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, задержание, заключение под стражу, меры по обеспечению сохранности имущества и жилища, уголовно-процессуальное принуждение.

Keywords: suspect, accused, apprehension, imprisonment, measures for providing the safety of property and home, criminal procedural enforcement.

Полномочия следователя и дознавателя, связанные с принятием мер по обеспечению сохранности имущества и жилища в отношении преследуемых лиц, лишенных свободы в процессе предварительного расследования, предусмотрены в ч. 2 ст. 160 УПК РФ. В юридической литературе справедливо обращали внимание на то, что меры, применяемые в рамках данной статьи, воспринимаются как средства оперативного реагирования на возможность наступления негативных последствий в отношении указанных лиц и членов их семьи. Они содержат минимум процедур, носящих формальный характер, которые тем не менее должны учитывать должностные лица, ведущие расследование [1, с. 70-71; 6, с. 159; 9, с. 241].

Меры по обеспечению сохранности имущества, по существу, определены как общие условия предварительного расследования. Их содержание не раскрывается законом [14, с. 194]. Принимаются они без судебного решения. Совершенно очевидно, что в досудебном производстве принятие мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу возлагается на лиц, ведущих расследование. Соответственно, субъектами, с которыми им приходится вступать в отношения, являются либо органы дознания, выполняющие обеспечительные функции, либо близкие родственники и другие лица. В силу имеющихся компетенций в сфере жилищно-коммунального хозяйства к ним могут быть отнесены товарищества собственников недвижимости, управляющие компании, органы местного самоуправления городских и сельских поселений, городских и муниципальных округов. К сожалению, все они не предусмотрены в ч. 2 ст. 160 УПК РФ, равно как и сам комплекс мер по обеспечению сохранности имущества, а также процедура их реализации.

В уголовно-процессуальном законе отсутствует механизм передачи имущества на хранение родственникам обвиняемого (подозреваемого), другим физическим лицам или органам местного управления. Следует учитывать, что в условиях пребывания под

стражей, особенно при задержании подозреваемого, сложно заключить, в частности, договор хранения в соответствии со ст. 886-904 ГК РФ. Как отмечает Н.А. Власова, когда производится передача квартиры, дома на хранение органами расследования (следователем, дознавателем), об этом должно выноситься постановление. Жилище опечатывается и передается вместе с оставшимся в нем имуществом на ответственное хранение в ЖЭК. Одновременно следует сообщить органу, осуществляющему государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, о недопустимости его отчуждения [2, с. 13].

Опечатывание жилища рассматривается как классическое решение при передаче на ответственное хранение. О.И. Цоколова считает, что, если в жилище никого не осталось, оно опечатывается и передается жилищно-коммунальной организации вместе с имуществом, хранящимся в нем, или кому-либо на ответственное хранение [15, с. 243]. На необходимость опломбировывать и опечатывать передаваемые предметы, жилище (дом, квартира) с последующей периодической проверкой указывают и другие авторы [5, с. 160].

Были и иные предложения, допускавшие возможность заключения договора со специализированным учреждением по охране имущества или с частным лицом [11, с. 470]. А.С. Дежневым и Б.Б. Булатовым обращено внимание на то, что у подозреваемого и обвиняемого без присмотра может оставаться не только недвижимость, но, например, домашние животные, иное имущество, которое требует постоянного ухода. Авторы справедливо подчеркивают, что обслуживание имущества часто является условием обеспечения его сохранности [7, с. 11; 1, с. 75]. Положительный опыт в этой части имеется в Республике Казахстан. Часть 2 ст. 154 УПК РК предусматривает, что, если в результате ареста или других действий органа, ведущего уголовный процесс, у лица осталось без присмотра имущество или принадлежащие ему животные, оно имеет право на присмотр за ними, который указанный орган обязан обеспечить этому лицу по его просьбе и за его счет.

Ряд авторов считают возможным применить в отсутствие правового регулирования рассматриваемого вопроса аналогию закона. Так, А.С. Дежнев отмечает возникновение трудностей в случае отсутствия родственников или отказа лиц брать на себя обязательства по хранению имущества. Автор предлагает хранение небольших вещей или ценностей, не нуждающихся в постоянном уходе, осуществлять в порядке хранения вещественных доказательств по уголовному делу [6, с. 166; 7, с. 11; 9, с. 251]. По мнению Н.А. Власовой, в отсутствие законодательного механизма передачи имущества органам расследования необходимо действовать по аналогии с передачей на хранение арестованного имущества [2, с. 13]. Ранее А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский считали возможным передачу такого рода имущества на хранение жилищно-эксплуатационной организации по аналогии с арестованным имуществом в порядке ст. 115 УПК РФ [11, с. 470; 12; 13, с. 383].

В настоящее время имеется больше вариантов применения близких по правовому регулированию отношений. В частности, на деятельность органов предварительного расследования в рамках ст. 160 УПК РФ возможно проецировать ситуации, урегулированные Федеральным законом от 10 июля 2023 г. N 320-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, которым были внесены изменения в ч. 2 ст. 313 УПК РФ, а глава 39 дополнена ст. 313.1 УПК РФ.

Новая редакция ст. 313 УПК РФ предусматривает, что при наличии у осужденного имущества или жилого помещения, оставшихся без присмотра во время отбывания им наказания, суд решает вопрос о принятии мер по обеспечению сохранности указанных имущества или жилого помещения в соответствии с требованиями ст. 313.1 УПК РФ.

Реализация мер по обеспечению сохранности имущества или жилого помещения, оставшихся без присмотра на время отбывания наказания осужденным, предусмо-

тренные ст. 313.1 УПК РФ, предполагает одновременное наличие трех условий: первое – отсутствие у осужденного возможности самостоятельно обеспечить законным способом сохранность указанного им имущества или жилого помещения; второе – отсутствие сведений о том, что осужденным самостоятельно приняты достаточные меры по обеспечению сохранности указанных имущества или жилого помещения; третье – отсутствие сведений о том, что в указанном жилом помещении проживают члены семьи осужденного или иные лица, вселенные в указанное жилое помещение на законных основаниях.

Совокупность обозначенных условий позволяет суду по ходатайству осужденного вынести определение или постановление о принятии конкретных мер по обеспечению сохранности имущества или жилого помещения и указать органы, на которые возлагается их принятие. Законодатель подробно регламентирует меры по сохранности жилого помещения в ч. 3 ст. 313.1 УПК РФ. Что касается иных мер, необходимых для обеспечения сохранности жилого помещения, их перечень и субъекты применения остаются открытыми (п. 4 ч. 3 ст. 313.1 УПК РФ).

Принятие судом мер обеспечения сохранности имущества или жилого помещения возлагается в соответствии с чч. 4, 5 указанной статьи прежде всего на органы государственной власти и (или) органы местного самоуправления в рамках исполнения данными органами полномочий, предусмотренных российским законодательством, или в случае, когда такие полномочия отсутствуют, по судебному решению.

Кроме того, в соответствии с ч. 6 ст. 115 УПК РФ появились «Правила учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказа-

1 Собрание законодательства РФ. 2023. N 29. Ст. 5338.

тельств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу»¹.

Вместе с тем появление нового закона и нормативного правового акта, утвержденного постановлением Правительства РФ, не исключает самостоятельного регулирования отношений, возникающих в результате принятия мер по обеспечению сохранности имущества подозреваемого или обвиняемого. В связи с этим важным является определение правовой природы этих мер, их видов и субъектов применения. Высказано мнение, что они являются публично-правовым институтом, представляющим имущественное правоограничение, близкое с наложением ареста на имущество, поэтому должны восприниматься как меры, содержащие процессуальное принуждение имущественного характера [14, с. 196].

Другие авторы полагают, что современное состояние имущественных отношений, имея межотраслевую природу, нуждается в осмыслении с учетом гражданского законодательства. У обвиняемого есть право самостоятельно определять судьбу своего имущества, а органы расследования должны создать условия для этого [8, с. 30].

А.С. Грачева считает, что меры по обеспечению сохранности имущества не обладают охранительными функциями. Это процессуальная гарантия защиты социальных прав и законных интересов личности, обеспечивающая баланс частных и публичных интересов [4, с. 21-22]. Автор делает вывод о том, что деятельность следователя, дознавателя по сохранению имущества состоит из двух этапов: первоначального, в котором устанавливаются основания применения мер, и основного, связанного с непосредственной,

активной (курсив мой. – Б.Б.) деятельностью по их принятию [3, с. 194]. Активная деятельность следователя и дознавателя вытекает из соответствующей обязанности, сформулированной в законе (ч. 2 ст. 160 УПК РФ). Она не связывается с обязательным ходатайством подозреваемого или обвиняемого о принятии рассматриваемых мер.

По нашему мнению, указанные в ч. 2 ст. 160 УПК РФ меры нельзя отнести к процессуальному принуждению имущественного характера. Они не связаны с ограничением и стеснением конституционных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, в том числе права иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им. Органы расследования принимают меры по обеспечению сохранности имущества и жилища этих лиц в том случае, если они сами лишены такой возможности. Именно такой вывод можно сделать из анализа определения Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. N 2288-О, где констатируется, что ч. 2 ст. 160 УПК РФ, устанавливающая обязанность следователя, дознавателя принимать меры по обеспечению сохранности имущества подозреваемых, обвиняемых, задержанных или заключенных под стражу, направлена на защиту их имущественных прав и на реализацию закрепленных в ст. 35 Конституции РФ гарантий права собственности². Реально у подозреваемого, обвиняемого нет обязанности подвергнуться неблагоприятным последствиям. Ограничение права собственности органами расследования не имеет места.

Полностью разделяем мнение о том, что не следует наделять дознавателя, следователя и должностных лиц органа, в котором находится задержанный, заключенный под стра-

1 Об утверждении правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28.09.2023 N 1589 // Собрание законодательства РФ. 2023. N 41. Ст. 7316.

2 См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Утегенова Джумабека Ильшовича на нарушение его конституционных прав статьями 1069, пунктом 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ и частью второй статьи 160 Уголовно-процессуального кодекса РФ : определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2288-О // СПС «КонсультантПлюс».

жу, полномочием ограничивать право собственности [14, с. 197]. Это прерогатива суда. Вместе с тем считаем, что суд может принимать непосредственное участие в реализации мер по обеспечению сохранности имущества и жилища в досудебном производстве по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, например, в рамках вопросов, регулируемых ст. 313.1 УПК РФ. Это вполне уместно и при рассмотрении постановления о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Данный подход следует закрепить на законодательном уровне, дополнив ч. 4 ст. 108 УПК РФ.

А.С. Грачевой в числе мер обеспечения сохранности имущества названы: привлечение нотариуса, передача на ответственное хранение, а также меры по обеспечению права собственности. Автор, наряду с рассмотрением мер по обеспечению сохранности имущества в качестве общего условия предварительного расследования, предлагает перенести вопрос о них соответственно в главы о задержании подозреваемого и мерах пресечения, дополнив ст. 92 УПК РФ частью 5 и ст. 108 УПК РФ частью 3.1, что позволит рассматривать реализацию обеспечительных мер элементом порядка их применения [3, с. 58-59, 64; 4, с. 13-16, 23, 26].

Данное предложение носит спорный характер. В отзыве оппонировавшей организации (Омская академия МВД России), подготовленном доктором юридических наук, доцентом А.С. Дежневым, отмечалось, что вместо целевого восприятия нормативного установления это приведет не только к дублированию, но и к частичной конкуренции норм [10].

Более того, судя по содержанию дополнений, которые предлагаются в ст. 92 УПК РФ, там отсутствуют какие-либо конкретные меры. Дополнения сводятся к следующему: «Дознаватель, следователь выносит постановление о применении мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого. О принятых мерах уведомляется подозреваемый». Дополнение ст. 108 УПК РФ частью 3.1 вообще носит отсылочный характер на порядок, предусмотренный ч. 5 ст. 92 УПК РФ [3, с. 16].

По нашему мнению, можно было бы согласиться с рассматриваемым предложением при условии указания в законе конкретного перечня мер, направленных на обеспечение сохранности имущества и жилища в отношении как подозреваемого, так и обвиняемого. Применительно к последнему эти меры могут иметь более объемный характер. Учитывая, что в их осуществлении могут принимать участие различные представители органов исполнительной власти, установить данный порядок можно в постановлении Правительства РФ.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Меры по обеспечению сохранности имущества подозреваемого, обвиняемого не являются уголовно-процессуальным принуждением имущественного характера. Их применение не предполагает ограничения и стеснения конституционных прав иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им. Размещение ст. 160 УПК РФ в главе 21 УПК РФ соответствует их характеристике как мер, применяемых на всех этапах предварительного расследования. Они направлены на защиту имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при применении к ним процессуальных принудительных мер, связанных с лишением свободы.

2. Применение мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу, не требует судебного решения, является кратковременным и неотложным, составляет компетенцию следователя, дознавателя. Отсутствие указания на них в законе приводит на практике к использованию аналогии. Данные обстоятельства оказывают влияние на характер применяемых мер. Они нуждаются в правовом регулировании в соответствии с изменяющимися экономическими отношениями, изменением редакции ст. 313 УПК РФ, дополнением новой ст. 313.1 УПК РФ правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в его постановлении от 9 июля 2020 г. N 34-П. Их примерный перечень необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе или в постановлении Правительства РФ.

3. Предлагается дополнить ч. 4 ст. 108 УПК РФ положением, предоставляющим право судье, рассматривающему постановление о возбуждении ходатайства об избрании

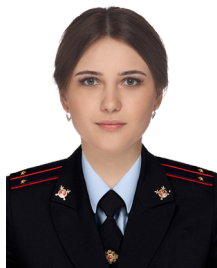
в качестве меры пресечения заключения под стражу, принимать меры по обеспечению сохранности имущества и жилища обвиняемого.

Библиографический список

1. Булатов, Б.Б. Теоретико-правовые проблемы реализации положений ст. 160 УПК РФ / Б.Б. Булатов, А.С. Дежнев // Права человека в сфере уголовного судопроизводства: содержание, механизмы защиты и пределы ограничения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сергея Петровича Щербы. – М.: Московская академия экономики и права, 2013. – С. 68-76.
2. Власова, Н.А. Применение попечительных и обеспечительных мер в отношении иждивенцев и имущества подозреваемого, обвиняемого / Н.А. Власова // Российский следователь. – 2016. – N 11. – С. 10-14.
3. Грачева А.С. Меры попечения о детях, иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению его имущества : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Грачева. – М., 2022. – 204 с.
4. Грачева, А.С. Меры попечения о детях, иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению его имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Грачева. – М., 2022. – 32 с.
5. Грачева, А.С. Специфика реализации мер по охране жилища подозреваемого (обвиняемого), к которому применена мера принуждения, связанная с ограничением свободы / А.С. Грачева // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – N 2. – С. 158-161.
6. Дежнев, А.С. Защита интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России : монография / А.С. Дежнев. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 195 с.
7. Дежнев, А.С. Обеспечение сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или заключению под стражу / А.С. Дежнев // Российский следователь. – 2010. – N 11. – С. 10-12.
8. Дежнев, А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.С. Дежнев. – Омск, 2013. – 43 с.
9. Дежнев, А.С. Реализация социальных функций семьи в уголовном процессе России : монография / А.С. Дежнев. – Омск: Омская академия МВД России, 2012. – 288 с.
10. Отзыв ведущей организации на диссертацию А.С. Грачевой «Меры попечения о детях, иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению его имущества» // Сайт Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. – URL: <http://мосу.мвд.рф>.
11. Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Кнорус, 2007. – 992 с.
12. Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. – 699 с.
14. Тутынин, И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : монография / И.Б. Тутынин. – М.: Юрлитформ, 2017. – 359 с.
15. Цоколова, О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография / О.И. Цоколова. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 310 с.

УДК 342.9

Ольга Юрьевна РАЗГОН,
адъюнкт Академии управления
МВД России (г. Москва)
razgon.lilya@mail.ru

ПОЗИТИВНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И МЕСТО В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

POSITIVE ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: THE CONCEPT, SIGNS AND PLACE IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE

На протяжении нескольких десятилетий ведутся активные научные дискуссии по вопросам административно-процессуального права ввиду отсутствия общепризнанной теории административного процесса. В статье автором рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся содержания и сущности позитивных административных производств как одного из структурных элементов системы административного процесса Российской Федерации; исследуется понятийный аппарат системы административного процесса, а также взаимосвязь понятий «производство» и «процедура» в рамках определения места данного правового явления. Предложено авторское понятие позитивных административных производств.

For several decades, there have been active scientific discussions on the issues of administrative procedural law, due to the lack of a generally accepted theory of administrative process. In the article, the author considers theoretical issues related to the content and essence of «positive administrative proceedings» as one of the structural elements of the system of administrative process of the Russian Federation; the conceptual apparatus of the system of administrative process is investigated, as well as the relationship between the concepts of «proceedings» and «procedure» in the context of determining the place of this legal phenomenon. The author's concept of «positive administrative proceedings» is proposed.

Ключевые слова: административный процесс, управленческий подход, административные процедуры, управленческая деятельность государственной администрации, позитивные административные производства.

Keywords: *administrative process, managerial approach, administrative procedures, managerial activity of public administration, positive administrative proceedings.*

Институт административно-процессуального права на протяжении всего своего существования в разные исторических периоды выступал в качестве предмета дискуссий для ученых-административистов.

«У всякой эпохи свои задачи, и их решение обеспечивает прогресс человечества»¹. Высказывание Генриха Гейне отражает фактическую закономерность развития подходов к пониманию административного процесса,

1 Всемирная энциклопедия афоризмов. Собрание мудрости всех народов и времен / сост.: Е. Агеева. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vsyemirnaya-entsiklopyediya-aforizmov-Sobraniye-mudrosti-vsye-kh-narodov-i-vryemyen.28.html> (дата обращения: 31.10.2023).

ведь развитие того или иного правового института в первую очередь зависит от уровня развития правовой системы государства. Поэтому не удивительно, что в определенный промежуток времени формировалась своя мировоззренческая и научно обоснованная позиция.

Примечательно, что на сегодняшний день вопрос о содержании административного процесса остается открытым. Каждый из сторонников того или иного подхода отстаивает свою позицию, при этом прибегая к систематической корректировке заявленных ранее аргументов с учетом изменения законодательства или появления новых научных трудов оппонентов. Такая категоричная позиция исследователей объясняется тем, что ни одна из существующих теоретических конструкций так и не стала общепризнанной.

Ввиду того, что нет единого подхода к содержанию административного процесса, сложность вызывает вопрос определения природы и сущности позитивных административных производств. Одна из ключевых проблем кроется в использовании понятийного аппарата системы. Для формулировки и толкования термина необходимо прежде всего получить ответ на несколько основополагающих вопросов: что представляет собой производство, как оно взаимосвязано с административным процессом и о какой позитивной составляющей данного правового явления идет речь?

Традиционно в юридической науке выделяют 3 основных подхода к пониманию административного процесса: судебный, принадлежащий Ю.Н. Стариллову [13; 14], юрисдикционный (автор Н.Г. Салищева [11]) и управленческий В.Д. Сорокина [12].

Важно отметить, что именно В.Д. Сорокин поднимал проблему в терминологии административного процесса, обозначая потребность в установлении «единого подхода к используемым в научном обороте терминам» [12, с. 50]. По мнению ученого, взаимосвязь между административным процессом и производством представлена следующим образом: «производство – часть процесса – совокупность производств» [12, с. 51]; из этого следует безоговорочное положения о том,

что производство является частью процесса [12, с. 53].

Л.Л. Попов, продолжая развивать идею о публичной управленческой деятельности в рамках управленческой концепции, пришел к выводу о том, что административный процесс представлен «совокупностью управленческих процедур и юрисдикционных производств» [10, с. 179]. Первая группа предназначена непосредственно для реализации позитивной управленческой деятельности, вторая – для обеспечения разрешения конфликтных ситуаций (связан исключительно с правонарушениями). При этом важно отметить, что автор говорит о различии понятийного аппарата для управленческого и юрисдикционного процессов: термин «производство» имеет связь только с юрисдикционным и неприменим в общем управленческом процессе, там будет уместно использовать термин «процедура».

И все же большинство административистов – сторонников управленческой концепции применяют понятие «производство» в качестве синонима «административных процедур», в том числе Ю.М. Козлов, говоря об административных производствах, составляющих административный процесс, подразделяет их на «процедурные и юрисдикционные» [5, с. 99].

Ю.М. Козлов и Л.Л. Попов, несмотря на разные подходы к использованию терминологии, все же едины во мнениях по поводу того, что составляющими административного процесса являются административно-юрисдикционная и административно-процедурная деятельность, где административное производство следует понимать «как способ обеспечения законности в сфере исполнительной власти» [2, с. 384].

Несмотря на дифференциацию мнений представителей научных школ, во всех концепциях они так или иначе использовали понятие «производство». В рамках судебного подхода оно применялось для обозначения видов судебных процессов – исковое производство, упрощенное производство и другие; в юрисдикционной теории данный феномен впервые получил легальное закрепление – производство по делам об административных правонарушениях; представители управлен-

ческой концепции установили, что именно «производство» является структурным элементом административного процесса.

Очевидно, что в рамках определения содержания позитивных административных производств следует остановиться на управленческой концепции административного процесса, в которой данный правовой феномен закрепился и фактически стал частью административного процесса. Употребление термина «административное производство» допустимо в группе, определяющей управленческую процессуальную деятельность, поэтому можем говорить о том, что административные процедуры рассматриваются в качестве элементов позитивных административных производств, образующих в совокупности правовую основу управленческого (позитивного) административного процесса [4, с. 45].

Подходы к позитивной составляющей административного процесса по своей природе различны: одни исследователи целиком отождествляют их с группой административных процедур, другие выделяют позитивные производства из категории административных процедур, где помимо позитивных есть и негативные производства.

Наиболее распространенной стала точка зрения о том, что административные производства позитивного характера представлены административными процедурами, в то время как производства негативные, вызванные правонарушениями, являются юрисдикционными производствами или коллизионными административными процедурами [15, с. 5]. Таким образом, мы можем поставить знак равенства между понятиями «производство» и «процедура».

Например, по мнению А.Б. Габассова, под позитивными административными процедурами следует понимать «урегулированный административно-правовыми нормами порядок действий органов государственной администрации, направленный на исполнение их компетенции, оказание государственных услуг гражданам и их объединениям по реализации их прав и свобод, на исполнение обязанностей и не связанный с привлечением

к ответственности или рассмотрением публично-правовых споров» [3, с. 65].

Таким образом, проанализировав данную формулировку термина, можем отметить следующие отличительные характеристики:

- определенный алгоритм действий;
- урегулирование нормами права;
- субъект: орган государственной администрации;
- три формы реализации: реализация компетенций (полномочий), оказание госуслуг и исполнение обязанностей;
- отсутствие спора о праве;
- отсутствие института привлечения к ответственности.

Сторонник того же подхода И.М. Лазарев в своих трудах делает акцент на административных процедурах, которые являются неотъемлемой составной частью административного процесса и представляют собой исключительно позитивные правоотношения. Согласно его концепции административные процедуры представлены «правоприменительной деятельностью органов исполнительной власти, урегулированной нормами права и направленной на реализацию полномочий во взаимоотношениях с не подчиненными им гражданами и их организациями, а также не связанной с рассмотрением споров или применением мер принуждения» [6, с. 54]. Не сложно заметить, что между двумя понятиями прослеживается тесная взаимосвязь, однако есть и отличительные признаки. Согласно термину И.М. Лазарева позитивные производства:

- представляют правоприменительную деятельность;
- субъектом выступают органы исполнительной власти;
- осуществляют лишь полномочия, осуществляемые во взаимоотношениях с не подчиненными им гражданами и их организациями.

Согласно такому подходу представляется, что все административные процедуры по своей природе – явление позитивное, так как не содержат в себе разрешение какого-либо спора и не включают в себя институт привлечения к ответственности.

Вторая группа ученых основывается на принципе разделения административных процедур по характеру применения на две категории: позитивные и негативные. По мнению А.А. Никольской, «все существующие административные процедуры» следует делить на позитивные и юрисдикционные [7, с. 92]. В соответствии с такой классификацией позитивные административные процедуры представляют собой «нормативно-урегулированную, документируемую деятельность органов (государственных или муниципальных) или должностных лиц, состоящую из определенных последовательных стадий, по реализации полномочий указанных субъектов путем применения норм различных отраслей права и принятия различных правовых актов управления для достижения конкретного результата, по содержанию не связанную с судебным рассмотрением споров о субъективном публичном праве и применением мер административного принуждения».

Согласно данному определению появляются несколько новых характерных для данного явления признаков:

– субъекты: государственные и муниципальные органы или должностные лица;

– стадийность;

реализация путем применения норм различных отраслей права и принятия различных правовых актов управления.

А.А. Павлушиной высказывается аналогичное мнение по поводу того, что «по характеру процедуры делятся на «позитивные», отражающие (неюрисдикционный) правоприменительный процесс (на основе выделенных И.В. Пановой производств по обращениям, разрешительно-лицензионному производству, регистрационному, административно-договорному [8, с. 32]), и «негативные», характеризующие юрисдикционный процесс, который имеет место, если в системе нормативной правореализации возникают коллизия, аномалия, правовой спор» [9, с. 263-265].

Указанные выше авторы так или иначе в рамках своих исследований при раскрытии позитивной составляющей административного процесса используют термин «административная процедура», обходя термин «про-

изводство». Интересно, что К.В. Давыдов представил в виде таблицы «семантических площадей», включающей макро-, мезо- и микроуровни, соотношение терминов «процесс», «производство» и «процедура», согласно которой средний уровень (в управленческой концепции) представлен позитивными управленческими административными производствами, а микроуровень – позитивными административными процедурами [4, с. 40-44].

В соответствии с этим подходом В.Д. Сорокин, определяя содержание позитивных производств, относит к ним «юридически закрепленные процедуры внутриаппаратной (организационной) деятельности публичной администрации, а в ряде случаев и процедуры межведомственного взаимодействия в процессе реализации полномочий по осуществлению тех или иных общих (принятие нормативных актов, поощрение персонала, государственные награды, рассмотрение обращений и жалоб) или специальных (регистрация юридических и физических лиц, прав на недвижимой имуществе и сделок с ним, лицензирование) функций управления» [1, с. 59].

Иначе говоря, позитивные производства, по мнению ученого, представлены внутриаппаратной и внешнеуправленческой деятельностью, о которых ранее упоминала Н.Г. Салищева (при этом важно отметить, что данная деятельность, согласно концепции автора, не входила в структуру административного процесса, поэтому на тот период времени можно говорить о том, что в нем отсутствовали позитивные производства).

Трактовка термина «позитивные административные производства» весьма неоднозначна. Каждое из определений, без сомнения, носит исключительно индивидуальный характер, при этом в формулировках ученых прослеживаются точки соприкосновения, что, по нашему мнению, свидетельствует о яркой выраженности некоторых признаков.

Продолжая вопрос научной характеристики категории «позитивные административные производства», с учетом рассмотренных выше определений представляется правильным выделить систему дефинитивных признаков, основываясь на системно-структурном методе.

Так, позитивные административные производства имеют следующие характерные признаки:

- регулирование нормами административно-процессуального права;
- внутриорганизационная и внешнеуправленческая деятельность;
- субъект: государственная администрация;
- реализация общих и специальных функций управления;
- отсутствие правового спора и института привлечения к ответственности.

В связи с этим позитивные административные производства представляют урегули-

рованную нормами административно-процессуального права внутриорганизационную и внешнеуправленческую деятельность государственной администрации по реализации компетенций в области осуществления общих и специальных функций управления, в которых отсутствует правовой спор и институт привлечения к ответственности.

Таким образом, позитивные административные производства являются неотъемлемой частью административного процесса и занимают в нем особое место. Они определяют общий порядок деятельности органов управления, исходя из приоритета прав, свобод и законных интересов граждан.

Библиографический список

1. Аврутин, Ю.Е. Об административном процессе и процедурной форме государственного управления / Ю.Е. Аврутин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – N 1 (61). – С. 56-63.
2. Административное право / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М., 2009. – 824 с.
3. Габбасов, А.Б. Позитивная административная процедура: поиск новой парадигмы отношений между человеком и чиновником / А.Б. Габбасов // Журнал российского права. – 2011. – N 8. – С. 65-72.
4. Давыдов, К.В. Административные процедуры: концепция правового регулирования : дис. ... докт. юрид. наук / К.В. Давыдов. – Нижний Новгород, 2021. – 655 с.
5. Козлов, Ю.М. Административное право : учебник / Ю.М. Козлов. – М., 1999. – 320 с.
6. Лазарев, И.М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / И.М. Лазарев. – М., 2005. – 199 с.
7. Никольская, А.А. Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования) : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Никольская. – Воронеж, 2007. – 261 с.
8. Павлушина, А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития : монография / А.А. Павлушина. – Самара, 2005. – 478 с.
9. Панова, И.В. Административно-процессуальное право России : монография / И.В. Панова. – 3-е изд., пересмотр. – М., 2012. – 288 с.
10. Попов, Л.Л. Ключевые проблемы административного процесса / Л.Л. Попов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. – 2016. – N 4 (27). – С. 171-185.
11. Салищева, Н.Г. Административный процесс в СССР / Н.Г. Салищева. – М., 1964. – 158 с.
12. Сорокин, В.Д. Проблемы административного процесса / В.Д. Сорокин. – М., 1968. – 144 с.
13. Старилов, Ю.Н. Административная юстиция = Administrative justice: проблемы теории / Ю. Н. Старилов. – Воронеж, 1998. – 197 с.
14. Старилов, Ю.Н. Административная юстиция: теория, история, перспективы / Ю.Н. Старилов. – М.: НОРМА, 2001. – 292 с.
15. Тихомиров, Ю.А. Административные процедуры и право / Ю.А. Тихомиров, Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2002. – N 4. – С. 3-13.

УДК 343.144

Андрей Игоревич СЕМЕНОВСКИЙ,

ассистент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)

semenovsky.ai97@gmail.com

ФОРМАЛЬНАЯ СТОРОНА ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО (В АСПЕКТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ)

FORMAL ASPECT OF STATEMENTS OF THE ACCUSED (IN TERMS OF PROCEDURAL ACTIONS)

Исследование, проведенное автором статьи, обращается к формальной стороне показаний обвиняемого в контексте следственных и судебно-следственных действий. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости и возможности получения таких доказательств правоприменителем в ходе любых следственных и судебно-следственных действий, однако с соблюдением определенного «минимального стандарта». Данную возможность следует прямо предусмотреть в действующем законодательстве.

The research conducted by the author of this article deals with the formal side of the statement of the accused in the context of investigative and judicial investigative actions. As a result of the studies, the author comes to the conclusion that it is necessary and possible for a law enforcement officer to obtain such statement in the course of any investigative and judicial investigative actions, but in compliance with a certain «minimum standard». This possibility should be specifically provided for in current legislation.

Ключевые слова: допрос, широкий подход к показаниям, показания обвиняемого, формальная сторона показаний, допустимость показаний.

Keywords: *interrogation, broad approach to statement, statement of the accused, formal aspect of statement, credibility of statement.*

Несмотря на устоявшееся понимание содержания показаний обвиняемого, в доктрине и в правоприменительной практике нет единства относительно формальной стороны данного вида доказательств [4, с. 26; 5, с. 9; 6, с. 119]. Исследование показывает, что формальная сторона показаний обвиняемого обсуждается в двух аспектах. Во-первых, рассматривается уголовно-процессуальная форма самих таких показаний как отдельного вида доказательств, в которой они представ-

лены в уголовном процессе. Анализируется, могут ли показаниями считаться сведения, записанные в протокол допроса, или показания – предоставление информации в режиме «здесь и сейчас» [4, с. 26]. Во-вторых, анализируется, каким образом и при каких процессуальных действиях показания обвиняемого могут быть получены [5, с. 9].

Анализ второго аспекта формальной стороны показаний обвиняемого является предметом настоящей статьи.

Еще И.Я. Фойницкий с учетом анализа ст. 626 и 627 Устава уголовного судопроизводства приходил к выводу, что показания обвиняемого могут быть сообщены им перед судом в ходе допроса, а также содержаться в заявлениях, сделанных до суда, письменных (письма, личные дневники и т.п.) или устных, устанавливаемых со слов свидетелей, записанных в обвинительном акте, а также в протоколах, записанных судебным следователем, если об их исследовании просил обвиняемый [11, с. 263-264].

В советский период, например, Л.М. Карнеевой отстаивалось мнение, что показания обвиняемого представляют собой его объяснения, полученные только и исключительно в ходе допроса в рамках предварительного расследования или в суде относительно отдельных обстоятельств уголовного дела [10, с. 600]. Такая позиция, стоит признать, соответствует легально закрепленному определению понятия показаний обвиняемого на сегодняшний день (ч. 1 ст. 77 УПК РФ). Р.Д. Рахунов полагал, что если сведения, содержащиеся в устных или письменных заявлениях обвиняемого, касаются фактов расследуемого события, то только на основании этого они уже могут рассматриваться в качестве показаний по уголовному делу [7, с. 35]. Некоторые ученые из судейского сообщества на сегодняшний день придерживаются позиции, согласно которой необходимо признать возможность получения показаний обвиняемого, устных или письменных, в ходе любых следственных и судебно-следственных действий, если они имеют значение для уголовного дела [6, с. 119].

Существует позиция, что показания обвиняемого могут быть получены только в ходе допроса и очной ставки. Данная позиция аргументируется тем, что если рассматривать в качестве показаний сведения, сообщенные в ходе иных процессуальных действий, то пропадает различие между собственно показаниями и протоколами указанных процессуальных

действий [2, с. 182]. Однако фактически показания отражаются в протокольной форме тех же допроса и очной ставки (ст. 190, ч. 5 ст. 192 УПК РФ), содержание показаний привязывается к тому, как они отражены в протоколах, и точно так же такие протоколы оцениваются правоприменителем в качестве доказательств [1, с. 55; 3, с. 6; 4, с. 30; 12, с. 177-180].

Имеется также позиция, согласно которой показания обвиняемого могут быть получены в ходе: следственного и судебного допроса, опознания, проведенного во время предварительного расследования или в суде, очной ставки, проверки показаний на месте [5, с. 15]. Объясняется это тем, что в ходе указанных процессуальных действий обвиняемый может сообщить сведения относительно отдельных обстоятельств расследуемого события [5, с. 12-14].

В практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ встречаются примеры судебных актов, в которых показаниями именуется сведения, сообщенные обвиняемым в ходе производства проверок показаний на месте, очных ставок, даже в ходе обыска относительно принадлежности изымаемых наркотических средств¹. Однако обыск не предполагает поиск только материальных следов, что проистекает из чч. 1 и 16 ст. 182 УПК РФ, и возникает вопрос: какую правовую природу потенциально могли бы иметь сообщенные в ходе данного следственного действия сведения от обвиняемого, непосредственно имеющие доказательственное значение? В силу того, что закон называет показаниями доказательства, полученные в виде сведений, сообщенных участниками уголовного судопроизводства, от которых предполагается получение именно показаний, то и указанные сведения фактически ими выступают (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Подход к формальной стороне показаний обвиняемого, согласно которому они могут быть получены в ходе любых процессуальных действий, иногда именуют широким. Анализ

1 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.06.2005 N 82-О05-13 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=119344 (дата обращения: 14.10.2023); надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.08.2013 N 88-Д13-15 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=554952 (дата обращения: 14.10.2023).

практики высшей судебной инстанции по уголовным делам фактически демонстрирует такой подход к ним.

Предложения об изменении положений ч. 1 ст. 77 УПК РФ касательно легального расширения перечня следственных действий, в ходе которых могут быть получены показания обвиняемого, существуют в литературе относительно давно [2, с. 182; 5, с. 15]. Примеры из практики свидетельствуют о потребности в таком расширении, но вопрос об ограничении таких процессуальных действий рядом конкретных остается открытым.

С учетом отмеченной тенденции, которая имеется в судебной практике высшей инстанции по уголовным делам, обратим внимание на опыт регулирования показаний обвиняемого зарубежных стран. Например, согласно ч. 1 ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения под показаниями обвиняемого понимаются данные, сообщенные им в письменной или устной форме в досудебном производстве, а также в ходе допроса в суде, произведенного в порядке, установленном кодексом¹. То есть перечень процессуальных действий, в ходе которых могут быть получены показания на досудебных стадиях, остается открытым. Согласно законодательству Республики Беларусь показания обвиняемого могут быть получены как в ходе допроса в суде или на досудебных стадиях, так и других следственных действий, в которых он принимает участие (ч. 1 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь²).

Исследователи показаний обвиняемого стран англосаксонской правовой семьи отмечают, что их правоприменитель может использовать любые сообщения от обвиняемого, полученные в устной и письменной форме официальными лицами (даже, например, в ходе звонка в «Службу спасения»), в качестве доказательств в суде при условии информированности лица о правах обвиняемого, даже когда он таким статусом еще не обладает [14, с. 394]. Однако подход на рас-

ширение понятия показаний обвиняемого любыми сведениями, в том числе полученными до начала производства по уголовному делу, как представляется, должен вызывать опасение и споры, так как лицо еще не получило официальный статус обвиняемого, не может должным образом обеспечить себе защиту от обвинения, продумать линию защиты, реализовать цель дачи показаний обвиняемого, заключающуюся не только в сообщении доказательственной информации, но и защите своих прав и свобод.

Расширение формального аспекта показаний обвиняемого через указание на то, что ими являются сведения, сообщенные обвиняемым в ходе любого следственного действия, может иметь ряд позитивных моментов. В первую очередь это касается возможности предоставления обвиняемым незамедлительной аргументации своей позиции по делу, доказательственных сведений. Человек принимает решение на основании предыдущего опыта, который им принят и осознан, а также своих стереотипов, и психология принятия решений следователем не является исключением [13, с. 374]. Исходя из данного правила принятия решений, человек скорее принимает и ищет информацию, которая подкрепляет его опыт и стереотипы, сложившиеся убеждение, и чем ее больше, тем сложнее человеку изменить свое решение [13, с. 374]. Легальное закрепление в качестве показаний обвиняемого сведений, сообщаемых им в ходе любых следственных действий, обеспечит правовую возможность обвиняемого наиболее быстро реагировать на появляющийся в уголовном деле доказательственный материал. В случае придания указанным сведениям законного статуса показаний субъекты доказывания уже не смогут не принимать во внимание такие сведения по причине их неоднозначного правового статуса, вынуждены будут их оценить, смогут принять решение в пользу обвиняемого с меньшим психологическим противлением.

Подобный взгляд на формальную сторону показаний обвиняемого способствует по-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения // Правовая информационная система Армении. URL: <https://www.arlis.am/> (дата обращения: 14.10.2023).

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 14.10.2023).

лучению наиболее полных показаний от данного лица, так как позволяет использовать легально в качестве доказательства сведения, которые обвиняемый вспоминает в момент производства того или иного следственного действия, желает воспроизвести. Еще больше подкрепляет эту позицию рассмотрение в качестве показаний не только устных сведений, но и любых таких письменных сведений, пусть даже записанных обвиняемым собственноручно.

Каждое следственное и судебно-следственное действие возникало и развивалось для собирания и исследования определенного вида доказательств [9, с. 14]. Соответственно, именно процессуальная форма допроса развивалась для получения показаний с наиболее полным обеспечением прав и законных интересов допрашиваемых.

Показания обвиняемого, будучи рассматриваемыми в качестве средств защиты, имеют специфический процессуальный порядок их получения, обеспечивающий право на защиту [10, с. 612]. Это предопределяет ряд специальных условий и процедур, характерных для допроса обвиняемого, которые должны быть соблюдены при получении сведений от него, чтобы они могли бы рассматриваться в качестве показаний и использоваться в процессе доказывания по уголовному делу.

Так, специальным условием допроса обвиняемого является само по себе появление такого участника в уголовном деле (ч. 1 ст. 47 УПК РФ). В предусмотренных законом случаях обязательным участником допроса обвиняемого является его защитник (ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Участие защитника в данном случае рассматривается практикой и теорией в качестве гарантии права на защиту [8, с. 8]. В отношении процедуры допроса обвиняемого существует ряд особых условий, помимо общей процедуры, предусмотренной ст. 164 УПК РФ, общих правил производства следственных действий и специфических условий, относящихся к допросу (ст. 189 УПК РФ). К таким особенностям можно отнести требование проводить первоначальный допрос немедленно после предъявления обвинения (ч. 1 ст. 173 УПК РФ), требова-

ние по выяснению отношения к обвинению перед началом допроса, желания давать показания (ч. 2 ст. 173 УПК РФ), а также требование о допросе обвиняемого только по его просьбе при отказе давать показания на первоначальном допросе (ч. 4 ст. 173 УПК РФ). Закон имеет ряд требований к составлению протокола допроса, его содержанию, которые могут не указываться в иных протоколах допроса, если они не изменялись (чч. 2 и 3 ст. 174 УПК РФ). Относительно несовершеннолетних обвиняемых закон устанавливает специфический круг участников допроса, который в определенных случаях зависит от психических особенностей такого обвиняемого, а также инициативы иных участвующих в допросе лиц (ч. 3 ст. 425 УПК РФ). Такие участники также рассматриваются в качестве гарантов надлежащей защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого [6, с. 362]. Судебный допрос подсудимого регулируется специальной статьей, согласно положениям которой данный участник допрашивается при его на это желании, он допрашивается судом после допроса сторонами, председательствующий отклоняет наводящие и не относящиеся к делу вопросы, первым подсудимый допрашивается защитником и далее иными участниками стороны защиты; по ходатайству подсудимые могут допрашиваться без присутствия иных подсудимых, порядок допроса подсудимых может меняться (чч. 1, 4-5 ст. 275 УПК РФ). Кроме обозначенных условий и процедур, перед первым допросом обвиняемому объясняются права ст. 47 УПК РФ (ч. 6 ст. 47 УПК РФ), которые признаются обеспечением конституционного права обвиняемого на защиту (проистекающего из положения ст. 45 и 48 Конституции РФ). Отдельные права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, разъясняются обвиняемому повторно в случае неучастия защитника в ходе допроса на предварительном следствии (ч. 6 ст. 47 УПК РФ).

Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что протоколы первоначального допроса обвиняемого на предварительном следствии, показания из которых признаны судами допустимыми доказательствами, содержат

сведения о том, что обвиняемому разъяснены права ст. 47 УПК РФ, которые относятся именно к досудебному производству, то есть положения ч. 3 и п.п. 1-9 ч. 4 данной статьи, а не вообще все, предусмотренные ст. 47 УПК РФ¹. В любом случае последующие протоколы допросов обязательно включают информацию о разъяснении прав обвиняемого, которые предусмотрены п.п. 3, 4, 7, 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. При этом не зависит, присутствует защитник на таком допросе или нет.

Правоприменитель, в свою очередь, демонстрирует подход, согласно которому подсудимому до начала судебного разбирательства по существу разъясняются положения ст. 47 УПК РФ – как принадлежащие только данному участнику права, а также положения ст. 51 Конституции РФ². На практике в судебном разбирательстве показаниями подсудимого считаются и его замечания на показания иных лиц и иные доказательства по делу³.

Таким образом, допрос обвиняемого требует соблюдения определенных гарантий права на защиту для признания его результатов допустимыми, заключающихся в участии определенного круга лиц в установленных законом случаях, во-вторых, как минимум в информировании обвиняемого о его уголовно-процессуальных правах, обеспечивающих конституционное право на защиту, предусмотренных ст. 47 УПК РФ.

Отметим, отдельные авторы по результатам анализа судебно-следственной практики отмечают, что нарушения норм УПК РФ в ходе следственных действий, обеспечивающих реализацию конституционных прав, влекут признание их результатов недопустимыми согласно п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ [9, с. 219-233].

Представляется, обвиняемый должен осознавать возможность использования сообщенных им сведений в процессе доказывания, что может выступить мотивом их сообщения

или отказа от такового. Анализ протоколов допросов обвиняемого на предварительном следствии свидетельствует: обвиняемый всегда отдельно уведомляется о возможном использовании его показаний в качестве доказательств⁴.

Таковы минимальные требования к обеспечению собственно допроса обвиняемого. Вместе с тем определенно необходимо учитывать и иные условия допроса как такового, безотносительно к допросу конкретного участника уголовного судопроизводства, несоблюдение которых влечет недопустимость его результатов. Правовое регулирование следственного допроса предполагает свободу выбора допрашивающим тактики допроса и устанавливает запрет в части возможности задавать наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

При допросе подсудимого применяются аналогичные правила (ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Закон не содержит ясной формулировки, что допрашивающий в суде свободен выбирать тактику допроса, но можно предположить, что такая свобода присутствует и на судебном допросе. Однако необходимо учитывать ограничения тактики допроса, которые прямо указаны для данного процессуального действия, а также принципы уголовного процесса и общие условия судебного разбирательства. Анализ судебно-следственной практики демонстрирует то, что суды проводят оценку поставленных в ходе допроса перед обвиняемым вопросов, признают полученные показания недопустимыми в части, когда дается ответ на наводящий вопрос⁵. В последнее время особое внимание уделяется времени производства допроса, оно должно также строго соблюдаться. Относительно соблюдения времени получения сведений, рассматриваемых в качестве показаний, это относится в целом к запрету на применение принудительных мер получения показаний, к которым, например, Верховный Суд РФ, согласно позиции, отраженной в п. 7 поста-

1 Напр.: уголовное дело N 1-3/2022 // Архив Сосновоборского городского суда Красноярского края, 2022; уголовное дело N 1-167/2022 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края, 2022.

2 Там же.

3 Напр.: уголовное дело N 1-3/2022 // Архив Сосновоборского городского суда Красноярского края, 2022.

4 Напр.: уголовное дело N 1-3/2022 // Архив Сосновоборского городского суда Красноярского края, 2022; уголовное дело N 1-167/2022 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края, 2022.

5 Напр.: уголовное дело N 1-3/2022 // Архив Сосновоборского городского суда Красноярского края, 2022.

новления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. N 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» относит нарушение времени на ведение допроса, а также перечисляет иные незаконные приемы допроса, к которым относит унижение, пытки и т.п., что можно отнести к запрещенным методам производства всех иных следственных действий.

Исходя из положений УПК РФ, анализа судебно-следственной практики и высказываемой в специальной литературе позиции относительно существенных нарушений закона, влекущих признание доказательств недопустимыми, минимальными стандартами для специальных условий и процедур в целях признания получаемых сведений показаниями обвиняемого в ходе следственного и судебно-следственного действия стоит признавать: участие в них соответствующих лиц, помимо условных допрашиваемого и допрашивающего, если по закону их участие признавалось бы обязательным в ходе допроса обвиняемого; информирование обвиняемого о его правах, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, с учетом разъяснения ему о том, что получаемые от него сведения потенциально могут быть использованы в качестве допустимого доказательства по уголовному делу; соблюдение прямо установленных требований к тактике допроса.

Названные «минимальные стандарты» потому так и именуется в силу того, что суды наиболее пристально обращают внимание на их исполнение, а соблюдение указанных «стандартов» наиболее важно для реализации прав обвиняемого. Это касается и варианта получения таких показаний в ходе иных следственных, судебных действий. Не менее важны и другие процедурные особенности допроса, которые способствуют получению более полных показаний и относятся к допросу любых участников, например возможность пользоваться заметками, записями, документами в ходе допроса (ч. 3 ст. 189, ч. 2 ст. 275, ст. 279 УПК РФ); необходимость по возможности дословно фиксировать даваемые показания от первого лица и задаваемые

вопросы (ч. 2 ст. 190 УПК РФ). Однако данные и иные особенности процедуры допроса не относятся сугубо к обвиняемому, а практика и доктрина, как демонстрирует их анализ, не относит их нарушение категорично к столь существенным особенностям процедуры допроса, без соблюдения которых его результаты признаются недействительными.

Закон связывает формальную сторону показаний обвиняемого с их получением в ходе допроса в суде или во время предварительного расследования в соответствии с ч. 1 ст. 77 УПК РФ.

Согласно положениям чч. 1 и 2 ст. 1 УПК РФ порядок уголовного судопроизводства определяется собственно УПК РФ, основанным на Конституции РФ. Этот порядок является обязательным для всех участников уголовного судопроизводства.

Следовательно, основываясь на такой логике, можно сделать вывод о том, что данные показания должны быть приняты в качестве доказательств в уголовном деле, только если они были получены во время допроса в суде или в ходе предварительного расследования.

Закон также предусматривает определенные меры, которые можно считать проверочными в отношении результатов допроса. Эти меры включают проведение очной ставки, если имеются значительные расхождения между показаниями различных участников уголовного процесса (согласно ст. 192 УПК РФ), проведение опознания (согласно ст. 193 и 289 УПК РФ соответственно), проведение освидетельствования для проверки достоверности показаний (согласно ст. 179 и 290 УПК РФ), а также проверку показаний на месте для уточнения или проверки ранее полученных показаний (согласно ст. 194 УПК РФ). Хотя исследование показаний допустимо этими следственными и судебно-следственными действиями, принципиально новых показаний, исходя из буквального толкования положений УПК РФ, получить в ходе них невозможно. Для их получения нужно провести допрос.

Однако такой подход нивелируется на сегодняшний день разъяснением законодательства в отношении признания доказательств недопустимыми в случаях, прямо не

установленных законом (то есть в случае, предусмотренном п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Так, согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» доказательства признаются недопустимыми при наличии существенных нарушений в их собирании и закреплении, осуществлении указанных действий ненадлежащими лицами или в ходе непредусмотренных процессуальных действий.

Исходя из представленного толкования п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, эксперты в области уголовно-процессуального доказывания указывают на различие нарушений, которые возникают в процессе сбора доказательств, на существенные и несущественные нарушения [9, с. 219-233]. Последние, хоть формально и являются нарушением УПК РФ, к признанию доказательств недопустимыми не приводят. Основанием таких выводов исследователей служит и судебная практика, сформировавшаяся после принятия последнего из указанных постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, с учетом имеющегося на сегодняшний день легального толкования положений ст. 75 УПК РФ, а также доктринальных воззрений относительно недопустимости доказательств, основанных на отмеченном толковании, представляется возможным получать показания обвиняемого в ходе любых следственных и судебно-следственных действий, в ходе которых были реализованы отмеченные минимальные стандарты (назовем их – гарантии) допроса в части его процессуальной формы их получения.

Некоторые исследователи отмечают, что при сообщении сведений, по которым опознающий кого-то или что-то опознал, он фактически сообщает сведения о воспринятом им расследуемом событии, которые традиционно составляют сущность сообщаемых на допросе показаний [5, с. 13]. Однако к таким сведениям закон использует термин «объяснения опознающего» (ч. 9 ст. 193 УПК РФ). Так, лица, участвующие в следственном дей-

ствии, могут делать заявления, которые обязательны к внесению в протокол (ч. 4 ст. 166 УПК РФ). Если под термином «заявление» в данном случае понимать не только ходатайства, то стоит признавать, что такие заявления вполне могут содержать сведения, имеющие относящуюся к делу доказательственную информацию, то есть по существу являться показаниями. Как показал анализ практики судов, результаты которого отражены выше, получение показаний в ходе иных следственных и судебно-следственных действий неограниченного перечня – тенденция, вызванная практической необходимостью. При этом, как демонстрирует проведенный сравнительно-правовой анализ, данная тенденция характерна не только для российского государства. Однако, чтобы избежать разночтений в правоприменительной практике, в том числе в силу изменяющихся подходов к толкованию закона, положения УПК РФ в срезе формальной стороны показаний обвиняемого следует уточнить путем законодательного признания возможности получения показаний не только в ходе допроса, но и в ходе других следственных и судебно-следственных действий. Как было отмечено, такая практика уже установлена, например, в УПК Республики Беларусь.

Завершая, полагаем допустимыми следующие выводы. Подход к формальной стороне показаний обвиняемого с позиций возможности их получения как в письменной, так и в устной форме в ходе неограниченного круга следственных и судебно-следственных действий имеет практическую целесообразность для всех сторон уголовного судопроизводства, способствует как более оперативному получению доказательственной информации, так и более быстрому ее донесению стороной защиты. Такой подход характерен для законодательной практики ряда зарубежных стран. Анализ российской правоприменительной практики, в свою очередь, демонстрирует стремление к реализации такого подхода у высшей судебной инстанции. То есть, действительно, имеется практическая необходимость его реализации в российском уголовном судопроизводстве. На сегодняшний день

с учетом актуального толкования Верховным Судом РФ соответствующих положений УПК РФ в части недопустимости доказательств показания обвиняемого в целом представляется допустимым получать путем иных следственных и судебно-следственных действий кроме допроса. Однако необходимо соблюдать установленные минимальные стандарты при получении указанных показаний. Эти стандарты включают обязательное участие определенных лиц в процессе получения показаний, если их участие необходимо при данных

условиях уголовного дела, информирование обвиняемого о его правах и последствиях выражения определенной информации, которая может стать доказательством в уголовном деле, и соблюдение запретов на тактику допроса.

Между тем проведенный анализ закона и его легального толкования свидетельствует о целесообразности именно законодательного закрепления правомочия на получение показаний обвиняемого в ходе иных процессуальных действий кроме допроса.

Библиографический список

1. Власова, Н.А. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике / Н.А. Власова // Российская юстиция. – 2003. – N 9. – С. 55-56.
2. Григорьев, В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.
3. Григорьева, Н.В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств / Н.В. Григорьева // Российская юстиция. – 1995. – N 11. – С. 5-7.
4. Костенко, Р.В. Проблема определения процессуальной формы показаний обвиняемого / Р.В. Костенко, Е.В. Шульгина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – N 2. – С. 23-32.
5. Новиков, С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : монография / С.А. Новиков. – СПб.: Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – 240 с.
6. Основы уголовного судопроизводства : учебник для бакалавров / М.В. Бубчикова, В.А. Давыдов, В.В. Ершов [и др.]; под ред. В.А. Давыдова и В. В. Ершова. – М.: РГУП, 2017. – 444 с.
7. Рахунов, Р.Д. Доказательственное значение признания обвиняемого по советскому уголовному процессу / Р.Д. Рахунов // Советское государство и право. – 1956. – N 8. – С. 34-43.
8. Смирнов, А.В. Следственные действия в российском уголовном процессе : учебное пособие / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: СПбГИЭУ, 2004. – 73 с.
9. Стельмах, В.Ю. Концептуальные основы следственных действий : монография / В.Ю. Стельмах. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 288 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов [и др.]; отв. ред. Н.В. Жогин – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
11. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Сенаторская типография, 1910. – Т. 2. – 572 с.
12. Юрьев, Г.Ю. Допустимость показаний обвиняемого с точки зрения надлежащего источника их получения / Г.Ю. Юрьев // Государственная служба и кадры. – 2018. – N 4. – С. 177-180.
13. Adams-Quackenbush, N.M. Where Bias Begins: A Snapshot of Police Officers' Beliefs About Factors that Influence the Investigative Interview with Suspects / N.M. Adams-Quackenbush, R. Horselenberg, P. J. Koppen // Journal of Police and Criminal Psychology. – 2019. – N 34. – P. 373-380.
14. Burnham, W. Introduction to the Law and Legal System of the United States / W. Burnham – NY: West Academic Publ., 1995. – 951 p.

УДК 343.364

Екатерина Алексеевна ШАЙДЕНКО,
адъюнкт Омской академии МВД России
shaidenko.work@gmail.com

**ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
КАК ОЦЕНОЧНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ВЛИЯЮЩИЙ НА СТЕПЕНЬ ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ**

**SEVERE CONSEQUENCES OF FALSIFICATION OF EVIDENCE
AS AN EVALUATIVE DIMENSION OF A CORPUS DELICTI AFFECTING
THE DEGREE OF ITS PUBLIC DANGER**

Автором рассматривается проблема оценки наступления тяжких последствий при квалификации фальсификации доказательств как обязательного признака состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ. Обращено внимание, что практика признания судами тех или иных последствий, наступивших в результате фальсификации доказательств, в качестве тяжких неоднородна. Отсутствие единого мнения в литературе вызывает необходимость более широкого анализа круга возможных тяжких последствий для потерпевших от фальсификации доказательств лиц.

The author examines the problem of assessing ensuing of severe consequences when qualifying falsification of evidence as a mandatory characteristic of the crime under Part 3 of Art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that the court practice of recognizing certain consequences resulting from falsification of evidence as severe is heterogeneous. The lack of consensus in the literature requires a broader analysis of the range of possible severe consequences for victims of falsification of evidence.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, характер и степень общественной опасности, тяжкие последствия, ложные сведения, общеправовые последствия.

Keywords: falsification of evidence, nature and degree of public danger, severe consequences, fake information, general legal consequences.

Общественная опасность любого деяния, которое законодатель относит к преступлениям, по нашему мнению, является неким «мостиком» между сферой теоретических основ уголовного права и правоприменением в каждом конкретном случае. Общественная опасность является материальным признаком преступления, то есть выступает основанием для криминализации деяния, с одной стороны, и также позволяет рассматривать де-

яние как непроступное в силу малозначительности последнего, с другой стороны. Характер и степень общественной опасности оказывают влияние на различные уголовно-правовые институты, являются решающим фактором в вопросах о применении судебного штрафа, назначении наказания. Значит, наличие общественной опасности необходимо устанавливать во всех случаях – и в законодательном процессе, и в процессе правоприменения.

Нельзя не согласиться с А.И. Марцевым, который подчеркивал, что «общественную опасность следует рассматривать в качестве вторичного последствия преступного поведения или преступной деятельности» [5, с. 148]. Общественная опасность деяния может проявляться в так называемых последствиях отдаленного характера, которые прямо законодателем не указываются в нормах Особенной части УК РФ, но которые, однако, могут свидетельствовать о более высокой степени общественной опасности деяния. Оценка этого дается лишь судом в рамках индивидуализации ответственности.

Конституционный Суд РФ в своих решениях отмечает важность отношения к общественной опасности фальсификации доказательств не как к абстрактной теоретической конструкции, подчеркивая, какую роль оказывает ее практический анализ: «Деяние, предусмотренное частью третьей статьи 303 УК РФ, с учетом положений статьи 15 данного Кодекса отнесено к категории тяжких преступлений. Такая оценка федеральным законодателем характера и степени общественной опасности фальсификации доказательств по уголовному делу отражает то значение, которое имеют доказательства¹ для принятия решений в уголовном судопроизводстве, а также то, что искажение доказательств может привести к незаконным и ошибочным судебным решениям и в конечном счете не только нарушает установленный данным Кодексом процессуальный порядок, но и подрывает сущность правосудия по уголовным делам как такового»². Таким образом, Конституционный Суд РФ называет в качестве последствий отдаленного характера фальсификации доказательств 1) вынесение незаконных и ошибочных судебных решений, 2) нарушение установленного процессуального порядка, 3) подрыв сущности правосудия как такового.

В связи со сложностью структуры объекта рассматриваемого преступного деяния не представляется возможным уместить его общественную опасность лишь в рамки посягательства на общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления правосудия. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) также наносит весомый ущерб правам и законным интересам участников судопроизводства, а решения, принятые на основе сфальсифицированных доказательств, могут стать причиной, по которой потерпевший будет претерпевать физические и моральные страдания.

Общественная опасность фальсификации доказательств и результатов ОРД имеет нелинейный характер, так как распространена на целый комплекс взаимосвязанных общественных отношений. Сложность восстановления нарушенных прав лиц, пострадавших от действий фальсификатора, нередко связана с решением об отмене «неправосудных» решений.

Общественная опасность любого преступления выходит далеко за рамки норм УК РФ, она показывает себя именно в социальной действительности, а правоприменитель имеет возможность оценить ее характер и степень только в том случае, когда реализовалась «угроза неблагоприятных последствий для человека, общества или государства, т.е. природная способность общественной опасности к изменению окружающего мира» [6, с. 107]. В этом ключе мы не можем обойти вопрос о наступающих последствиях фальсификации доказательств и их влиянии на формирование общественной опасности, в том числе тяжких последствиях, которые имеют значение для квалификации преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ.

Обязательным признаком объективной стороны указанного состава преступления

1 Доказательствами согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном данным кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 N 947-О // СПС «КонсультантПлюс».

являются тяжкие последствия, наступившие в результате фальсификации доказательств. При этом важно отметить, что в подобной ситуации вид судопроизводства, в процессе которого были сфальсифицированы доказательства, не имеет значения. Сама по себе фальсификация доказательств по гражданскому, административному делам или уголовному делу небольшой или средней тяжести обладает меньшей степенью общественной опасности, чем фальсификация доказательств в любом виде судопроизводства и при рассмотрении дел любой категории, повлекшая за собой тяжкие последствия.

Для каждого потерпевшего от фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности тяжкие последствия могут выражаться в различных изменениях их социальной, материальной и даже моральной сфер жизни. Однако не все такие последствия будут соответствовать данному признаку исследуемого состава преступления.

Так, в апелляционном постановлении указано, что гражданин С. в качестве тяжкого последствия фальсификации доказательств по уголовному делу называет «существенное нарушение его права на справедливое судебное разбирательство»¹. Следователем были внесены ложные сведения в протокол осмотра места происшествия, который был проведен в рамках уголовного дела в отношении гражданина С., возбужденного по ч. 3 ст. 30 п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По данному факту фальсификации было также возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Однако гражданин С. был допрошен по уголовному делу в качестве свидетеля, а ходатайство о признании его в качестве потерпевшего не было удовлетворено в связи с тем, что суд при вынесении приговора о виновности в убийстве С. не опирался на указанное доказательство, соответственно, данные обстоятельства не повлияли на доказанность его вины в совершенном преступлении. В этой

ситуации «потерпевшими» от фальсификации с наступлением тяжких последствий остались процесс судопроизводства и авторитет судебной системы.

Вместе с тем для гражданина С. фальсификация доказательств по уголовному делу проявила свою общественную опасность, несмотря на то что сфальсифицированный следователем протокол осмотра места происшествия не лег в основу окончательного судебного решения. В апелляционной жалобе указано, что «фальсификацией доказательств права и законные интересы нарушены, в том числе ему – гражданину С. – причинен моральный вред и имущественный ущерб в связи с проведением дополнительных следственных действий, что привело к затягиванию сроков расследования дела, излишней оплате услуг адвоката и его затрат на канцелярские товары и почтовые расходы с связи с его многочисленными обращениями по поводу обжалования судебного решения и действий следователя». Более того, предварительная проверка по факту фальсификации была инициирована посредством заявления С. В этой ситуации, на наш, взгляд, тяжких последствий, действительно, не наступило.

Пленум Верховного Суда РФ дает достаточно ограниченный перечень тяжких последствий фальсификации доказательств, а именно: «привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, заключение его под стражу, причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам»².

При рассмотрении подобных ситуаций в привычном нам понимании объекта преступного посягательства вполне оправданной и

1 Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 22.10.2019 по делу N 22К-6527/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4MV3uOVwvzoi/>.

2 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 // СПС «КонсультантПлюс».

обоснованной видится позиция апелляционной инстанции: «... причинение заявителю морального и имущественного вреда в результате длительного расследования уголовного дела и понесенных им затрат ввиду обжалования судебного решения и действий следователя объектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ, не являются, в соответствии с нормами закона данные вопросы разрешаются в порядке гражданского судопроизводства, и у заявителя имеется возможность на защиту его прав в исковом порядке»¹. Однако состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 303 УК РФ, является нетипичным в связи с содержанием комплекса охраняемых общественных отношений в сфере осуществления правосудия. Сущность самого правосудия отсылает нас в том числе к непосредственной охране от преступных посягательств законных прав и интересов личности. Тогда отказ в признании гражданина потерпевшим по делу о фальсификации доказательств не отнимает у него возможность возместить наступивший имущественный вред, а лишает его права на защиту и соблюдение гарантий, предусмотренных как Конституцией РФ, так и Конвенцией о защите прав человека и гражданина.

Исходя из принятия того факта, что законодатель решающим критерием при определении, что именно отнести к тяжким последствиям фальсификации доказательств, принимает повышение общественной опасности, мы можем условно принять, что привлечение к уголовной ответственности заведомого невиновного лица или заключение под стражу по отношению к «нарушению права на справедливое судебное разбирательство» в объективном выражении будут более общественно опасны. Однако с уверенностью сказать, что такое последствие не обладает общественной опасностью совсем недопустимо, ведь подрыв авторитета системы осуществления правосудия, доверия к государству как гаранту защиты прав граждан страдает также в значительной степени. Действительно, не

все такие последствия, будут обладать степенью общественной опасности, присущей именно тяжким последствиям, в связи с чем у суда должна быть возможность их оценки с юридической и фактической стороны в каждом конкретном случае.

Тем не менее встречаются случаи, в которых суд не придерживается описанного выше подхода к определению тяжких последствий фальсификации доказательств. Обратимся к характеристике исследуемого признака в приговоре суда: «В результате умышленных незаконных действий дознавателя Р. по фальсификации доказательств по уголовному делу наступили последствия, выразившиеся в незаконном уголовном преследовании невиновного лица, незаконном применении к нему меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке, ограничившей его конституционные права на свободу передвижения, перемену места жительства, возникновении вследствие этого у него права на реабилитацию и возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями сотрудника полиции, а также нарушении охраняемых законом интересов общества и государства, дискредитации звания сотрудника полиции, подрыве авторитета органов внутренних дел и работников указанных органов»².

Данный пример иллюстрирует, что, помимо классического толкования содержания признака «тяжкие последствия», указаны специфические вторичные общественно опасные проявления фальсификации доказательств, которые наносят ущерб не только интересам правосудия и личности, а также нормальному функционированию правоохранительных органов, приводят к необходимости осуществления реабилитационных процедур в уголовно-правовой и репутационной деятельности органов внутренних дел. Несмотря на приведенные доводы, при разбирательстве дела по существу суд перешел на менее строгую квалификацию – ч. 2 ст. 303 УК РФ, мотивируя тем, что «они как в отдельности, так и в совокупности, не могут

1 Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 22.10.2019 по делу N 22К-6527/2019.

2 Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово от 11.01.2019 по делу N 1-3/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/ZOC5Dr5771or/](http://sudact.ru/regular/doc/ZOC5Dr5771or/).

быть признаны тяжкими и не являются таковыми, поскольку они не были связаны с незаконным лишением свободы, наступлением смерти, причинением тяжкого вреда здоровью человека и др.»¹.

В теории уголовного права учеными обсуждается очень широкий спектр возможных тяжких последствий фальсификации. К таковым можно отнести «осуждение лица к лишению свободы, самоубийство незаконно осужденного или его близких, психическое расстройство или серьезно заболевание вследствие осуждения» [7, с. 136] и т.п. В узконаправленных исследованиях к тяжким последствиям фальсификации доказательств по гражданским делам относят «незаконное усыновление (удочерение), банкротство предприятия и др.» [1, с.12-13].

Обратим внимание на указание в качестве тяжкого последствия «причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам»².

По мнению Л.А. Кротовой, Р.Х. Шаугаева, «основой рекомендации рассматривать в рамках данного состава преступления в качестве тяжкого последствия прекращение предпринимательской деятельности является ч. 3 ст. 299 УК РФ, субъектом которой является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью. Принимая во внимание данный конструктивный признак однородного по отношению к ст. 303 УК РФ состава преступления, «прекращение предпринимательской деятельности» также предлагается учитывать в качестве одного из тяжких последствий фальсификации доказательств» [3, с. 512].

Существуют примеры, когда уголовное преследование или наличие вступившего в силу приговора суда влечет за собой прекра-

шение трудовой деятельности физического лица. Например, представим ситуацию, когда следователь, который принял к своему производству уголовное дело в отношении оперуполномоченного о превышении им должностных полномочий, из личных неприязненных отношений фальсифицирует доказательства, которые в дальнейшем были заложены в основу обвинения при вынесении приговора в суде. После выяснения всех обстоятельств, изобличения фальсификатора оперуполномоченный был признан невиновным и реабилитирован. Однако на протяжении нескольких месяцев вследствие потери работы он был не в состоянии выплачивать ипотеку, кредитная история была испорчена и начислены штрафы. Фактически в результате фальсификации доказательств по уголовному делу нельзя исключать случаи, когда физическое лицо находилось в состоянии неплатежеспособности по имеющимся обязательствам, что принесло ему значимый материальный ущерб. Не понятно, почему в сложившейся ситуации неплатежеспособность индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации более общественно опасна, чем доведение до трудной финансовой ситуации конкретного человека.

Интересен вопрос об учете общеправовых последствий уголовного осуждения, которые претерпевает лицо в результате привлечения к уголовной ответственности и наступления судимости. Видится логичным, что именно при квалификации преступления, которое призвано охранять общественные отношения в рамках деятельности по сбору, проверке и оценке доказательств, необходимо рассматривать наступления тяжких последствий в более широком смысле. Фальсификация доказательств зачастую нарушает законные права и интересы участника уголовного процесса, который проходит все стадии вплоть до исполнения наказания, а наступившие последствия могут причинять вред не только непосредственному субъекту, но и субсиди-

1 Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово от 11.01.2019 по делу N 1-3/2019.

2 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 // СПС «КонсультантПлюс».

арному (близкие родственники; юридическое лицо, с которым судимое лицо состоит в трудовых отношениях).

Более того, лица, осужденные за совершение преступлений, даже в случае погашения и снятия судимости (в том числе и в случае освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям) в дальнейшем сталкиваются с препятствиями в части получения лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, трудоустройства, въезда в Российскую Федерацию и получения вида на жительство [2, с. 135].

Наличие в диспозициях статей Особенной части УК РФ оценочных понятий зачастую трактуется как негативный структурный элемент, но если мы хотим минимизировать случаи, когда степень общественной опасности вынужденно не оценена в полном объеме лишь по формальным признакам, нам не стоит отказываться от них полностью. По этому поводу В.Н. Кудрявцев писал следующее: «Существование в законодательстве оценочных понятий объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела... Существование в законе оценочных понятий неизбежно. Они полезны, если устанавливаются для тех случаев, когда это необходимо и когда правильно применяются на практике. Вот почему важно подчеркнуть, что употребление этих понятий ни в коем случае не должно порождать произвола. Оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями права» [4, с. 117-118].

Сущность вышеизложенного сводится к следующим выводам. Тяжкими последствиями фальсификации доказательств могут выступать только те, которые в значительной степени влияют на общественную опасность данного преступления в случае их наступления, ведь сама по себе фальсификация доказательств по гражданскому, административному и уголовному делам небольшой и средней тяжести обладает меньшей обще-

ственной опасностью, в отличие от случаев фальсификаций, повлекших за собой те или иные тяжкие последствия.

Тяжкие последствия увеличивают общественную опасность в зависимости от вида последствия в различной степени, однако в настоящий момент из-за отсутствия достаточной дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности судами не всегда учитываются тяжкие последствия при квалификации деяния как на стадии предварительного расследования, так и при вынесении приговора.

Общественные отношения в сфере осуществления правосудия достаточно динамичны и гибки в своих вариациях. Невозможно предусмотреть всецело, что за собой может повлечь фальсификация доказательств. Несомненно, категория «тяжкие последствия» является оценочной, но это не является отрицательной характеристикой юридической техники при формулировании диспозиции ч. 3 ст. 303 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ раскрывает тяжкие последствия фальсификации доказательств в том числе как «привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, заключение его под стражу». Продолжением этих процессуальных явлений в случае исполнения приговора становятся общеправовые последствия уголовной ответственности, что позволяет нам сделать вывод, что в качестве тяжких последствий допустимо рассматривать препятствия в получении лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, трудоустройстве, во въезде в Российскую Федерацию и получении вида на жительство и иные. Судебное толкование необходимо для теории уголовного права и правоприменения в качестве ориентира при квалификации, а примерный перечень тяжких последствий позволяет наиболее глубоко изучить сущностные характеристики указанного признака объективной стороны состава преступления.

Библиографический список

1. Веденева, Т.А. Уголовно-правовая характеристика фальсификации доказательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Веденева. – М., 2011. – 19 с.
2. Карпов, К.Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление / К.Н. Карпов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – N 3 (99). – С. 133-140.
3. Кротова, Л.А. Преступления против правосудия: первый опыт обобщения судебной практики / Л.А. Кротова, Р.Х. Шаугаева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. – N 3. – С. 508-515.
4. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 1999. – 352 с.
5. Марцев, А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления / А.И. Марцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – N 4(237). – С. 148-155.
6. Михаль, О.А. Характер и степень общественной опасности как критерий классификации преступлений / О.А. Михаль // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – N 6(305). – С. 107.
7. Радионов, Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / Г.Г. Радионов. – М., 2015. – 202 с.

УДК 343.98

Анна Алексеевна АРЧУКОВА,
адъюнкт Санкт-Петербургского
университета МВД России
mylittlepony.00@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

CONCEPT AND TYPES OF FUNCTIONAL SIGNS OF HUMAN APPEARANCE

В статье поднимается проблема соотношения функциональных и динамических признаков внешности человека, проводится их разграничение. Предлагается дополнить перечень функциональных признаков внешности новыми элементами, которые проявляются при использовании «устройств ввода» компьютера. Аргументирована теоретическая и практическая необходимость дальнейшего исследования данных признаков внешности для их использования сотрудниками правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступлений. Сформулировано авторское понятие функциональных признаков внешности человека.

The article raises the problem of the correlation of functional and dynamic features of human appearance, their differentiation is carried out. It is proposed to supplement the list of functional features of appearance with new elements that manifest themselves when using computer «input devices». The theoretical and practical necessity of further research of these signs of appearance for their use by law enforcement officers in order to solve and investigate crimes is argued. The author's concept of functional signs of human appearance is formulated.

Ключевые слова: понятие, идентификация, функциональные признаки внешности человека, внешний облик человека, цифровое пространство, клавиатурный почерк.

Keywords: *the concept, identification, functional signs of human appearance, human appearance, digital space, keyboard handwriting.*

Раскрытие и расследование преступлений напрямую связано с установлением лица, причастного к его совершению. Однако в случаях, когда преступник владеет информацией о тактике и методах криминалистической идентификации и предпринимает действия, направленные на изменения своего внешнего облика (грим, парики, очки, искусственное создание или изменение особых примет, медицинские маски, балаклавы и т.п.), использует орудия и предметы (пер-

чатки, бахилы, защитные костюмы) для минимизации оставляемых на месте преступления следов, предпринимает действия, направленные на уничтожение следовой картины (например, с помощью химических реагентов или поджога) либо совершает преступления посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий с анонимизацией своей личности, последующее его отождествление становится затруднительным, а иногда и невозможным.

Несмотря на проводимые в последние годы исследования, направленные на совершенствование технико-криминалистических возможностей идентификации человека по анатомическим и общефизическим признакам внешности, в том числе по изображениям отдельных элементов внешности лица, не скрытых средствами маскировки, недостаточное внимание сегодня уделяется исследованию возможностей идентификации по функциональным признакам внешности, которые, в свою очередь, являются не менее информативными для последующего отождествления личности преступника, в том числе при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сети Интернет.

Одна из причин складывающейся ситуации заключается в существующей понятийной неопределенности функциональных признаков внешности человека и продолжающейся научной дискуссии относительно признаков, которые к ним относятся, что, бесспорно, влияет на возможности полноценного использования их в практической деятельности правоохранительных органов.

История использования знаний о функциональных признаках внешности человека в процессе раскрытия и расследования преступлений берет начало у истоков формирования криминалистики.

В труде 1910 года «Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений» А. Вайнгарт указывал: «Необходимо расследовать с помощью экспертов следы преступления, чтобы установить, не проявлял ли преступник способности, свойственные известной профессии ... Кто изучил какое-нибудь дело, тот почти произвольно повсюду применяет усвоенные приемы, даже в случаях, совсем не требующих такой техники» [5, с. 144]. Он также обращал внимание на необходимость установления «особенностей преступника», «свойственной занятию сноровки» и определенных «познаний», т.е. преступных навыков: «Профессиональный вор встает на путь узкой специализации ... Кто изучал какое-нибудь ремесло, тот невольно при каждом удобном случае применяет и свойственную этому занятию технику, даже когда он совер-

шает кражу ... Иные воры учатся некоторое время в зрелом возрасте слесарному ремеслу единственно для того, чтобы уметь изготовлять отмычки и открывать замки» [5, с. 230].

Другой известный отечественный криминалист С.Н. Трегубов описывал возможности использования регистрационных таблиц в целях последующей идентификации преступников. В приложении «Практического руководства для судебных деятелей» в регистрационной таблице 12 вместе с общими данными о лице им были указаны и функциональные признаки внешности человека, такие как осанка (выправка корпуса, манера держаться), походка, особенности жестикуляции, гримасы, мимика, голос, привычки [18].

Г. Шнейкерт выделял следующие функциональные признаки внешности, которые, по его мнению, следует указывать при описании по методу словесного портрета: осанка тела (манера держать голову, изогнутость спины, привычка держать руки); движения и жесты (походка, жесты и мимика); взгляд (ленивый, бегающий, непостоянный, скрытый, педантичный, восхищенный); мимика рта (горькое выражение, внимательное выражение, желчное выражение, презрительное выражение, «открытый рот», «улыбающийся рот»); болезненные движения (нервное подергивание рта или глаза); голос (тембр); речь, которая классифицировалась по недостаткам обнаруживающихся в ней (пришептывания, заикания, картавость, бляение, диалект и акцент); прочие привычки (курение или жевание табака) [21, с. 92-106].

Вместе с тем в трудах вышеуказанных ученых отсутствует понятие «функциональные признаки внешности человека», хотя эти признаки активно использовались в раскрытии и расследовании преступлений, а также при регистрации преступников.

Понятие «функциональные признаки внешности человека» можно встретить в учебниках по криминалистике 1970-1980-х, где оно определялось различными авторами, как:

– проявляющиеся при движении мышц или органов: осанка, походка, жестикуляция, мимика, голос, речь [13, с. 229];

– действия, показывающие специфику проявления жизненных функций человеческого организма, к которым относятся: особенности осанки, походки, жестикуляции, мимики, голос, речь, привычки [12, с. 265];

– признаки, проявляющиеся при движении мышц или органов, непосредственно обусловленные особенностями анатомического строения, а также формирующиеся на основе приобретенных привычек. К числу наиболее устойчивых из них относятся осанка, мимика, походка и жестикуляция [11, с. 238].

Т.В. Аверьянова описывает функциональные признаки как проявляющиеся в процессе жизнедеятельности человека и характеризующиеся в его двигательных и физиологических функциях, относя к ним осанку, походку, жестикуляцию, мимику, речь, манеры [10, с. 323], О.Н. Коршунова – как совокупность статических и двигательных характеристик человека, которые включают в себя позы (стоя, на корточках, сидя на стуле), ходьбу, голос, речь, мимику, жестикуляцию, манеры [14, с. 424].

Несмотря на отличия вышеуказанных определений, все же невозможно не отметить некоторое единство авторских позиций относительно того, что функциональные признаки внешности человека – это особенности человека, проявляющиеся в статике и в движении.

В.Г. Булгаковым был проведен анализ возможностей использования динамических признаков человека для решения криминалистических задач, он отмечает, что предпосылками для этого являются «основополагающие положения анатомии, физиологии, психофизиологии и биомеханики» [4, с. 3].

Динамические признаки человека рассматриваются им как «проявления внешних особенностей человека в виде двигательной активности отдельных анатомических элементов облика или их совокупности, воспринимаемые визуально или фиксируемые техническими средствами». Он признает, что термин «функциональные признаки внешности человека» шире, чем динамические признаки, и их не следует употреблять как тождественные, так как не все функциональ-

ные признаки проявляются в динамике (поза человека, осанка). К динамическим следует относить признаки, если они «обладают свойством проявляться в двигательной активности человека, сопровождающей его жизнедеятельность» [4, с. 28].

В своей классификации динамических признаков он выделил следующие: динамические двигательные признаки, связанные с перемещением тела в пространстве и его ориентацией (особенности походки, ее разновидности – ходьбы и бега); динамические коммуникативные признаки (динамика изменения мимики лица, артикуляции речевого аппарата, жестикуляции и т.д.); динамические признаки человека, проявляющиеся в реализации его навыков (трудовых, спортивных, преступных) и привычек [4, с. 150].

Нельзя не согласиться с позицией В.Г. Булгакова об отличии динамических и функциональных признаков, где последние охватывают и включают в себя не только двигательные проявления человека, но и статические, что, бесспорно, дает и больше возможностей для проведения идентификации.

В.Г. Булгаков также отмечал, что исследование признаков внешности человека применительно к решению криминалистических задач формируется на основе современных научных подходов [4, с. 38]. Действительно, на современном этапе развития общества и государства происходит глобальная цифровизация, проникающая во все сферы общественной жизни, связанная с обеспечением всеобщего доступа к информационным и коммуникационным системам и интенсивным использованием самых различных технологий, которое обусловило их широкое внедрение в большинство сфер общественной жизни. В этом смысле считаем важным то, что В.Г. Булгаков в своем определении выделил значимое свойство динамических признаков внешности, а именно возможность их «визуального восприятия или фиксации техническими средствами».

Рост преступлений в киберпространстве ставит задачу перед криминалистическим научным сообществом и правоохранительными органами изыскивать новые возможности

не только деанонимизации личности интернет-преступника, но и его идентификации, в том числе по функциональным признакам, которые проявляются при использовании «устройств ввода» компьютера – по клавиатурному почерку, особенностям использования компьютерной мыши и тачскрина.

К числу характеристик, позволяющих идентифицировать пользователя по клавиатурному почерку, относятся: количество ошибок при наборе, время между нажатием клавиш, время нажатия, нажатие одновременно двух и более клавиш, часто используемые сочетания клавиш, скорость набора текста, сила давления на клавишу, частота использования функциональных клавиш или их комбинаций.

Для идентификации человека при использовании компьютерной мыши можно выделить следующие особенности: сочетание использования клавиш и колесика прокрутки мыши, амплитуда и радиус движения компьютерной мыши, скорость движения компьютерной мыши, скорость использования клавиш и колесика мыши.

К индивидуализирующим особенностям использования тачскрина компьютера можно отнести: скорость движений, силу давления и частоту его использования.

Несмотря на то, что способ идентификации по вышеперечисленным параметрам при использовании «устройств ввода» компьютера появился относительно недавно, в периодических изданиях уже имеются отдельные исследования, посвященные оценке информативности и достоверности их результатов [напр.: 1; 3; 15-17].

Учеными рассмотрена возможность разработки и реализации создания программы для определения параметров и особенностей клавиатурного почерка пользователя, основная функция которой заключается в вычислении временных характеристик клавиатурного почерка [6, с. 43].

Использование «устройств ввода» при проведении идентификации по функциональным признакам дает дополнительные преимущества: отсутствие дополнительного оборудования, возможность проведения

скрытой процедуры идентификации, высокая эффективность проведения идентификации в связи со сложностью подделки клавиатурного почерка лицом.

Является перспективным направлением использование, правоохранительными органами выделенных выше параметров, идентифицирующих человека при использовании им устройств ввода компьютера, а также программных комплексов для собирания, обработки данных признаков, которые, в свою очередь, совершенствуют процесс исследования и помогают выполнять задачи, связанные с раскрытием и расследованием преступлений с учетом достижений современной науки и техники.

Пересмотр понятия «функциональные признаки внешности человека» и их видов сможет решить существующие теоретические и практические проблемы. Определение, соответствующее современным реалиям, и описание конкретных элементов, которые возможно отнести к функциональным признакам, позволят полноценно использовать их в практической деятельности правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступлений.

Полагаем, что при определении понятия «функциональные признаки внешности человека» следует исходить из криминалистически значимых элементов данного определения. С учетом этого функциональные признаки внешности человека можно определить как визуально наблюдаемые или технически фиксируемые, автоматизированно протекающие, при использовании мышц и обусловленные анатомическим строением организма, особенности человека, проявляющиеся в виде как двигательной активности, так и в статических характеристиках человека.

Таким образом, главными чертами данного понятия будут не только индивидуализирующие конкретного человека элементы внешнего облика, которые, несомненно, имеют важное значение для проведения последующей идентификации, но и обладающие индивидуальными особенностями следы, оставляемые им в информационном пространстве и при использовании технических средств.

Комплексное исследование указанных элементов даст возможность получать криминалистически значимую информацию, которую можно использовать в целях раскрытия и расследования преступлений.

Систему функциональных признаков внешности человека, с учетом применения современных технологий, можно представить в следующем виде: осанка (стоя, сидя на стуле), позы человека (стоя, на корточках, сидя на стуле), походка (во время ходьбы, бега), голос, речь, мимика, жестикуляция, навыки (профессиональные, спортивные, преступные, поведения, бытовые) и привычки, признаки использования средств ввода компьютера (клавиатурный почерк, особенности пользования компьютерной мышью и тачскрином).

Изменение содержания и расширение системы функциональных признаков внешности человека путем добавления в нее таких элементов, как «клавиатурный почерк», особенности использования компьютерной мыши и тачскрина позволят сформировать научно-методологический базис применения новых методов исследования. Однако данный

перечень не является исчерпывающим, необходимо проведение дальнейшего исследования для описания и обоснования добавления в систему новых функциональных признаков внешности человека (например, особенности использования мобильного устройства) [17, с. 477].

Пересмотр уже имеющихся знаний о функциональных признаках внешности человека необходим для успешного решения задач криминалистической идентификации с помощью вовлечения в уголовное производство новых, ранее не известных объектов исследования и достижений научно-технического прогресса. Необходима разработка новых методик, технических и тактических подходов к расследованию высокотехнологичных преступлений на основе использования измененной системы функциональных признаков внешности человека. Выработанные предложения по использованию и развитию функциональных признаков внешности человека будут способствовать их дальнейшему исследованию в криминалистической теории и практике.

Библиографический список

1. Артюшина, Л.А. Некоторые подходы к оценке информативности параметров «идентификации пользователя по клавиатурному почерку на основе поведенческой биометрии / Л.А. Артюшина, Е.А. Троицкая // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. – 2022. – Т. 22. – N 3. – С. 30-38. – DOI 0.14529/ctcr220303. – EDN ZBSHKU.
2. Асяев, Г.Д. Определение минимального набора входных данных для корректной аутентификации по клавиатурному почерку с использованием нейронной сети / Г.Д. Асяев, А.Н. Рагозин // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2017. – N 3 (25). – С. 19-23.
3. Брюхомицкий, Ю.А. Параметрические методы распознавания образов динамической биометрии / Ю.А. Брюхомицкий // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2011. – N 12(125). – С. 170-180. – EDN OKIPGL.
4. Булгаков, В.Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека / В.Г. Булгаков ; под ред. проф. А.М. Зинина. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 176 с.
5. Вайнгарт, А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений / А. Вайнгарт ; пер. с нем. В.М. Боремовича – Овруч: Типография Горбана и Фридмана, 1910. – 463 с.
6. Вязигин, А.А. Разработка и реализация программы для биометрии пользователя персонального компьютера на базе определения параметров клавиатурного почерка / А.А. Вязигин,

Н.Ю. Тупикина, Е.В. Сыпин // Южно-Сибирский научный вестник. – 2019. – N 1(25). – С. 43-49. – EDN GPASQP.

7. Иванов, А.И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений : монография / А.И. Иванов. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2000. – 186 с.

8. Исакова, А.Г. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» / А.Г. Исакова, А.В. Осин // Вестник науки. – 2024. – Т. 3. – N 1(70). – С. 235-242. – EDN RSHEKH.

9. Кандауров, С.И. Процессуальные и технико-криминалистические аспекты использования материалов записи систем видеонаблюдения при раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Кандауров. – Волгоград, 2007. – 221 с.

10. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М Норма: ИНФРА-М, 2012. – 944 с.

11. Криминалистика : учебник / отв. ред. А.Н. Васильев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 564 с.

12. Криминалистика : учебник / отв. ред. И.Ф. Крылов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 591 с.

13. Криминалистика : учебник / под ред. А.Н. Васильева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 496 с.

14. Курс криминалистики: общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика: в 3 т. Т. 1 / под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 683 с.

15. Пашенко, Д.В. Метод идентификации пользователя по клавиатурному почерку с использованием модели доверия / Д.В. Пашенко, Е.А. Бальзанникова // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2021. – Т. 10. – N 3(55). – С. 96-99. – DOI 10.46548/21vek-2021-1055-0018. – EDN WEPROT.

16. Пичугин, С.А. Комплексное исследование внешнего облика человека в криминалистической габитоскопии: понятие и содержание / С.А. Пичугин // Вестник Московского университета МВД. – 2011. – N 6. – С. 248-254.

17. Протасевич, А.А. О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности / А.А. Протасевич, Е.И. Фойгель // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – N 3. – С. 471-480. – DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).471-480.

18. Трегубов, С.Н. Основы уголовной техники : практическое руководство для судебных следователей / С.Н. Трегубов. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1915. – 335 с.

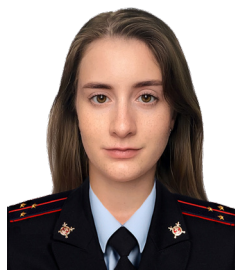
19. Чулахов, В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека / В.Н. Чулахов ; под ред. проф. Е.Р. Россинской. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 285 с.

20. Чулахов, В.Н. Навыки и привычки человека как источник криминалистически значимой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Чулахов. – М., 1998. – 23 с.

21. Шнейкерт, Г. Учение о приметах для опознания. Руководство для работников уголовного розыска / Г. Шнейкерт. – М.: Гос. тех. изд-во, 1925. – 148 с.

УДК 340.15

Полина Олеговна ШЛЕГЕЛЬ,

адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

kpo.kras@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУБЪЕКТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

FEATURES OF DEVELOPING THE LEGAL AWARENESS OF SUBJECTS OF LAW ENFORCEMENT

Статья посвящена рассмотрению вопроса функциональной взаимосвязи правовой идеологии и правосознания в механизме обеспечения правопорядка. Проводится типологизация правосознания субъектов обеспечения правопорядка на основе сочетания разных типов правосознания, в зависимости от конфигуративного различия базовых правовых идей, а также сферы деятельности субъектов. За основу взята формирующая функция правовой идеологии в отношении правосознания, определяются особенности процесса развития и трансформации правосознания, а также последствия и эффекты влияния правовой идеологии на правосознание субъектов обеспечения правопорядка.

The article is devoted to the consideration of the issue of the functional relationship between legal ideology and legal awareness in the law enforcement mechanism. The legal awareness of the subjects of law enforcement is typologized based on a combination of different types of legal awareness, depending on the configurative difference of basic legal ideas, as well as the sphere of activity of the subjects. The formative function of legal ideology in relation to legal awareness is taken as a basis; the features of the process of development and transformation of legal awareness are determined, as well as the consequences and effects of the influence of legal ideology on the legal awareness of subjects of law enforcement.

Ключевые слова: правосознание, правопорядок, правовая идеология, государство, гражданское общество, механизм обеспечения правопорядка.

Keywords: legal awareness, law and order, legal ideology, state, civil society, law enforcement mechanism.

Правосознание субъектов, обеспечивающих правопорядок, играет особую роль в формировании профессиональной этики и моделей поведения в условиях их повседневной деятельности. От уровня правосознания зависит способность субъектов обеспечения правопорядка принимать правовые решения, использовать имеющиеся знания и опыт на практике. При этом в процессе со-

держательного наполнения правосознания существуют риски появления противоречий как между системами ценностей и идей, так и между каналами трансляции этих систем, в связи с чем актуализируется необходимость определения и налаживания наиболее подходящих механизмов формирования правового мировоззрения субъектов обеспечения правопорядка.

Исходя из типологии правосознания, предлагаемой и описываемой профессором В.П. Малаховым, учитывая при этом, что какая-либо совокупность субъектов социальной группы не ограничивается наличием одного типа правосознания, а имеет преобладающий, то допускаем, что субъектов обеспечения правопорядка условно можно разделить на следующие категории [6, с. 239]:

– исходя из типологии по уровню и характеру отражения: с преобладанием профессионального или массово-обыденного правосознания. Доктринальное правосознание (рассматриваемое не только как уровень общественного сознания, но и как его форма) также проявляется, наличествует в сознании как обладателей профессионального правосознания, так и массово-обыденного, перенимая на себя функцию формирования правовых идей и концептов.

– исходя из типа правосознания по социально-групповому признаку: носители государственнического правосознания, носители гражданского правосознания и носители правосудного правосознания.

Раскрывая особенности правосознания представителей институционального компонента механизма обеспечения правопорядка, думается, что их следует разделить исходя из сочетания разных типов правосознания, поскольку именно механизм обеспечения правопорядка является примером репрезентативности различных сочетаний вышеназванных типологий.

Субъекты механизма в лице представителей государственного аппарата являются носителями государственнического правосознания (где сочетается доктринальное и профессиональное правосознание). Государственническое правосознание можно охарактеризовать как цельное, при этом одностороннее, политизированное. Право воспринимается такими субъектами как система юридических норм, правопорядок в их понимании означает строгое соблюдение законности, а монополия на систему принуждения есть легализованная необходимость. Такое правосознание ориентировано на право государства, а все остальные формы права

должны с ним согласовываться. Видится, что при рассмотрении содержательной стороны правосознания важно обратить внимание на характер конфигурации базовых правовых идей и ценностей, которые в нашем понимании представлены идеями порядка и справедливости, свободы и ответственности [подр.: 7, с. 56]. Так, для государственнического правосознания, как видится, характерна следующая цепочка идей, исходя из приоритетной ориентированности на соответствующие ценности: порядок, ответственность, свобода, справедливость. В качестве примера можно привести органы внутренних дел, федеральную службу безопасности, следственный комитет, федеральную службу исполнения наказаний, прокуратуру. При этом такое разделение не значит, что государственническому правосознанию не присуще правосудное. Такая присущность может быть охарактеризована следующей зависимостью «чем менее независимо государство от общества, тем явственнее присутствие правосудного правосознания в государственной судебной системе, и наоборот, чем менее государство независимо от общества, тем явственнее несущественность правосудного правосознания в государственной судебной системе» [6, с. 298]. Поэтому, говоря о судьях, учитывая основные принципы судебной деятельности (объективность и беспристрастность), следует предположить, что в идеале правосознание судьи должно быть правосудным (с сочетанием доктринального и профессионального) без приоритетной связи с государственническим или гражданским.

Субъекты механизма в лице представителей гражданского общества, осуществляющие свою деятельность на специализированной и профессиональной основе, выступают носителями правосудного правосознания, которое находится в приоритетной связи с государственническим (существенное влияние на его содержание оказывает сочетание доктринального с профессиональным). Приоритет идей и ценностей представляется следующей «иерархией»: порядок, ответственность, справедливость, свобода. Здесь примером выступает адвокатура, частный но-

тариат, общественные палаты, органы местного самоуправления.

Субъекты механизма в лице представителей гражданского общества, чья деятельность специализирована, но при этом не опосредована профессиональным занятием, являются носителями правосудного правосознания, которое находится в приоритетной связи с гражданским (и обуславливается преимущественно сочетанием доктринального с массово-обыденным правосознанием). Последовательность основных правовых идей и ценностей здесь выглядит следующим образом: справедливость, ответственность, порядок, свобода. Здесь связь правосудного с гражданским правосознанием обеспечивает моральное сознание. Примерами здесь могут послужить присяжные заседатели, добровольные народные дружины, лица, содействующие правоохранительным органам.

Таким образом, субъектов механизма обеспечения правопорядка в лице представителей гражданского общества определяет в качестве таковых связь правосознания с государством и направленность на общество одновременно, при этом для их правосознания характерно наличие правосудного. Государственному правосознанию же изначально не присуще правосудное. Представленная двойственность субъектов позволяет проводить все правовые процессы, процедуры в согласованности публичных и частных интересов, приводить их к балансу, где уравниваются порядок и справедливость, свобода и ответственность.

Наиболее эффективным механизмом воздействия на правосознание субъектов обеспечения правопорядка является правовая идеология, но проявляется это по-разному [6, с. 260]. Так, государственный правосознание поддается воздействию правовой идеологии, скорее, как государственной правовой политике. При этом государство также заинтересовано в ее распространении на вторую группу субъектов (носителей правосудного правосознания в приоритетной связи с

государственным). В отношении гражданского правосознания правовая идеология в качестве основания проведения правовой политики действует гораздо слабее, являясь, скорее, фоновой. Идеология здесь выступает как стихийный уровень осознания права и общественных отношений, формируемый как обыденный, массовый, поверхностный.

Распространение единой правовой идеологии на общество в настоящее время в России сопровождается попытками ее формального закрепления в нормативных правовых актах. Основными результатами проведения такой правовой политики, которые ожидает государство, как видится, станут повышение уровня признания государственной власти, проявлений патриотизма, формирование гармонично развитой личности, наличие гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности и правопорядка¹.

Таким образом, механизмы идеологии для государственно-правосознания носят управленческий характер, в то время как для гражданского правосознания такие механизмы носят нецеленаправленный, стихийный характер. Содержательное же наполнение идеологии может быть одинаковым.

Нетрудно заметить, что основная часть субъектов обеспечения правопорядка представлена носителями профессионального правосознания. В связи с этим необходимо признать наличие его внутренней дифференциации, и при рассмотрении вопросов его формирования обращать внимание на особенности каждого из видов. Так, допускаем условное разделение типов профессионального правосознания в зависимости от форм обеспечения правопорядка (охрана, защита и восстановление), поскольку специфика и широта полномочий субъектов в каждой конкретной форме требует от него определенного строя сознания, понимания и восприятия права, выстроенной системы ценностей, в связи с чем можно обозначить следующие типы: профессиональное правосознание правоохранительного типа, право-

1 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. N 46. Ст. 7977.

защитного типа и правосстановительного типа. Такое разделение также обусловлено невозможностью возложения на один орган задач, одновременно касающихся как охраны, так и защиты, так и восстановления правопорядка. В противном случае велик риск возникновения злоупотребления правом со стороны управомоченных лиц, столкновения интересов органов, появления повышенной функциональной нагрузки, образования разного рода противоречий в правосознании и других негативных явлений.

Наличие особенностей в каждом из типов профессионального правосознания, обусловленных разделением сфер деятельности субъектов и их полномочий, может проявляться в разрозненности правовой практики, столкновении публичных и частных интересов, нарушении взаимодействия институтов обеспечения правопорядка, формировании особой конфигурации ценностей и интересов, лежащей в основу профессиональной деятельности. В этом смысле важна унификация, которая обеспечила бы выполнение возложенных на институты обеспечения правопорядка задач, но в контексте общей ценностной системы. Правовая идеология выступает идейным и ценностным образом единого действительного правопорядка, и ее внутренняя структура позволяет такое согласование с ценностными предпочтениями индивида, на основе которого можно сделать сознательный и ответственный выбор для принятия решений, а также разрешить ситуацию, проблему, если это нельзя сделать с помощью юридического права [4, с. 208].

При формировании профессионального правосознания важно учитывать следующие особенности функциональной связи правовой идеологии и правосознания в механизме обеспечения правопорядка:

1) правовая идеология должна соответствовать требованиям, среди которых понятность (доступность), актуальность, структурированность, четкость и конвенциональность концепций и представлений и, возможно, привлекательность как свойство расположить общество к ее принятию. Такое соответствие

может существенно облегчить процессы ее внедрения. Также важна конкурентоспособность внедряемой правовой идеологии, чтобы влияние иной идеологии не обернулось рядом дисфункций первой;

2) важно учитывать специфику каждой из форм обеспечения правопорядка, а потому идейно-ценностный каркас правовой идеологии должен содержать представления, способные лечь в основу деятельности по охране, защите и восстановлению правопорядка;

3) выражая общую систему правовых ценностей, правовая идеология способна сглаживать и маскировать имеющиеся особенности и различия в правосознании субъектов, обусловленные разделением сфер их деятельности, определяя траекторию по достижению единой цели сохранения и укрепления правопорядка;

4) поскольку процесс формирования правосознания непрерывен, важна постоянная актуализация как самой правовой идеологии, так и представлений, концептов, транслируемых субъектам обеспечения правопорядка;

5) качественная трансформация правосознания во многом зависит от преобразующей способности правовой идеологии. Здесь включается механизм правовой идеологии, элементы которого должны функционировать таким образом, чтобы вызывать определенные последствия, эффекты, как то: прочная система представлений о праве; наличие устойчивых форм правомерного поведения; осознание своих прав и обязанностей, а также ограничений, связанных с правом; выработка способности к принятию правовых решений и т.д.

6) немаловажную роль в формировании правосознания играет налаженность каналов трансляции основных положений правовой идеологии субъектам механизма обеспечения правопорядка. Помимо основной системы передачи информации, элементами которой являются, например, официальные послания, нормативные правовые акты в области обеспечения правопорядка, в каждом отдельно взятом органе, организации, сообществе и других объединениях должна быть

организована работа по разъяснению основных положений, целей и задач их деятельности по обеспечению правопорядка, которая соответствует общей правовой политике в этой области. Например, в сфере органов внутренних дел организована морально-психологическая подготовка, представляющая собой «систему мероприятий по формированию у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, понимания государственной политики в сфере внутренних дел, профессиональной культуры и морально-психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки», частью которой является воспитательная работа, направленная на формирование у сотрудников «комплекса гражданских, профессиональных, психологических и нравственных качеств, обусловленных потребностями службы»¹.

7) субъекты – носители профессионального правосознания сами являются ретрансляторами правовой идеологии, будучи институциональным звеном ее механизма, что повышает значение уровня их правовой культуры и правосознания [5; 2]. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» среди обязанностей полиции закреплено участие в пропаганде правовых знаний по направлениям ее деятельности². Такого рода ответственная работа предполагает наличие у участника ретрансляции определенного уровня знаний, сформированного в соответствии с идейно – ценностной системой государства. Институты гражданского общества также участвуют в деятельности по правовому просвещению, в частности, ч. 2 ст. 28 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» предусматривает, что обязанности по правовому информированию и правовому просвещению населения, в том числе граждан, имеющих право на бесплатную

юридическую помощь, могут возлагаться на адвокатов и нотариусов. Правовое информирование и правовое просвещение также вправе осуществлять органы местного самоуправления³.

Важно обратить внимание на влияние правовой идеологии также на формирование массово-обыденного правосознания у субъектов обеспечения правопорядка. Массово-обыденное правосознание можно охарактеризовать следующим образом: наличие тесной связи с основными формами общественного сознания (религиозное, моральное); неполные, фрагментарные представления о своих правах и поверхностные знания о положениях действующего формального права; преимущество ориентации на правовые чувства, правовые эмоции и настроения. В связи с этим ограниченные представления о правопорядке в массово-обыденном правосознании компенсируются знаниями из других форм общественного сознания (ориентации на сферу добра и зла, чести и достоинства, совести и ответственности, долга и другие).

Стоит отметить, что такие субъекты, играющие вспомогательную роль в механизме обеспечения правопорядка, являются исключениями. Правосознание этих субъектов является развитым вариантом правового мировоззрения индивида; для них право значимо настолько, что они сознательно выбирают активное участие в обеспечении правопорядка. Такие субъекты в силу тесной связи их правосознания с моралью и преобладания правового чувствования склонны, скорее, к альтруизму, который тесно связан с чувством справедливости [1, с. 192]. Готовность и стремление личности совершать поступки с целью обеспечения общего правопорядка позволяет ему интегрироваться в различные общности, укрепляя свои связи с государством и гражданским обществом. Здесь стоит согласиться с позицией Э. Дюркгейма:

1 Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25.12.2020 N 900 // «Гарант».

2 О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. N 7. Ст. 900; 2023. N 1. Ст. 16.

3 О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. N 48. Ст. 6725; 2024. N 1 (ч. 1). Ст. 42.

«Альтруизм не обречен стать, как это думает Спенсер, своего рода приятным украшением нашей общественной жизни; он будет всегда ее основанием» [3, с. 236].

Таким образом, роль правовой идеологии здесь определяется ее базовой формирующей функцией, а также ее идейно-ценностным содержанием. Функция по формированию правосознания заключается в трансляции субъектам обеспечения правопорядка системы идей, на основе которой складываются представления о ценности права и необходимости сохранения и укрепления правопорядка. Ее значение выражается в повышении эффективности взаимодействия государства и гражданского общества, повышении уровня доверия к властным структурам, способности принятия правовых решений на основе идейных ориентиров правовой идеологии, предотвращении дальнейшей деформации правосознания. Сформированное право-

сознание субъектов позволяет вырабатывать устойчивые формы правового поведения, что обеспечивает оптимизацию функционирования механизма обеспечения правопорядка.

Разная конфигурация правовых идей и ценностей, присущая тому или иному типу правосознания субъектов обеспечения правопорядка, препятствует приведению в баланс публичных и частных интересов, установлению отношений между государством и гражданским обществом, нахождению точек соприкосновения государственного и негосударственного права. Именно поэтому возникает необходимость существования таких правовых механизмов, как механизм обеспечения правопорядка, который, будучи оптимизированным идеологическим компонентом, посредством публичного правового дискурса приводит к равновесию многие противоположности в сфере обеспечения правопорядка.

Библиографический список

1. Бабосов, Е.М. Альтруизм – специфический способ реализации человекомерности социального бытия / Е.М. Бабосов. // Социологический альманах. – 2015. – N 6. – С.192-201.
2. Беседин, А.А. Институциональный уровень механизма правовой идеологии / А.А. Беседин. // История государства и права. – 2010. – N 2. – С.36-39.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
4. Клименко, А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография / А. И. Клименко. – М.: Норма, 2017. – 384 с.
5. Клименко, А.И. Функции и структура правовой идеологии современных государственно-организованных обществ и международных сообществ / А.И. Клименко // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – N 3. – С.48-61.
6. Малахов, В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В.П. Малахов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2019. – 351 с.
7. Шлегель, П.О. Сущностные характеристики правовой идеологии в механизме обеспечения правопорядка / П.О. Шлегель // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – N 4 (153). – С.52-58.

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

– текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

– в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

– научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– код УДК (универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

– многочисленные ссылки на работы, опубликованные в «Вестнике Сибирского юридического института МВД России»;

– многочисленные (более одной) ссылки на собственные публикации автора;

– опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянчик Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент (г. Красноярск)

Шапин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск).

Editorial Board:

the editor-in-chief, he is also the chairman of the editorial board – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

deputy Editor-in-Chief, he is also responsible for the issue – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Galimova Marina Alexandrovna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Zhiltsov Andrey Vladimirovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Zemtsova Svetlana Igorevna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Ivanov Andrey Yuryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Dudina Nadezhda Afanasyevna, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Kalugin Alexey Gennadievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kosmodemyanskaya Elena Evgenyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Kupriyanchik Tatyana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Malkov Sergey Mikhailovich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Melnikov Evgeny Borisovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Molyarov Evgeny Alexandrovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Nevirko Dmitry Dmitrievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Sudnitsyn Alexey Borisovich, Candidate of Law, Associate Professor (St. Petersburg);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Tokmantsev Denis Valeryevich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Chumarova Ekaterina Yurievna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Shinkevich Vladimir Efimovich, Doctor of Sociology, Associate Professor (Krasnoyarsk)

Shashin Daniil Georgievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk).